

П1347

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

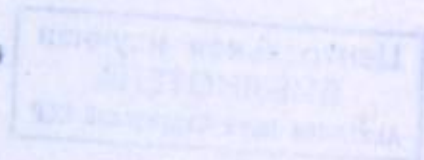
ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1931

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1931

Январь 1931 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный Секретарь академик В. Волин

Редактор издания А. И. Толмачев

Начато набором в сентябре 1930 г. — Окончено печатанием в январе 1931 г.

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Иргизской ССР

1748438

105 стр. (12 фиг.)

Статформат Б₅

Ленинградский Областят № 72400. — 6⁵/₈ печ. л. — Тираж 650
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
I. Систематический перечень встреченных млекопитающих и птиц	8
Млекопитающие — Mammalia (8). Птицы — Aves (49).	
II. Физико-географический очерк и опыт зоогеографического и экологического анализа фауны	89
Список цитированной литературы	104

С. П. НАУМОВ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ И ПТИЦЫ ГЫДАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (СЕВЕРОЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

ВВЕДЕНИЕ

В основу предлагаемой статьи легли материалы, собранные мною во время Гыданской экспедиции Академии Наук СССР, работавшей в 1927 г. и частью в 1928 г. на крайнем севере Средней Сибири в районе между Енисейским заливом, Обской и Тазовской губ. Территория эта, вообще крайне плохо изученная, до сего времени не подвергалась зоологическим исследованиям, и мы не имеем ни одной работы, посвященной фауне этой страны.

На Енисее и в Енисейском заливе зоологические работы начались значительно ранее. В 1843 г. проездом на Таймыр нижний Енисей посетил акад. Миддендорф; в 1866 г. акад. Шмидт, по поручению Академии Наук ездивший на оз. Ямбу-то для раскопки мамонта, проехал по Енисею до Толстого Носа и далее незначительно вглубь Гыданской тундры, до указанного озера. В новейшее время, в 1907 и в 1908 гг. на нижнем Енисее и в заливе работали С. А. Бутурлин и А. Я. Тугаринов. Некоторые сведения о фауне птиц с южной границы интересующего нас района собраны И. Шуховым во время поездок в низовье Таза и Турухана в 1914 г.

Для районов, граничащих с Гыданской тундрой с запада, зоологические сведения значительно полнее. Из самых последних поездок в эти области нужно отметить следующие: 1876 г. Бременская экспедиция под начальством О. Финша прошла из Обдорска в верховья р. Щучьей и р. Подораты; 1897 г. К. М. Дерюгин совместно с В. Ф. Држевецким коллектировал в долине нижнего течения Оби и по дороге от Обдорска к Полярному Уралу; 1908 г. Б. М. Житков во главе экспедиции Русского географического общества дважды прошел через полуостров Ямал и посетил также остров Белый; в 1911—14 гг. на нижней Оби, в окрестностях Обдорска и на р. Щучьей коллектировал И. Шухов; наконец, некоторые сведения

о распространении и коллекционный материал по птицам собрал в 1921 г. Шостак, посетивший мыс Круглый на Обско-Тазовском полуострове. Большинство указанных исследователей занималось главным образом орнитологическими сборами, лишь вскользь затрагивая млекопитающих.

10 февраля 1927 г. Гыданская экспедиция Академии Наук выехала из Н. Туруханска вдоль р. Турухана на Янов-Стан, где проработала до 2 марта; 25 февраля Городков и Ермилов выехали в верховья Турухана, откуда к 21 марта прибыли к устью Таза — на фабрику Хальмер-седе. Я же с остальной частью экспедиции двигался через Сидоровскую пристань на р. Таз (8—11 марта) и далее вдоль левого берега Таза также до устья Таза. 29 марта выехали по направлению к NNO, 24 апреля пересекли р. Месо, 7 мая верховья р. Танам, 11 мая вторично переехали Танам уже в нижнем течении, 17 мая выехали на Енисей у фабрики Дерябино, где пробыли до 21 мая, 22 мая уехали на оз. Хассейн-то, куда ранее прибыл геолог Ермилов, проехавший из Хальмер-седе в Усть-Енисейский порт и далее по Енисею до Дерябина. С 23 мая по 27 июня весновали на Хассейн-то, 28 июня выехали вниз по р. Хассейн-то-сё, 8 июля прибыли к началу Гыдаямской губы на оз. То-игаева, где простояли до 14 июля. С 15 июля плыли вдоль югозападного берега Гыдаямской губы и 24 июля вошли в устье Юрибея, где этнограф Костиков и зоолог Наумов простояли до 17 августа, прочие же проплыли за это время далее в том же направлении до устья р. Нёйте. 18 августа начали подниматься вверх по Юрибею и 25 августа, поднявшись до $10^{\circ}38'$ с. ш., $76^{\circ}30'$ в. д., остановились до 8 сентября; 12 сентября спустились до среднего течения Юрибея, где простояли до 7 ноября. За это время заведующим хозяйством экспедиции Макарыным, начальником экспедиции Городковым и зоологом Наумовым была сделана поездка к устью Юрибея.

С 13 сентября до 31 октября Городков и Ермилов совершили поездку до северной оконечности полуострова Мочуй-сале, а топографы Бизин и Беспалов на северную оконечность полуострова Евай-сале. 7 ноября начали двигаться к югу, направляясь в Обдорск. 18 ноября переехали р. Ярта-яга (бассейн р. Енисей), 11 декабря Тазовскую губу, 10 января 1928 г. низовье Ныды, 13 января устье Надыма и 28 января вышли в Обдорск.

Как видно из маршрута, мною лично не посещены северные районы исследуемой территории, а южные пройдены лишь в зимнее время. Естественно поэтому, что сведения мои страдают неполнотой; некоторые виды могли быть вовсе не встречены, географическое распространение других для меня сейчас не вполне ясно. Настоящей статьей я не претендую на полную сводочную работу. Я изложил здесь лишь те несомненно неполные наблюдения над биологией и распространением высших позвоночных, которые я сделал во время путешествия, и достигнутые при этом взгляды на соотношение фауны описываемой территории с фауной соседних обла-

стей. Недостаточность сведений по фауне исследованной страны, а также и соседних районов не позволяет считать сделанные выводы окончательными. Дело будущих исследователей подтвердить или изменить выдвинутые мною положения.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность спутникам моим по экспедиции, всегда с готовностью помогавшим мне в работе по коллектированию и наблюдениям за высшими позвоночными. Особенно благодарен я начальнику экспедиции Б. Н. Городкову, топографу В. М. Бизину и зав. хоз. экспедиции А. Г. Макарыну. Фаунистическими сведениями о северных районах Гыданской тундры я всецело обязан двум первым моим сотоварищам.

Глубоко благодарен я также директору Зоологического музея Академии Наук А. А. Бялыницкому-Бируле, ученому хранителю музея Б. С. Виноградову, научному сотруднику Б. К. Штегману за руководство при снаряжении к путешествию и обработке собранного мною материала.

Приношу глубокую благодарность учителю моему Б. М. Житкову, а также и всем сотрудникам Зоологического музея Академии Наук и Зоологического музея Московского университета, помогавших мне своими указаниями, как при подготовке к полевой работе, так и при проработке материала.

I. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВСТРЕЧЕННЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ — MAMMALIA¹

Sorex macropygmeus koreni Allen

Единственный экземпляр этого вида найден замерзшим на снегу близ р. Мудуй, на северной границе лесотундры (68° 19' с. ш.). По окраске зверек подходит под третий тип окраски, указанный Огневым (Звери зап. Евр. и сев. Азии).

Sorex vir turuchanensis subsp. nova

Тип: Янов-Стан на р. Турухане, 17 II 1927, С. Наумов. Экземпляр (№ 15061) в коллекции Зоологического музея Акад. Наук. Кроме типа 4 экз. из того же места.

Диагноз: Отличается от *S. vir* Allen более длинным черепом (19.8—20.5), с уплощенной и относительно суженной черепной капсулой. Носовой отдел значительно более вытянут. В профиле черепа характерно сильное вдавление в задней области межглазницы. Промежуточные зубы верхней челюсти распадаются на две резко отличные группы (два первых почти равны; 3—4 также почти равны и значительно менее предыдущих). Окраска слабо трехцветная, верх близок к „Cinnamom Brown“ XV. Хвост длинный (42) слабо волосистый, более похожий на таковой группы *S. araneus* L.

Систематические замечания: От группы *S. araneus* L. описываемый подвид резко отличен общим habitus'ом черепа, особенно формой и величиной мозговой капсулы, значительно более плоской и узкой, чем у обычной бурозубки. Носовой отдел *S. araneus* более широкий и относительно короткий. Отношение длины rostrum'a (от foramen anteorbitale

¹ Приводимые измерения млекопитающих взяты мною общепринятые; в иных случаях примеры оговариваются в тексте особо. При описании окраски я пользовалась таблицами Ridgway. Color standards and color nomenclature. Washington, 1921.

до переднего края резцов) к основной длине в % у *S. araneus* — 20.2, у *S. vir turuchanensis* — 24.2. Межглазничная ширина у нового подвида 3.6—3.8; у *S. araneus* 3.8—4.0. Указывая эти отличия, мы имеем в виду сибирский подвид *S. araneus*, именно *tomensis* Ogn. и якутский подвид *jakutensis* Duk, мало вообще отличный от *S. araneus tomensis* Ogn. Наиболее близка к *S. vir turuchanensis*¹ — *S. platycranius* Ogn., но недостаточность материала по последней (известно два экземпляра) не позволяет достаточно полно судить о их взаимоотношении. Два известные экземпляра отличаются меньшей величиной (черепа 19.7—20.5), более округлой и широкой капсулой. Ростральная часть относительно короче. Процентное отношение длины rostrum'a (то же измерение) к основной длине у *S. platycranius* — 21.7%, у *S. vir turuchanensis* — 24.2%. Характерное для туруханского подвида *S. vir* вдавление в задней части межглазницы у *S. platycranius* почти отсутствует. Но по малой волосистости и длине хвоста новый подвид несколько сближается с плоскочерепной землеройкой.

Наша землеройка в значительном количестве была встречена в лесной зоне между Туруханском и Яновым-Станом (на р. Турухане 65° 59' с. ш.). Далее к северу по условиям передвижения мне не пришлось тщательно коллектировать, и зверки из более северных районов в моих сборах отсутствуют. По следам я мог проследить какую-то землеройку приблизительно до 67° с. ш., т. е. до границы южной лесотундры (граница ели). Миддендорф указывает *Sorex vulgaris* для 72° с. ш. Такая разница в северных границах распространения не будет казаться странной, если вспомнить что на Таймыре лесная растительность спускается почти на 4° севернее.

В окрестностях Янова-Стана и Сидоровской пристани землеройки крайне неприхотливы в выборе станций. С одинаковым успехом они ловились в хвойном и березовом лесах и в болотистых ивняках. Норки их обычно вырыты в снегу, под корнем дерева или близ ствола, в ямках, образовавшихся от выдувания снега. Нередки они и в домах русских селений. По рассказам юраков иногда землеройки в значительном количестве в летнее время селятся близ чумов и в самих чумах. Очевидно зверков привлекают сюда хранящиеся запасы пищи, главным образом рыбы, которым они наносят значительный вред.

Любопытно отметить, что в лесной полосе землеройки зимой селятся в непосредственной близости с рыжей полевкой (*Evotomys rutilus*). Ставя ловушки вплотную к отверстию норы, часто приходилось ловить по очереди — то полевок, то землероек. Положение пойманных зверков, зачастую только наполовину вылезших из норы, с очевидностью доказывало, что пойманные зверки находились в этой норе. Возможно, что общий был только вход, а далее норы шли раздельно.

¹ Не считая *Sorex vir vir* Allen.

Нередко я находил в ловушках полусъеденных, а иногда и вовсе обглоданных *Evotomys rutilus*, пострадавших от маленьких, но прожорливых хищников-землероек.

Eutamias asiaticus Gmel.

По опросным данным редко встречается в районе Янова-Стана (66°) и Сидоровской пристани на Тазу (66°30'). Северной, этого зверка не знают. Миддендорфом прослежен на Енисее до села Ягорское (68°).

Sciuropterus ruscicus Tied.

Самоедское название — тареха.

Двигаясь к северу, последние достоверные сведения о летяге я получил на Яновом-Стане (66°). Северной, уже в полосе лесотундры (67°), юраки, хотя и рассказывали о якобы живущей в лесных участках летяге но думаю, что сведения эти основаны на недоразумении, так как в этих широтах на Тазу лес сохраняется лишь в виде небольших отъемов. Миддендорф и Шмидт указывают северную границу летяги на Енисее приблизительно под 69° (оз. Норильское).

Ratus norvegicus Erxe.

Единственное определенное указание на нахождение пасюка на Нижнем Енисее сделано Шмидтом¹ в 1872 г., указывающего ее для Дудинки со слов купца Сотникова. На всем остальном протяжении Енисея на юг до г. Енисейска крыса им не была встречена. Проехавший в 1843 г. по Енисею Миддендорф севернее Енисейска крысу также не встретил. Не обнаружил ее там и я в 1927 г. Сведения, полученные в Нижнем Туруханске, крайне противоречивы и заключить по ним о присутствии крысы не представлялось возможным. Немного определеннее сведения получил я в сел. Подкаменном-Тунгузском, но и здесь лично мной она не встречена. Таким образом присутствие пасюка севернее сел. Подкаменное-Тунгузское в настоящее время не может быть указано. Насколько мог я заключить из расспросов пасюка сейчас нет и в Дудинке.

Факт этот глубоко интересен в том отношении, что наглядно показывает на весьма различные способности к расселению на севере двух паразитов человеческих жилищ, именно *Ratus norvegicus* и *Mus musculus*. Как те, так и другие в большом количестве завозятся на пароходах с мучными товарами, но в то время, когда мыши обосновались в Туру-

¹ F. Schmidt. Resultate der Mammothexpedition. Mém. Acad. Sc., St.-Petersbourg, v. XVIII, № 1, 1872.

ханске еще во время Миддендорфа, и теперь являются бичем факторских лавок, крыса неминуемо гибнет, или не выдерживая конкуренции с другими млекопитающими паразитами жилищ (*Evotomys rutilus*, *Soricidae*) или же не умея приспособиться к условиям северного существования. Разногласие по вопросу о присутствии крысы в городе среди жителей Туруханска и единственный случай нахождения пасюка в Дудинке, на мой взгляд, без сомнения вызваны этим обстоятельством.

Mus musculus tomensis Kastsch.

Домашние мыши, пойманные в Туруханске, по всей совокупности признаков, ближе всего стоят к *Mus musculus tomensis* Kastsch. От *M. m. funereus* Ogn. они хорошо отличны длиной хвоста, равной $\frac{3}{4}$ длины тела (реже немного более), светлой, бело-палевой окраской брюшка, меньшим межглазничным пространством (у *M. m. funereus* оно максимум 4.4, у туруханских — 3.9) и более коротким зубным рядом (для *M. m. funereus* 4.0, для туруханских — 3.4). От *Mus musculus borealis* Ogn. туруханские мыши отличны значительно более темной окраской, с заметным ржавобуроватым оттенком, несвойственным первой форме, поскольку я мог заключить по немногим виденным экземплярам из Архангельской губ. Подобное указание делает и Огнев¹ в описании подвида *M. m. borealis*. Череп на немногих экземплярах дает следующие отличия: у *M. m. borealis* он менее массивный, вытянутый в продольном направлении, капсула уже. На отдельных промерах это рисуется так: ширина черепной капсулы у *borealis* — 9.2 — 9.9, у туруханских — 9.7 — 10.3, межглазничное пространство у *borealis* — 3.2 — 3.7, у туруханских — 3.6 — 3.9.

С *Mus musculus tomensis* Kastsch туруханских мышей сближают признаки: относительной длины хвоста, общих наружных промеров, окраски верха весьма сходной с западноалтайскими, у туруханских она лишь незначительно темней. Отдельные промеры черепа весьма близки к таковым *M. m. tomensis*. При сравнении серий черепов указанных домашних мышей видна следующая разница: череп туруханских более массивный, сильный, что особенно хорошо заметно на скуловых дугах, черепная капсула более вытянутая, овальная, менее угловатая, чем у *M. m. tomensis*. При рассмотрении черепа в профиль ясно видно сильное вадутие ossis parietalis особенно у старых экземпляров. Rostrum у туруханских значительно массивней и шире. Ширина между foramina infraorbitalia у туруханских 3.0—3.5, у *M. m. tomensis* 2.8—3.0.

Эти отличия на серии из 9 шт., хотя и постоянны, но на мой взгляд недостаточно велики, чтобы туруханскую мышь выделять в особый подвид.

¹ С. Огнев. Грызуны Северного Кавказа, 1924 г.

При сравнении с рядом известных сейчас подвидовых форм она, давая указанные выше отличия, ближе всего стоит к *M. m. tomensis*; это имя я ей и даю. Возможно, что туруханские домашние мыши, перевезенные из южной полосы западной и центральной Сибири, начинают постепенно дифференцироваться в особую географическую расу, отличия которой я отметила выше.

Миддендорф во время своего путешествия по Енисею в 1843 г. проследивший распространение домашних мышей до Туруханска, указывает что в последнем пункте они были очень редки. Я встретил их там в большом количестве, что без сомнения связано с сильно развившимся перевозом товаров с юга Енисея на север, безусловно способствующим расселению этого зверка. При вторичном въезде на Енисей на Дерябинскую зимовку (70°43' с. ш.), я мышей там не обнаружил, нет их там и по свидетельству служащих фактории.

На Яновом-Стане (на Турухане) и на фактории Ямбур на Тазовской губе (68°31' с. ш.) мышей в мое время не было; местные жители мне рассказывали, что мыши бывают временами в ограниченном количестве и затем пропадают. Такое спорадическое появление и исчезновение завозимых мышей стоит, на мой взгляд, в зависимости от того обстоятельства, что на севере функции домашних мышей в значительной степени переходят к землеройкам, конкуренцию с которыми при некоторых условиях домашние мыши, очевидно, не выносят.

Evotomys rutilus rutilus Pall.

Самоедское название — ногó-пйси (песцовая мышь).

По всей совокупности своих признаков гыданские *Evotomys rutilus* наиболее близки к типичному подвиду (Сев. Алтай). Правда, между этими полевыми есть незначительная разница, но на мой взгляд недостаточная для выделения гыданских зверков в самостоятельную таксономическую единицу. Различия сводится к следующему: череп гыданских зверков несколько меньше, более уплощен, с характерным вдавлением в задней части межглазницы. Общая длина его, максимум 26.3, у типичных же 24.3; затылочная высота у гыданских максимум, 6.7 у типичных — 7; скуловая ширина у гыданских уже 13.5; для типичных 14.0; максиллярный ряд у гыданских короче, максимум — 5.2, у типичных — 5.7. Промеры тела почти тождественны, у гыданских высота уха лишь немного меньше. По окраске (зимние) гыданские *Evotomys rutilus* незначительно светлее типичных. В общем тоне верха светло-рыже-пепельные тона преобладают несколько больше, чем у североалтайских. Также несколько светлей и окраска хвоста (с обеих сторон).

Отличие гыданских зверков от других подвидов — *Ev. r. jakutensis* Vin. *Ev. r. baicalensis* Ogn. и неопisanного еще подвида *Ev. rutilus* с низовьев Енисея¹ выступает при сравнении достаточно наглядно. От *Ev. rutilus jakutensis* помимо более мелких размеров черепа и тела, ее прекрасно выделяет и окраска верха с отсутствием ржаво-огненных оттенков, так характерных для якутских полевок. Не менее хорошо отлична от гыданских полевок крупночерепная и широкоскулая *Ev. rutilus baicalensis*, представляющая одну из наиболее крупных рас *Evotomys rutilus* Pall. К сожалению, при сравнении в моем распоряжении было слишком небольшое количество *Evotomys rutilus* из европейской части СССР (2 экз. из Архангельской губ.). На этом материале я не мог подметить скольконибудь существенной разницы между североурскими и гыданскими зверками.

Миддендорф не встретил этого вида ни на Боганиде, ни в Таймырском крае; напротив, в Якутске эта полевка, по его словам, очень обыкновенна; не встретил ее и акад. Шмидт, ездивший на остров Ямбу-то для раскопки мамонта; Яковлев (колл. Зоол. муз. Акад. Наук) нашел ее на Толстом Носу (Енисей 70° с. ш.).

Многую рыжая полевка была встречена в большом количестве как в лесной зоне, так и в обеих подзонах лесотундры. Последних зверков я поймал на границе древесной растительности (р. Мудуй, 68°19' с. ш.). Далее зверок не встречался до того момента, когда при обратном осеннем передвижении на юг я вновь не вступил в лесотундру. Но вместе с тем отсутствие в моих сборах *Evotomys rutilus* из тундры, конечно не говорит об отсутствии ее там вообще. На это указывают и сборы Яковлева на Толстом Носу, хранящиеся в Зоологическом музее Академии Наук.

Повидимому далеко в тундру она не идет и граница ее, надо думать, совпадает с границей больших кустарников (*Alnus fruticosa*). Иначе во время летнего коллектирования на северной границе ольхи рыжая полевка при большом количестве расставленных ловушек неминуемо должна была бы в них попасть. В зимнее же время ловля в тундре вообще крайне затруднена, и притом быстрое передвижение экспедиции в это время не давало возможности тщательного коллектирования. В зимнее время норки ее, равно как и норки других полевок и землероек, встречались лишь в лесу и среди крупных кустарников, у корней деревьев или под сваленными стволами, т. е. в тех местах, где получается некоторое прикрытие от сдуваемого ветром снега. Такие выходы обыкновенно постоянно поддерживаются. Кроме норок этого типа, служащих, следовательно, постоянными выходами для зверков, есть еще норки-„отдушники“. Последние

¹ Б. С. Виноградов. Заметки о млекопитающих Якутии. Мат. Комиссии по изучению Якутской АССР, в. 18, 1917, стр. 3.

открываются обычно на ровном снегу вне связи с деревьями или корнями, и не служат для выхода зверков на поверхность снега. Особенно много бывает их заметно после сильных буранов, когда некоторые участки буквально пестрят такими дырками. Мною велись тщательные наблюдения за норками-„отдушниками“ в период от 1½ до 2 недель и ни в одном случае я не заметил, чтобы зверок вышел через такую нору. Норка лишь прокапывается до поверхности снега и затем бросается. Постепенно ее заносит снегом и лишь тогда, когда она совсем забивается, зверок роет новую. Появление большого количества таких норок после сильных буранов, обычно в местностях с наиболее толстым снеговым покровом, заставляет предполагать, что значение их — вентиляция, снабжение воздухом обильных подснежных ходов зверка. Для зимних поселений *Evotomys rutilus* придерживается хвойных и березовых лесов, хотя в меньшем количестве встречается и в болотистых зарослях ивы.

Evotomys rufocanus Sund.

Многу этот вид не встречен, но в одной из погадок, собранных под 69° с. ш., я обнаружил нижнюю челюсть, которую считаю принадлежащей этому виду рыжей полевки.

Microtus oeconomus oeconomus Pall.

Плохая сохранность и малое количество (3 экз.) материала, не позволили мне заняться подробным изучением систематических особенностей названных полевков. В общем, мои зверки кажутся несколько светлей байкальских и севернорусских, что, возможно, объясняется отчасти зимним нарядом зверков моих сборов.

Два экземпляра были пойманы в еловолиственничном лесу на берегу р. Турухана. Любопытно отметить, что полевки попались в ловушки у тех нор, где до этого неоднократно ловились *Evotomys rutilus*. Это обстоятельство до известной степени подтверждает мое предположение, что одно наружное выходное отверстие обслуживает несколько нор, принадлежащих различным зверкам. Далее к северу этот вид мною не встречен, но в одной из погадок (*Nyctea nyctea* или *Archibuteo lagopus*, найденной на берегу р. Луцемпя-яга, в полосе чистой тундры) — 69°30' с. ш., я обнаружил остатки черепа этой полевки. Конечно, эта находка не является доказательством нахождения экономки почти под 70° с. ш., но во всяком случае можно предположить, что она была поймана где-либо поблизости.

Microtus agrestis L.

Один экземпляр темной полевки пойман в стогу сена на р. Турухан близ Янова-Стана. Далее к северу вид этот мною не встречен, не обна-

ружен он также при разборе погадок. Пойманный экземпляр принадлежит, очевидно, к типичной форме темной полевки. К сожалению, плохая сохранность зверка не позволяет определить его подробней.

Lemmus obensis obensis Brants.

Самоедское название — мохопары-писи.

Пойманные зверки принадлежат к типичному подвиду обского лемминга. Промеры их черепов и тела совпадают с цифрами, указанными для этого подвида Виноградовым.¹ Окраска летних экземпляров сходна с таковой печерских, новоземельских и енисейских зверков (Толстый Нос). Сходны с ними также и экземпляры с Таймыра (сбор Миддендорфа).

Сезонные изменения *Lemmus obensis* детально описаны Миддендорфом (*Sibirische Reise*, p. 100—101), поэтому останавливаться на этом подробно я не буду. Отмечу, что по сравнению с Таймыром сроки смены нарядов у гыданских *L. obensis* несколько иные. В общих чертах картина рисуется в следующем виде. В начале июня на Хассейн-то попадались зверки, мех которых нес на себе многие зимние черты. Состояние меха их приблизительно следующее. Волосы ости сильно поредели, сквозь них хорошо заметен грифельносерый цвет нижней части волоса. Местами волосы настолько редки, что образуются темные, грифельного цвета пятна, отчего зверек кажется пятнистым. Сплошных черных волос, сравнительно с летними зверками, — мало. Черной полосы на спине еще нет, лишь на затылке и между лопатками черный цвет развит более интенсивно. Несколько темней также и область ушей. Щеки белого цвета, брюхо почти белое, с мало заметным желтоватым оттенком. Длина рыжих волос 17—20 мм, черных 19—21 мм. Последний такой зверек был пойман 5 июня. В сборах Миддендорфа весьма близкий по состоянию зверек имеется от 26 июня (ст. стила). Вполне перелинявшие летние лемминги на Хассейн-то начали попадаться с конца мая. По указанию Миддендорфа *L. obensis* на р. Таймыре встречался в начале июня (ст. стила) уже в летнем наряде.

Первые признаки осенней линьки я заметил у зверка, пойманного 28 сентября (№ 115) в среднем течении р. Юрибея (70°47' с. ш.). Одноцветных черных волос у него сравнительно с летними экземплярами меньше. Темная полоса заметна лишь в передней части спины. Ясной темной полосы в области глаз и ушей нет. Черный цвет здесь лишь немногим интенсивнее, чем в остальных частях верха. Общий тон верха тела у зверка близок к летнему (он лишь несколько светлей от меньшего числа

¹ Б. С. Виноградов. Заметка о палеарктических леммингах. Еж. Зоол. музея Акад. Наук 1925 г.

черных волос). При раздвигании волос видны подрастающие зимние волосы, достигающие 7—9 мм. Первого подобного зверка я нашел в сборах Миддендорфа от 3 августа (ст. стилия). Зверки в полном летнем мехе, абсолютно без следов подрастающего зимнего волоса, мною встречались до 11 X. В сборах Миддендорфа последние летние кончаются 7/20 сентября. И сам Миддендорф пишет, что в летних нарядах *L. obensis* встречался на Боганиде до начала сентября (ор. с., р. 100), а в середине октября (ст. стиль) *L. obensis* имел совершенно зимнюю шкуру. Мне же приходилось ловить в конце октября (нов. стилия) зверков по внешности неотличимых от летних, у которых лишь при раздвигании меха была видна подрастающая новая шерсть длиной 7—8 мм. Первые экземпляры в зимнем наряде Миддендорф нашел под 71° с. ш. в середине октября; мною они не обнаружены до конца октября.

Сопоставляя сроки весенней и осенней линьки у *L. obensis* на Таймыре, и в Гыданской тундре (в сходных приблизительно географических зонах, но не в широтах) можно видеть, что весенняя линька на Таймыре приблизительно на один месяц отстает от таковой в Гыданской тундре. Приблизительно аналогичная разница наблюдается и в различии сроков осенней линьки. Соответственно также сильно разнятся и сроки нахождения зверков в летнем наряде.

Линька молодых (осенних) наступает очевидно несколько раньше взрослых. Экз. № 107 от 4 августа (общая длина тела 98 мм) имеет окраску описанную Миддендорфом (ор. с., р. 101). На шкурке при рассматривании ясно видны подрастающие светлоржавые волосы длиной 7—6 мм. Вряд ли прав Миддендорф (ор. с., р. 101), указывая, что в первый месяц жизни зверка окраска его делается почти такая же, как и у взрослого зимой. В моих сборах есть зверок (№ 110) от 13 августа в полном летнем наряде взрослого; лишь 9 октября поймал я молодого зверка (общая длина тела 71 мм, № 119), вполне перелинявшего в зимний мех; длина волос у него 14—16 мм.

Двигаясь к северу, мы впервые встретили этот вид в ивовых зарослях в долине среднего течения р. Турухана (66° 30' с. ш.). В этих широтах *L. obensis* очевидно редок, так как другая партия, двигаясь по реке Таз, лишь изредка видела следы этого зверка. Далее к северу под 68° с. ш. следы лемминга стали попадаться чаще. Норки обычно располагались среди зарослей ивы и ольхи. Обычен был лемминг на всем протяжении до устья Юрибея (71° 10' с. ш.), наиболее северного пункта моего маршрута. Как далеко идет этот зверок на север по Гыданскому полуострову проследить мне (в зависимости от маршрута) не удалось. Миддендорф же (ч. II, стр. 200) считает, что в тех местах северной Сибири, где Ледовитое море омывает измененность несколько дальше 70° с. ш. лемминг доходит до берега. На Таймыре он был прослежен до 74°.

Значительное количество этого зверка впервые я встретила в окрестностях оз. Хассейн-то (71° с. ш.). Лемминги жили на крутом, обрывистом берегу озера, сильно размытом и изрезанном глубокими трещинами. Местами на склоне лежали глыбы оползавшей земли. Зверки воспользовались естественными норками-трещинами, выбирая предпочтительно те места, где процесс разрушения берега был наименее силен. Норки располагались только по склону, вернее обрыву берега, не заходя в тундру далее конца промытых водой, идущих в озеро канавок. Тающий на обрыве снег постепенно обнажал следы зимней деятельности зверков, в виде ходов и зимних гнезд. Последние представляют собою шар сантиметров 15 в диаметре, сделанный из стеблей *Eriophorum vaginatum* и осок. Гнездо обычно открыто сверху. Около него, а нередко и в нем, наблюдалось большое количество кала. Ходы и окрестности гнезда хорошо заметны на снегу по массе огрызков стеблей и листьев злаков. Такие, расположенные в высокой тундре, колонии встречались крайне редко, обычно они располагались в долинах, зарослях ивы и карликовой березы (*Betula nana*). Жилые колонии хорошо узнавались по сети свежих протоптанных ходов, сообщающих отверстия нор. В тех случаях, когда колония помещалась в болотистой низине, поросшей кочками *Eriophorum* и *Carex*, ходы имели вид глубоких, открытых сверху галлерей, местами же свисавшие стебли и листья делали такой ход иногда на значительном расстоянии закрытой норой. Сами норки открывались обычно у корня куста, реже на некотором расстоянии от него.

Без сомнения, помимо таких летних мест обитания, существуют еще и зимние, бросаемые на лето. Весной, во время снеготаяния, по склонам материков я не раз находил обнажившиеся из под снега зимние снежные ходы, затейливой темной сетью обозначавшиеся на белой пелене. Помимо ходов в таких зимних колониях обычно находились и гнезда, сделанные из стеблей *Eriophorum* с значительной, а иногда даже доминирующей, примесью шерсти самого зверка. В июне месяце и позже зверков я не обнаружил ни в одной такой колонии, несмотря на то, что гнезд находил очень много. Тщательное обследование местности после того как сошел снег не обнаружило ни одной земляной норы. Между тем упомянутые выше следы с несомненностью давали возможность установить населенность этой колонии зимой. Указанным наблюдением я не хочу сказать, что в зимнее время все зверки из низин переселяются на материк и на его склоны, но во всяком случае осенние дожди, затопляющие местами норы, заставляют в это время таких пострадавших зверков искать других мест для своих поселений.

Осенью после первых небольших снегов зверки охотно выходят на поверхность снега, но уже в конце октября, когда начались снежные бураны, следов их не было видно. Разрыв снег в кустах, где осенью была жилая колония, я обнаружил некоторое, свободное от снега пространство

(20—25 см), крышу которого образовали занесенные снегом стебли трав. Обильные следы и кал на слегка запорошенной снегом земле с очевидностью свидетельствовали об интенсивной подснежной жизни *L. obensis*. Очевидно зверки, имея здесь достаточно корма, не выходили наружу. Позже лишь изредка я находил норы, открывавшиеся на поверхности снега, но наблюдение за ними показывало, что зверок пользовался ими лишь раз, и капканы, поставленные у таких выходов, никогда не давали результатов. Наоборот, ловушки, поставленные в подснежные галереи, обычно оказывались захлопнутыми. К сожалению, отъезд не дал мне возможности проследить дальнейшую судьбу этих подснежных пространств.

В год моего путешествия леммингов было относительно мало. Громадный процент нор я нашел пустыми. По сообщению юраков уже второй год замечается малое количество этого зверка. Никаких сведений о массовом переселении леммингов за последние годы я не получил.

Dicrostonyx torquatus torquatus Pall.

Самоедское название: па́давы-пйси (пестрая мышь); зимой — сер-пйси (белая мышь)

Череп по общей конфигурации и отдельным промерам неотличим от черепов экземпляров из Большеземельской тундры, Северного Урала и Таймыра. Также неотличим он и от черепа *Dicrostonyx torquatus chionopaes* Allen. При сравнении черепов гыданских копытных леммингов с черепами новоземельских *D. torquatus unguatus* Baer, нельзя подметить сколько-нибудь постоянного существенного отличия. Единственное и, кажется, не весьма постоянное отличие заключается в форме и расположении processus postorbitales. По сравнению с новоземельскими *D. t. unguatus*, у гыданских эти отростки больше и направлены более вперед, между тем как у первых они смотрят более в стороны. В общем же черепа неотличимы. Максимальные размеры гыданских зверков таковы: длина тела 127 мм, задней ступни — 17 мм, хвоста — 23 мм, кондио-базальная длина черепа — 30.5 мм, основная длина черепа — 28.2 мм, скуловая ширина — 21.7 мм, межглазница — 4.4 мм, мостоидная ширина — 16.2 мм, nasalia — 9.7 мм, максилярный ряд — 8.1 мм, диастема — 10.5 мм.

Окраска (летняя) гыданских *D. torquatus* даже на небольшой серии (12 шт.) поразительно варьирует, среди нее можно наметить два основных типа.

I. Конец морды и щеки пепельносерые, лоб, часть затылка и передняя часть спины покрыты смесью черных и ржавобурых (близкие к „Bay“ II) и реже огненнорыжих волос („Amber Brown“ III). На лопатках огненно-коричневаторыжий цвет заметно усиливается и спускается вниз к пе-

редним лапкам. В задней части спины заметно увеличение числа волос с черными окончаниями, расположенных неравномерно, а как бы островками-пучками, отчего наряду с присутствием ржавых и палевосероватых волос спина кажется мелкопятнистой. Бока в передней своей части без примеси черных волос, — огненноржавокоричневые (близкие к „Amber Brown“ III). Далее к заду ржавый цвет постепенно исчезает, и бока в последней трети пепельносерые. Эта же окраска заходит на надхвостье и соединяется с противоположной стороной. Ошейник с спинной стороны виден ясно, цвет его серожелтоватый („Lishen Green“ XXXIII), на брюшной стороне он цвета передней части боков тела. Спинной полосы нет. Низ белый. Описание окраски составлено главным образом по № 17501 от 26 VI 1927 г. с оз. Хассейн-то. Этот тип окраски всецело совпадает с окраской *D. chionopaes* Allen, № 10802¹ из Анадыря от мая месяца.

VII. От таких поразительно ярко окрашенных экземпляров есть полный ряд переходов к бледному типу окраски, особенности которого заключаются в следующем. Черные волосы спины постепенно уменьшаются в числе, концентрируясь на средней ее части и образуя узенькую полоску, идущую от затылка почти до конца хвоста. Наряду с этим происходит редукция волос с ржавыми окончаниями, взамен которых появляются красноватосерые волосы („Soccardos Olive“ XVI). Общий цвет спины кажется серобуроватым, без ясно выраженной пестроты. Особенно хорошо заметна редукция ржавых волос на передней части боков тела, отчего последняя кажется желтоватосерой. Ошейник хотя и есть, но вследствие общего побледнения окраски верха тела плохо заметен. Также плохо заметна серая окраска, окружающая глаз и концы морды. Брюхо также белое. Общий тон верха близок к „Dresden Brown“ XV. Этот тип окраски подходит к большинству виденных мною *D. torquatus* с северного Урала, Большеземельской тундры и Таймыра. Разница в раскраске отдельных волос у I и II типа в общих чертах следующая: у I за грифельным основанием следует желтобелый пояс и ржавокрасное окончание („Mars Orange“ II), у II типа пояс палевосерый („Light Ochraceous Salmon“), и ржавое окончание развито значительно слабее или же вовсе отсутствует.

Как было уже замечено, ярко окрашенные гыданские зверки неотличимы от *Dicrostonyx torquatus chionopaes* Allen. *D. torquatus unguatus* Baer, внешне хорошо отличен от гыданских копытных леммингов пепельносерой окраской меха, с почти полным отсутствием ржавого оттенка, так свойственного типичному *D. torquatus torquatus* Pall.

Первые копытные лемминги, которых я поймал 5 июня близ оз. Хассейн-то (71° с. ш.) были уже в полном летнем одеянии. Миддендорф добыл первых летних на р. Таймыре (под 74° с. ш.) 3 июня. Лишь один

¹ Коллекция Зоол. музея Акад. Наук.

экземпляр моих сборов № 17505 от 11 июня нес следы зимнего меха; у него сохранился белый цвет в виде пятен на задних частях боков тела. До конца коллектирования, именно до начала ноября, я не мог поймать зверка в зимнем наряде. Единственный экземпляр с несомненными следами зимней линьки в виде белой окраски боков и отчасти зада спины был пойман 11 X на р. Юрибее (70°47' с. ш.). На р. Таймыре Миддендорф нашел зверка в полном зимнем наряде, под 73° с. ш. 6 X (ст. ст.).

Разбирая природу осенней линьки, Миддендорф (l. c., p. 91) приводит мнение кап. Росса,¹ по которому побеление шкуры связано не с ростом новых белых волос, а с выцветанием кончиков волос темного летнего наряда. Ниже Миддендорф, опровергая это мнение, указывает, что темные коричневые части волос побелевшего зверка (послужившие Россу доказательством того, что волос не выпадает, а лишь выцветает его вершина) не могут быть приняты за невыцветшие части летних волос в силу того, что и в белом полном наряде у новых волос корневая часть темная (*dunkel tausgrau*). С этим нельзя не согласиться, но вместе с тем нужно ввести и оговорки. Исследование моих зверков убедило меня в том, что описанное Россом выцветание кончиков летних темных волос, несомненно, происходит. Внимательно перебирая волосы в местах соприкосновения участков летней и зимней шерсти, можно обнаружить подробный ряд постепенных переходов темных волос в белые. Посветление волос настолько постепенно, что соседние участки кажутся почти неотличимыми. При осматривании летней шкурки наряду с несомненным фактом переокраски волос, виден также и рост новых зимних волос. Последние сосредотачиваются главным образом в задней части спины, где у зверка, пойманного 11 сентября (№ 17498, оз. Хассейн-то) достигают максимум 15 мм. Раскраска этих новорастущих волос отлична от летних выцветающих тем, что белая часть их в первом периоде роста значительно доминирует над темной (свинцовой), так как у волос длиной 7—8 мм она занимает почти весь волос, у волос длиной 10 мм — приблизительно $\frac{2}{3}$ его, но уже у 15 мм различно окрашенные части волос равны (у летних волос темносерая часть занимает приблизительно две трети волоса). Это факт, дающий возможность, помимо других данных, отличить выцветший белый волос от нововыросшего зимнего, был упущен Миддендорфом при критике взглядов Росса. Наряду с подрастанием новых волос и частичным выцветанием старых происходит выпадение волос с черными окончаниями и частично и рыжих. Таким образом осеннее побеление шкурки *D. torquatus* происходит в результате частичного выцветания кончиков ржавоокрашенных волос и с другой стороны за счет подрастания новых белых волос.

¹ A supplement to the Apendix of Capt. Parry' Voyage. 1824, p. 188.

Миддендорф, определяя южную границу распространения копытного лемминга указывает, что она спускалась незначительно южнее северной границы лесной растительности. Мною первые следы пребывания этого животного обнаружены в кале песка, в виде обломка верхней челюсти и остатка передней ноги на р. Пято-яга, на северной границе леса (67°59' с. ш.). Северней, в погадках совы и конюка (*Archibuteo lagopus*) такие остатки встречались часто, хотя реже, чем остатки *Lemmus obensis*, который вообще превосходит копытного лемминга численностью.

Распространение копытного лемминга более спорадично, чем обского; что вызвано значительной привязанностью первого к определенным типам местности. Вид этот приурочен к сухим песчаным обрывам материков, особенно, если они несут пустынный отпечаток, и вообще к высокой тундре арктического характера. Крайне редко (всего 1—2 раза) он был встречен мною в низменных местах. Повидимому, копытный лемминг несколько обильнее распространен в зоне арктической тундры, представляющей более удобное для поселения место, что подтверждается также данными Житкова¹ и Миддендорфа.² Насколько я мог заметить, копытный лемминг не образует больших колоний, столь характерных для *L. obensis*. Правда, мои наблюдения относятся лишь к типичной тундре и к южной границе арктической. Последнего зверка, вышедшего на поверхность снега, я наблюдал 11 сентября в среднем течении р. Юрибей. Позже, за весь обратный путь, мне не пришлось с ним встретиться.

Lepus timidus subsp.

Самоедское название — тайвуси; тунгусское — мундукан.

Небольшая серия (8 экз.) зайцев, собранная мною на Гыданском полуострове, при обработке оказалась несколько отличной от европейских (русских) и восточносибирских беляков. Череп гыданских беляков крупный (общая длина максимум 105 мм), массивный, с крупной мозговой капсулой и широко расставленными в заднем отделе скуловыми дугами. Носовые кости относительно несколько укорочены, наоборот *praemaxillariae* сильно удлинены (максимум — 57 мм).

От *Lepus timidus* из Европейской части СССР гыданский беляк отличен большой длиной черепа — кандило-базальная длина 95.0 мм (максимум кандило-базальной длины для беляков из Европейской части СССР — 90.5 мм³). Мозговая капсула соответственно длиннее, ее боковая длина максимум 41 мм, для европейских — 40 мм. Глазница при той же длине несколько

¹ Б. М. Житков. Полуостров Ямал. 1913, стр. 179.

² L. c.

³ С. И. Огнев. Fauna Mosquensis. 1913.

шире: максимум — 26 мм, для европейских — 24 мм. Заметная разница лежит в особенностях висцеральной части черепа. Здесь при той же длине *nasalia*, *praemaxillariae* значительно удлинены; максимальная длина у гыданских 56.7 мм, у типичных из средней России — 53 мм. В связи с этим, при рассмотривании черепа сверху, незакрытая носовыми костями часть *praemaxillariae* у гыданских кажется значительно больше. Скуловые дуги и ширина мозговой капсулы также больше. Зубной ряд несколько шире — 6.7 мм.

Хорошо отличен от гыданских беляков *L. t. kolymensis* Ogn. и *L. t. gischiganus* Allen. Череп последних значительно меньше (основная длина максимум 78 мм), скулы и капсула уже. Беляки из Томской губ. по длине черепа стоят несколько ближе к гыданским (кондило-базальная длина первых 87—88 мм), но хорошо отличаются от них короткой мозговой капсулой (39 мм) и узкими скулами (45—50 мм). По устройству носовой части томские беляки отличаются от гыданских тем же, чем и среднерусские. Беляки с Анабары (сборы Бунге), как я мог составить себе впечатление по нескольким виденным черепам, отличны от *L. t. kolymensis* и стоят ближе к гыданским.

К сожалению, привезенные мною шкурки беляков находятся или в полном зимнем наряде, или в первых стадиях весенней линьки, и таким образом я лишен возможности анализировать признаки шкуры, которые возможно дали бы подтверждение отличий гыданских беляков. Такое представление сложилось у меня при сличении с указанными выше группами *Lepus timidus* моей серии из 8 шт. беляков с Гыданского полуострова. Незначительность материала и сильная вариация краниологических признаков, несмотря на явно намечающееся отличие, не позволяет дать точный диагноз для гыданского беляка, представляющего, очевидно, новый географический подвид.

Беляк — одно из наиболее распространенных животных лесной и лесотундренной полосы Гыданского полуострова. В первом случае места его обитания не разнятся существенно от таковых других районов северной Сибири (см. напр. Поляков, 1873, стр. 51), и останавливаться на их описании не буду. С переходом в лесотундру без труда можно наблюдать концентрирование зайца в долинах рек, зарастающих древесной и кустарниковой растительностью. Хотя приверженность беляка к таким местам и значительна, но все же нередко можно наблюдать его следы и на водораздельных пространствах. Песцовые пасти, устраиваемые обычно на буграх водоразделов, нередко захлопывают любопытного беляка. Иную картину мы видим, вступая в полосу чистой тундры, особенно той ее части, где кончаются последние высокие кустарники (*Alnus fruticosa*). Отсутствие больших древесных и кустарниковых насаждений заставляет зверка искать других укромных мест обитания. Таковые они находят в виде высоких, обрывистых, размытых яров, в изобилии встречающихся в некоторых райо-

нах типичной тундры. Спорадичность распространения беляка выступает теперь еще резче, и нередко, проехав десяток и более верст, можно не встретить ни одного зверка и какого-либо его следа. Зато в указанных типах местности беляк обитает в настолько большом количестве, что даже после небольшой прогулки, стоя на одном месте, можно наблюдать до десятка и более разбегающихся зайцев. Лишь сильно потревоженный или напуганный заяц убегает далеко в тундру, обычно же, убегая, он старается не выходить из пределов изрезанной, холмистой местности. Добыть в таких условиях беляка не представляется особенно трудным, так как характер ландшафта дает полную возможность скрасть осторожного зверка. В зимнее время во всех указанных местах беляк охотно роет снеговую нору с одним, реже двумя выходами.

Значительное количество беляка встречали мы до 71°, т. е. до северной границы типичной тундры. Северной указанных широт беляк и следы его наблюдались крайне редко и Б. Н. Городков и В. М. Бизин, сделавшие осенью 1927 г. поездку — первый на северную оконечность Мочуй-сале и второй — на Евай-сале (72° 30' с. ш.), собственными наблюдениями и опросами самоедов подтвердили мое предположение о совпадении северной границы распространения беляка с северной границей типичной тундры. Это положение становится понятным, если вспомнить, что арктическая тундра отличается от типичной между прочим как раз отсутствием тех черт ландшафта (отсутствие яров, сглаженность рельефа, почти полное отсутствие кустарников), которые являются для беляка весьма важными жизненными условиями.

В последних числах мая близ оз. Хассейн-то встречались линные экземпляры. Старая белая шерсть у них выпадала клоچьями, захватывая главным образом голову и переднюю часть спины. При раздвигании шерсти была заметна щетка подрастающего темного меха. 25 июня самоедом был принесен мне маленький зайчонок, пойманный на берегу оз. Хассейн-то.

Ursus arctos arctos Lin.

Самоедское название — уорко.

Бурый медведь обычен в лесной полосе водораздела между Тазом и Енисеем, приблизительно до Сидоровской пристани (66° 40', граница елово-лиственничной подзоны), где в небольшом количестве промышляется живущими здесь остяко-самоедами и тунгусами. Северной, в южной лесотундре, медведь уже представляет редкость и, по рассказам самоедов, встречается там не каждый год. Наиболее северная, известная мне, точка захода медведя на север — это среднее течение р. Поелова (несколько севернее 68° с. ш.), где несколько лет назад в редком лиственничном леске

окаймляющем речку, был убит взрослый медведь. Случай этот, по рассказам самоедов, представляет редкость, и с того времени подобного захода не обнаружено.

На Енисее Миддендорф указывает медведя (правда, как редкость) для более северных районов, именно из Коренного-Филиппьевского (71°), лежащего уже в полосе чистой тундры; на Таймыре граница распространения медведя спускается до 72°30' с. ш.

Thalassarctos maritimus Desm. (? *marinus* Pall.)

Самоедское название — сер-уорка, яввы

Предыдущие исследователи-зоологи крайнего приенисейского севера (Миддендорф, стр. 67, Шмидт, I с., стр. 37) указывают на редкость белого медведя на Енисее. В виде исключительной редкости Миддендорф приводит его для Толстого Носа (70°). Указание Палласа о заходе белого медведя до Туруханска совершенно несомненно, как уже отмечал Миддендорф, основано на ошибке.

На Гыданском полуострове медведь в виде редкости встречается на северной оконечности мыса Евай-сале, где не каждый год промышляется живущими там самоедами. Слабый промысел белого медведя объясняется кроме того тем обстоятельством, что в наиболее выгодное для охоты время, именно зиму, самоеды, за крайне редкими исключениями, покидают побережье и отходят к югу. Несколько больше, повидимому, белого медведя на восточном берегу полуострова, в Енисейском заливе, но сведений из этого района в моем распоряжении не имеется. Противоположный же берег Енисейского залива у выхода в Карское море (северозападный берег полуострова Таймыра) до сего времени славится обилием белого медведя. На о-ве Диксон (74°) служащие радиостанция ежегодно бьют их по несколько десятков. И на полуострове Ямал белый медведь встречается лишь в самых частях его у пролива Малыгина,¹ не спускаясь ниже Шарповых кошек.

Gulo gulo Lin.

Самоедское название йнгиней

Россомаха, судя по следам и опросным сведениям, не представляет редкости в лесной полосе (Янов-Стан) и прилегающих частях лесотундры. В этих районах не раз мне приходилось слышать жалобы тунгусов и самоедов на порчу россомахой попавших в пасти песцов. Сама же россомаха в песцовые пасти не попадает, так как зверь этот весьма осторожен, да кроме того сравнительно маленькая песцовая пасть не в состоянии при-

¹ Б. М. Житков, Полуостров Ямал, стр. 177.

давить ее. В среднем течении р. Юрибея (70°47' с. ш.), уже в полосе чистой тундры, мне самому пришлось видеть попорченных россомахой пойманных песцов. Значительный вред приносит она и запасам сушеной рыбы, оставленным осенью самоедами на санках, заваленных хворостом. По поверью самоедов убить россомаху хареем (шест для погоняния оленей) или другим тяжелым предметом — нельзя и они обычно стараются лишь оглушить ее и затем душат арканами.

Северней границы ели (р. Удер-яга, 67°30' с. ш.) следы россомахи стали попадаться значительно реже и лишь весной близ оз. Хассейн-то количество их опять заметно возросло. В этих же местах, насколько я мог составить себе представление, также и по опросу самоедов, россомаха не представляет редкости. Собственными наблюдениями экспедиции она прослежена до побережья Карского моря, хотя в северных районах количество ее, кажется, не велико. Шмидтом она указана для Толстого-Носа (Енисей 70° с. ш.). На Ямале Житковым прослежена также до северной оконечности полуострова (пролива Малыгина).

Mustela erminea tobolica Ogn.

Самоедское название — пии

В 1923 г. С. И. Огневым по экземплярам из Тары, Тобольской губ., был описан новый подвид горностая *Mustela erminea tobolica*¹ отличный от среднерусского *M. erminea aestiva* Kerr. на основании следующих признаков: у нового подвида череп больше, скулы расставлены шире, носовые отверстия шире (ширина их обычно более высоты; у *M. erm. aestiva* соотношение обратное), foramina infraorbitalia крупней, зубной ряд длиннее. Сравнивая приводимые автором измерения черепов *M. erm. aestiva* и *M. erm. tobolica* не трудно убедиться в чрезвычайной близости форм; в некоторых случаях промеры дают даже обратную картину, так максимум наибольшей ширины черепа у *aestiva* (♂) 26.3 мм; у *tobolica* ♂ — 24.7 мм., скуловая ширина соответственно у ♂ — 30.6—30 мм; у ♀ — 24.2—24 мм.

Сравнивая черепа горностаев с Гыданского полуострова (6 шт.) с таковыми с европейского севера (Архангельская, Новгородская губ.) я не мог констатировать заметного отличия. По крайней мере моя небольшая серия не дала такового, так как сильно варьирует индивидуально, что можно видеть из приводимых ниже промеров (в миллиметрах). Вместе с тем гыданские *M. erminea* неотличимы от западносибирского горностая: измерения первых с одинаковым успехом подходят и к европейским и западно-

¹ С. И. Огнев, Биологические Известия, в. 1, Москва, 1923, стр. 112.

сибирским. Таким образом базироваться на абсолютных цифрах измерений в данном случае не представилось возможным. Вместе с тем ограниченность серии не позволила составить хотя бы приблизительного представления о преобладающих данных измерений. Сравнение единичных одно-возрастных севернорусских и сибирских горностаев, в некоторых случаях как-будто подтверждало отличие западносибирского зверка; так, при одной приблизительно длине черепа, скуловая ширина у западносибирского несколько шире и зубной ряд соответственно длиннее. Экземпляр с Гыданского полуострова № 13669 имел кондило-базальную длину — 45.7 мм, скуловую ширину — 26.1, ширину капсулы (наибольшую) — 21.5, верхний зубной ряд — 13, а экземпляр № 9935 (из Тверской губ.¹) при большей длине черепа — 47.1 имеет узкие скулы — 25.9, схожую ширину капсулы — 25.5 и короткий зубной ряд — 13.3.

Экземпляр № 160 с низовьев Оби (сборы Полякова) имеет при кондило-базальной длине — 47.3, зубной ряд — 14.4, а экземпляр № 9935 (Тверская губ.) при одинаковой длине черепа — 47.1 значительно укороченный ряд — 13.3. Вместе с тем другие экземпляры при аналогичном сравнении дают противоположные результаты. Так, экземпляр № 10848, из Архангельской губ. при кондило-базальной длине черепа 47, имеет скуловую ширину 27 и наибольшую ширину капсулы 21.5, а № 17507 (Тазовская губа) кондило-базальную длину — 48.2, скуловую — 26.4 и наибольшую ширину капсулы 20.9. Экземпляр № 9666 из Новгородской губ. при кондило-базальной длине 46.7 имеет ширину скулы 26.5 и ширину капсулы 21.6.

Также подвержены сильным индивидуальным колебаниям и отношения высоты и ширины носового отверстия, хотя этот признак на незначительном, правда, большинстве экземпляров моей серии, выражен достаточно хорошо для *Mustela erm. tobolica*.

Из сказанного ясно, что горностаи Гыданского полуострова очень близки к *M. erm. aestiva* Kerr. из северной России и, с другой стороны, к *M. erm. tobolica* Ogn.; к последнему я условно и отношу зверков своих сборов. Очевидно *Mustela erminea tobolica* Ogn. есть слабо намечающийся подвид, заметный лишь при просмотре больших серий.

От *M. erminea orientalis* Ogn. гыданские горностаи отличаются большим черепом — для первых максимум кондило-базальной длины (по Огневу, 1928) — 47.9, для гыданских — 50; широкими скулами, соответственно 28—29.4; коротким зубным рядом 13.8—14.2.

Все мои экземпляры находятся в полном зимнем мехе, так что я, к сожалению, не могу судить о летней окраске горностаев Гыданского полуострова. Виденный мною в коллекции Зоологического музея Академии

¹ Экземпляр в коллекции Зоол. музея Акад. Наук.

Наук горностаи с р. Глубокой (Нижний Енисей) от 23 VII 1908 г. (№ 13686 Тугаринов) окрашен несколько рыжей и светлей, чем европейские.

Горностаи встречены от типичной лесной полосы (Туруханск — Янов-Стан) до крайнего севера. Максимальное количество встречено в лесу; к северу, в полосе лесотундры, судя по следам, количество их несколько убывает. В типичной тундре горностаи вновь становятся более обычными. Шмидт (l. c.) встретил его в большом количестве по Енисею от Туруханска до Дудинки, на Таймыре Миддендорфом прослежен до 70°.

Распространение горностаи даже в небольшом районе тундры довольно спорадично. Иногда, пройдя несколько верст, можно не встретить ни одного следа, затем вдруг их появляется большое количество. На севере горностаи обычно выбирают или кустарниковые заросли, или потрескавшиеся склоны материков. Несомненно, что сюда они привлекаются значительным количеством обитающих здесь грызунов. По следам видно, как бродит он по трещинам почвы, часто заглядывая под обнажившиеся корни кустов, где обычно открывается нора леммингов. Нередко приходится наблюдать как зверек, раскапывая в таком месте снег, поступает очевидно так же, как делает это мышкующая лисица. Позже зимой, когда выпадают относительно глубокие снега, часто приходится наблюдать снеговые норы, обильно нарытые обычно в тех же местах, т. е. богатых леммингами.

Mustela nivalis pygmaea Allen.

Самоедское название — лóяги-пи

У меня имеются два экземпляра этой ласки, один из которых добыт Р. Е. Кольсом близ устья Таза, другой я получил от юрака Ядни, пойманного ее на среднем течении р. Юрибея (70° 47'). Оба зверка по малым размерам и короткому хвосту должны быть отнесены к подвиду *M. nivalis pygmaea* Allen.¹ Размеры (в мм) их следующие: кондило-базальная длина черепа — 32.3, скуловая ширина — 17.4, межглазница — 8.3, ширина капсулы — 16.2, верхний ряд зубов — 8.7, длина тела и головы — 97.5—167, задней ступени — 15, хвоста — 15—11.

Lutra lutra Lin.

Выдра редко встречается по среднему и части верхнего течения р. Турухана, и промысла постоянного на нее нет. На фактории Янов-Стан я видел 2—3 шкурки выдры, добытые на р. Покатке.

¹ Описанные Доманевским (Annal. Zoolog. Mus. Polon. Histor. Natur. V. ser. I. 1926, p. 4—5) из Дзравуна (Даурия) *Mustela punctata* sp. nova и *Mustela punctata* subsp. из „Nord Asien“ (? С. Н.), ввиду явно неправильного подхода к систематике, мною не принимались во внимание.

Canis lupus albus Kerr

Самоедское название — сармик (буквально — зверь).

Первое упоминание о самостоятельном таксономическом положении волков севера Сибири было сделано Керром (1791).¹ Правда, этот автор дает настолько туманное описание новой формы и ее распространения, что ее вполне можно считать за „*nomem nudum*“. Ряд последующих авторов (Миддендорф, Шмидт) отмечают некоторые систематические особенности туруханских волков, как например, крупный рост и почти белую окраску.

В 1922 г. Огнев (Биолог. изв., 1922 г., стр. 115) описал по шкуре с низовьев Енисея новый подвид волка, назвав его *Canis lupus turuchanensis*. Черепа нового подвида, при его описании, у названного автора не было, и диагноз составлен на основании признаков окраски и опушения. Позже тот же автор (Млекопитающие Северовосточной Сибири. 1926. стр. 37—38) дает уже подробное описание окраски *C. lupus turuchanensis* здесь же приводится соображение Сабанеева о предполагаемых краниологических отличиях туруханских волков. Но вскоре Огнев (Украинский мисливець та рибалка, 7—8, 1928, стр. 33) считает описанный им подвид туруханского волка синонимом *Canis lupus albus* Kerr. Лишь в последнем описании автор приводит измерения черепа (не указывая материала), все же остальные описания, как уже было указано, составлены по шкурам.

Первую попытку разобраться в краниологических особенностях русских волков сделал В. В. Петров (Beiträge zur System. Palearct. Wölfe,² 1927), показавший путем биометрического метода крайнюю близость, почти полную тождественность северосибирских волков с таковыми средней России. К сожалению, материал по первой группе был крайне невелик (11 черепов) и таким образом выводы могут быть не вполне точны.

Просматривая при определении волков своих сборов серии волков из европейской части СССР и северной Сибири, я пришел к убеждению, что черепа названных групп не несут каких-либо постоянных существенных отличий, и как абсолютные, так и относительные цифры промеров (в мм) говорят за почти полное их тождество. У северосибирских волков, якобы намечается суженность межглазницы и укороченность рыла. Так, кондило-базальная длина 6 черепов волков с Гыданского полуострова и смежных районов северной Сибири колеблется от 222—254, то же измерение черепов волков из северных губерний России — 232—255. Скуловая ширина у сибирских — 117—150, у русских — 128—150, ширина между *processus postorbitales* — 56—65 и 54—76; *nasalia* у сибирских — 75—92, у русских —

¹ Kerr. Animal Kingdom.

² V. Petrov. Ежег. Зоол. музея Акад. Наук, 1927.

81—96. От переднего края глазницы до конца переднего конца *maxilla* у сибирских — 100—122, у русских — 111—121. Длина верхнего зубного ряда от *canini* у сибирских 99—111, у русских — 102—110. Как видно, промеры не дают ничего; лишь межглазничное пространство северно русских волков кажется несколько шире. При сравнении общей конфигурации черепов таковые сибирских волков кажутся как-будто несколько более массивными и толстостенными, но вполне возможно, что это впечатление субъективно. Относительные данные промеров черепов гыданских волков всецело укладываются в вариационные ряды, приводимые Петровым (l. c., гр. IV). Таким образом я убежден, что краниологических отличий у указанной группы волков нет.

Если краниологические данные не дают ощутительной разницы между севернорусскими и сибирскими волками, то внешние морфологические признаки достаточно наглядно отделяют эти группы. В указанных работах Огнев дал подробное описание окраски туруханского волка. Просматривая коллекции волков Зоологического музея Академии Наук и сравнивая их особенности с описанием Огнева, я пришел к убеждению, что названный автор имел дело с таймырским экземпляром, т. е. с цветовой формой, населяющей, очевидно, весь северо-восток сибирского материка, на восток приблизительно, от правого горного берега Енисея. На идентичность колымских и анадырских волков с туруханскими указывает и Огнев (1926, стр. 37). Эти волки характеризуются светлопалевой окраской с значительной примесью ржавого оттенка. Черные волосы остаются в небольшом количестве лишь на средней части спины, образуя здесь ясный ремень. Бока, лапы и нижняя сторона белые с легким палевым оттенком. Мех пушистый и необычайно длинный.

Сравнение волков, собранных мною на Гыданском полуострове, с волками североякутскими и с Ново-Сибирских островов заставляет меня предположить, что первые представляют несколько отличную цветную форму. Окраска резко отличается полным отсутствием ржавопалевых тонов свойственных восточносибирским волкам. Верх варьирует от чисто белого (лишь с небольшой примесью черных волос на спине в виде ремня) до светло-серопепельного (приблизительно тона „Olive Gray“ L), немного затемненного присутствием редких волос с черными окончаниями. На средней части спины черные волосы образуют ремень. Бока несколько светлей брюха, без всякой примеси черных волос (приблизительно тона „Mouse Gray“ L). Передняя часть морды покрыта смесью белых с черными окончаниями волос и светлорубоватых; глаза окружены кольцом светлопалевого цвета. На загривке едва заметно слабое развитие оттенка „Pale Pinkish Cinnamon“ XXIX, общий тон остается серый, основание волос свинцовосерое („Neutral Gray“ LIII). На средней части спины основание волос несколько светлей („Light Mouse Gray“ LI). Черные волосы спины раскрашены иначе; за чисто белым

основанием (30 мм) следует черный пояс (50 мм), затем второй белый пояс (20 мм), наконец черная вершина (20 мм). Ноги золотистобелого цвета, на задних ногах этот оттенок несколько заходит в область бедра. Продолговатое черное перо на передних ногах заметно хорошо. Верх сходен с боками, лишь несколько затемнен присутствием редких черных волос, образующих на конце кисточку. Низ белый. Это описание составлено по двум однотипным экземплярам. Третий волк по окраске несколько отличен. Брюхо, бока и морда у него чисто белого цвета, также без ржавого оттенка, на средней части спины заметна узкая полоска черных волос.

Приведенное описание трех шкур наглядно показывает разницу в цвете гыданских и восточносибирских волков. Вполне возможно, что при больших сериях будут обнаружены переходы в окраске. От севернорусских волков вся группа северносибирских отличается светлой окраской и отсутствием ржавобурых тонов верха тела. У всех виденных мною северносибирских волков черные волосы на спине сосредотачивались лишь в узкой срединной части, образуя там ясный ремень. У русских волков таковые волосы распределены более равномерно и в большинстве случаев ясного ремня нет. Резко отличен также и характер меха: он у *Canis lupus albus* значительно длинней, гуще и мягче. Вот сравнительные измерения (в мм) волос на различных участках шкуры у двух групп волков, убитых приблизительно в одно зимнее время: загривок у русских — 95—110, сибирских — 105—135, на лбу между ушами 60—70, 70—100, средняя часть спины — 80—120, 105—160, задняя часть спины 80—100, 110—120. Упоминание Лоренца (Русский Охотник, 1890, № 6, стр. 85—89) о тонкой, не уступающей лисьей, коже волков сибирского севера, очевидно, основано на ошибке. Кожа их по своей толщине ни в коем случае не уступает русским волкам.

На мой взгляд волки севера Сибири представляют довольно хорошо отличный внешними (а не краниологическими) признаками подвид *Canis lupus albus* Kerr, дающий в различных районах более мелкие цветные отклонения. О постоянстве последних я сейчас, за недостатком материала, судить не могу.

Распространение волка в северных широтах Сибири весьма спорадично и трудно на первый взгляд подметить в нем какую-либо закономерность. Поляков¹ ставит распространение волка в прямой зависимости от присутствия косули (*Capreolus pygargus*) и приводит, как пример, собственное наблюдение в среднем течении Лены. На присутствие волка в тундре он смотрит, как на „случайное исключение“ (l. c., стр., 28).

¹ И. Поляков. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции, 1866. Зоол. наблюдения, стр. 27—28.

Миддендорф в лесной полосе нижнего Енисея (до 67° с. ш.) обнаружил волка, как крайне редкое животное, появляющееся в несколько лет раз. В более северных широтах, именно в Приенисейской тундре, по наблюдению акад. Шмидта — волк не представляет редкости и встречается обычно. Разбирая это неожиданное массовое появление волка в притундровых районах, Миддендорф (ч. II, стр. 89) ставит его в зависимость от характера и толщины снегового покрова. Сопоставляя распространение волка и лисицы и их способы добывания пищи, автор считает, что волк потому отсутствует в лесных местностях Сибири, что „тело его гораздо тяжелей“, и привыкнув добывать добычу гоном и затем уже подкарауливанием ее, волк при глубоком снеговом покрове лесной области, естественно, попадает в неблагоприятные условия, и поэтому „боится глубокого лесного снега“. Наоборот, в притундровой зоне и тундре качества снегового покрова в силу твердости его и меньшего количества осадков, значительно благоприятней, и этим объясняется наличие там большого количества волков.

Опросные сведения, собранные мною на Енисее, нарисовали ту же картину, которую описывает Миддендорф. Везде до Туруханска волк крайне редок и местами охотники почти не встречаются с ним. Такое положение держалось до начала лесотундры (приблизительно 67°), где волки не только перестали представлять редкость, но даже начали доставлять не мало беспокойства нашим подводчикам-оленеводам. Мне кажется, что такое массовое появление волков в более северных широтах (отмеченное и Бутурлиным¹) едва ли можно объяснить только одним характером снегового покрова, как это делает Миддендорф. Нет сомнения, конечно, что обстоятельство это имеет некоторое значение для существования волков, но нельзя забывать и другого, не менее, если не более, важного фактора а именно, присутствия достаточного количества объектов питания, в данном случае — домашних северных оленей. Лесная полоса, дающая крайне ограниченную как по видовому составу, так и по количеству, добычу, к тому же заселена лесными туземцами (остяки, остяко-самоеды, тунгусы, енисейцы), олени стада которых редко бывают крупней 20—30 шт. Ясно, что при таких условиях существование волка крайне затруднительно. Обратную картину имеем в лесотундре, куда зимой стягивается большое количество самоедов, стада которых в массе неизмеримо больше таковых жителей леса, и таким образом зимой лесотундра насыщена наиболее важным для волка объектом питания — оленем. Как некоторое доказательство важности указанного мною фактора, приведу то обстоятельство, что и в летнее время, когда фактор снегового покрова отсутствует, волк все же

¹ С. А. Бутурлин. Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 г., стр. 236.

чрезвычайно редок в лесу и обычен в тундре, которая в летнее время представляет значительно более благоприятное для волка место в силу разнообразия и обилия пищи. На появление волков в связи с появлением человека указывал уже сам Миддендорф, а значительно позже подобное указание сделал Скалон¹ для Нарымского округа.

Волков местами было настолько много, что самоедам, каждую ночь караулившим оленей и почти все время объезжавшим стадо на санках, часто все же не удавалось во-время заметить хищника. Правда, волку почти никогда не приходится хорошо полакомиться задушенным оленем, так как испуганное стадо целиком бросается к чуму, давая знать караульщикам о происшедшем несчастии. Двигаясь к северу, временами мы попадали в районы, где волки нас не беспокоили в течение нескольких дней, а затем вновь вступали в полосу „волчьей опасности“. Повидимому, волки кочуют вместе с наиболее крупными стадами оленей по местам массового передвижения оленеводов, и в тех местах, где кочевые дороги сходятся, мы и попадали в такие обильные волками места. О том, что волки как при весеннем, так и при осеннем передвижении самоедов, кочуют вместе с оленеводами, мне неоднократно приходилось слышать от самих самоедов. В этом отношении весьма любопытен тот маневр, к которому прибегают самоеды, остающиеся на зиму в тундре. Желая обеспечить себя на зимнее время от этого бича оленеводства, так как в темное время на крайнем севере волки представляют опасность для стада не только ночью, но и днем, такие самоеды вместе с прочими некоторое время движутся к югу, а затем поворачивают и уходят обратно на север. Волки, ткнувшись обычно осенью на юг за уходящими самоедами, будто не меняют своего направления и продолжают откочевывать на юг. Это положение вполне понятно, так как остаются на зиму в тундре единичные чумы, да и то редко. Кроме того кочевать с большим количеством оленей для волка значительно выгодней. Но вместе с тем из этого не следует, конечно, что на зиму все волки откочевывают из тундры на юг в лесотундру. Один из зимовавших ранее на Евай-сале самоедов рассказывал мне, что волки на северной оконечности полуострова встречаются всю зиму, правда, в весьма ограниченном количестве.

Весьма любопытны поверья и способы самоедов, желающих обеспечить свои стада от нападения волков. Осенью 1927 г. я узнал, что у одного из стоящих на полуострове Евай самоедов воспитываются два молодых волчонка. Занятый интересом в их получении я обратился к нему с просьбой продать волков, но получил отказ, мотивированный следующим объяснением: если взять молодого волчонка и вырастить его в чуме, а затем

отпустить, то питомец не только не будет сам трогать стада, но не дает также и другим волкам нападать на оленей своего воспитателя. Эта версия, слышанная мною впервые от хозяина волков, впоследствии была неоднократно подтверждена другими самоедами. Указанное убеждение кажется мне весьма сомнительным, так как волки представляют опасность почти исключительно зимой, т. е. в местах далеко отстоящих от места воспитания и выпуска волка на волю. В летнее же время волки имеют достаточное количество другой, более доступной пищи и на стада почти не нападают. Нередко осенью можно видеть волчьи следы на отмелях рек, на месте линьки гусей и казарок. Кроме того изобилие другой болотной и водоплавающей птицы дает в это время достаточное количество пищи. Иное дело зимой, когда из всех птиц, могущих идти волку в пищу, остаются только куропатки, и волку поневоле приходится уходить на юг за стадами оленеводов. Описанная закономерность в распределении волков на Гыданском полуострове, замеченная при первом маршруте на север, подтверждалась и при обратном продвижении на юг (к Обдорску).

Vulpes vulpes Lin.

Самоедское название — тё-не

Во время моей поездки лисица встречалась крайне редко. На редкость лисицы на енисейском севере указывает и Миддендорф, который во время путешествия по Енисею зимой 1843—44 гг. на протяжении от Верхне-Ивбатского до Дудинки встретил лишь три лисицы. Эта редкость лисиц объясняется, по мнению указанного исследователя, периодическими откочевками, вызывающимися в свою очередь временным „вымиранием“ зайцев.

Изредка встречал я ее следы в окрестностях Янова-Стана и Сидоровской пристани; северней, до границы лесной растительности (68° 20', р. Мудуй), т. е. на протяжении почти трех градусов широты, я видел лисицу лишь один раз. В тундре же, за все время мне не удалось получить ни одного указания на ее присутствие там, и опросные сведения подтверждали мою уверенность в отсутствии лисы в полосе чистой тундры. Хотя Шмидт (l. c.) и уверяет, что лисицы заходят далеко в тундру, но думаю, что сообщение его основано на неверных сведениях; купленная же на Охотском зимовьи (70°) шкура лисы, во-первых, могла быть добыта в более южных районах, кроме того пункт этот лежит незначительно севернее границы высокоствольной растительности на Енисее.

Мне кажется, что северная граница распространения лисы происходит, приблизительно, по южной границе типичной тундры (граница лиственницы) или незначительно севернее ее (прибл. 69°), что подтверждается наблюдениями Миддендорфа (ч. II, стр. 210).

¹ N. Scalon. Ueber einige interessante Säugthiere des Narymgebietes. Zool. Anzeiger. В. 77, 1928, §§ 314—315.

***Alopex lagopus lagopus* Lin.**

Самоедское название — ногó.

Песцы Гыданского полуострова по краниологическим признакам неотличимы от западносибирских и севернорусских. Близки к ним и песцы с Новой Земли (относимые к *A. lagopus spitsbergensis* Bar.—Ham.), последние лишь незначительно отличны меньшей величиной черепа и большей округлостью мозговой капсулы. Наоборот *A. beringianus* Merriam резко отличается от обеих указанных групп и, на мой взгляд, является самостоятельным видом.

Возрастные изменения черепа, описанные Огневым (1926 г., стр. 41) всецело подтверждаются моей серией (27 шт.), нужно только отметить, что отличия эти характерны не только для зверей в стадии наличия и смены молочных зубов, но также и для более взрослых песцов, уже сменивших зубы.

Весенняя линька, поскольку я мог заключить на собранных мною 5 экземплярах начинается одновременно с конца морды и надхвостья и, распространяясь по хребту, спускается в область лопаток. Бока и, особенно, брюхо, задерживаются и перелинивают позже. Одновременно со спиной линяют ноги (*tibia* и *radius*), область пястья и плюсны линяет приблизительно в одно время с боками и брюхом. При линьке первой начинает выпадать ость, но она же выпадает и последней, что хорошо видно на почти перелинявших летних, у которых над вполне развившейся темной летней шерстью видны отдельные зимние волосы ости. В таком состоянии находится, например, песец, добытый 21 VII 1927 г. на берегу Гыдаямской губы (Зоол. муз. Акад. Наук, № 17509).

Осенняя линька начинается также с конца морды, но распространяется уже не по хребту, а в первую очередь по бокам. Наоборот, „крест“ дольше всего несет грифельносвинцовый оттенок. Отдельные черные волосы ости остаются еще долгое время, максимум же сосредотачивается в средней части спины. Относительно сроков осенней линьки у меня имеются следующие данные: 15 сентября я видел с лодки песца, казавшегося совсем белым; 4 октября убил „синяка“ в той стадии, когда зверек кажется одноцветнобелым, с ясным синевадосерым оттенком, вызванным просвечивающими свинцовыми основаниями волос. Такие синяки попадались до 20 октября; 2 ноября юраки поймали уже совершенно перелинявшего „рослого песца“.

В пределах Гыданского полуострова песец распространен от берега моря до северной границы лесной растительности, или незначительно южнее ее (68°). Эти данные относятся лишь к летнему постоянному ареалу песца. В прочее же время года, как мы увидим ниже, ареал значительно изменяется. По указаниям Миддендорфа, на Енисее граница распространения

песца проходит несколько северней (как вообще смещаются и многие другие границы распространения животных), приблизительно под 69°. Но и в пределах своего типичного места обитания песец заселяет тундру далеко неравномерно. Различные условия грунта, рельефа, присутствие водоемов, а, следовательно, и различное количество питательных объектов, имеют, конечно, весьма существенное значение для обитания этого зверка. Наибольшее количество песца в летнее время находим в полосе типичной тундры (от 68—71°). Здесь, с одной стороны, изрезанный ландшафт с большим количеством яров и обрывистых склонов материков, являющихся излюбленными местами для рытья нор, дает наиболее благоприятные для обитания места, с другой стороны — широты эти, имея большое количество водоемов и кустарниковых зарослей, являются местностью с богатой фауной пернатых. Последние же, как показали наблюдения, в летнее время являются одним из основных слагаемых песцового стола, а в годы малого количества грызунов в этой части тундры — даже доминирующей пищей. Действительно, мне нередко приходилось наблюдать разоренные песцами гнезда и выпитые яйца. Любопытно отметить, что разрушение яйца песцом производится обычно с полюсов, в то время как хищными птицами (напр., поморниками) обычно продалбливается лежащее яйцо. Значительным преследованием со стороны песца подвергаются лютые и особенно, большие гуси. Отмели рек, где происходит линька гусей (*Melanonyx segetum*, *Anser albifrons*) обычно бываю истоптаны бродившими здесь песцами. Меньше страдают от песца, по моим наблюдениям, лютые утки (*Harelda glacialis*), значительно больше времени проводящие на воде.

Обычно принято считать, что основной пищей песца в тундре являются мелкие грызуны (главным образом лемминги); такое мнение справедливо только отчасти. Действительно, в годы массового размножения этих грызунов они составляют основной элемент пищи песца, но в годы малого количества леммингов (как, напр. 1927 г.), которые не представляют в тундре исключения, песец добывает леммингов настолько мало, что говорить о доминирующем значении их в пище песца не представляется возможным. Анализы желудков песцов, добытых в летнее время 1927 г., всецело подтвердили это положение.

Северней 71 параллели, в арктической тундре, условия меняются в неблагоприятную для песца сторону. Сглаженность рельефа не представляет уже тех удобств для рытья нор, которыми изобилуют более южные районы. Не менее отрицательно сказывается малое количество водоемов и почти полное отсутствие кустарников, ведущее к значительному уменьшению авиофауны. Действительно, наблюдения показали значительное сокращение численности песца в этих широтах, это же подтвердилось и опросными данными. Наконец, в узкой береговой полосе у моря количество обитающих песцов опять возрастает. Последнее явление, без

сомнения, вызвано значительным количеством питательных отбросов, выбрасываемых морем (трупы птиц, крабов, других крупных ракообразных, наконец, тюленей), каковыми побережья весьма богаты, так как в летнее время здесь преобладают ветры северных румбов. Подобное положение отмечено также для острова Кильдина Формозовым¹ и Гиршфельдом² для Новой Земли, равно как и рядом других натуралистов, посещавших этот остров.

Такова в кратких чертах картина летнего распространения песца на Гыданском полуострове. В зимнее время, после отлета из тундры пернатых, песец в поисках пищи продвигается значительно южнее, заходя даже в лесную зону. Миддендорф указывает зимней границей захода песца на юг — Туруханск, хотя считает возможным, что по Енисею он может продвигаться и несколько далее. Первый след песца на Енисее был встречен мною у сел. Верхне-Имбатского (63°); при обратном путешествии, на Оби, последний след я зарегистрировал близ сел. Мужы (65°). Любопытно отметить, что так далеко на юг песец заходит лишь по рекам, не проникая далеко вглубь лесов, что отмечено и Миддендорфом. Таким образом видно, что зимний ареал песца (считая и единичные экземпляры) по широте увеличивается приблизительно на 4—5°. Правда, до 66° количество его крайне невелико. Уже близ Янова-Стана количество песцов вырастает, а район верховья р. Турухана (приблизительно 67°) считается одним из лучших охотничьих районов. В полосе же лесотундры количество его зимой едва ли не наибольшее. Зима 1927 г. была годом массового выхода песца в лес, вызванного, с одной стороны, малым количеством леммингов в тундре, с другой — обилием мелких грызунов в лесу и лесотундре. В лесной полосе (зимой) пищу песца составляют почти исключительно мелкие грызуны, главным образом *Evolomys rutilus*, остатки зайцев и птиц (почти исключительно *Lagopus lagopus*) в содержимом желудков встречаются гораздо реже. Севернее, в лесотундре, рыжая полевка уже не является доминирующей составной частью пищи и к ней примешивается *Lemmus obensis*. Куропатки и зайцы начинают здесь иметь уже большее значение. Наконец, в тундре, пищу песца составляют два вида леммингов (*Dicrostonyx torquatus* и *Lemmus obensis*), зайцы и оба вида куропаток. К сожалению, по этому району материал мой о питании песца беден, и я не мог выявить количественное взаимоотношение различных частей пищи.

В годы большого количества леммингов много песца остается на зиму в северных оконечностях полуострова, и зимовавшие в тундре самодеды (мыс Евай-сале) подтверждали многочисленность песца в этих широтах зимой.

¹ А. Н. Формозов. Песцы острова Кильдина. Охотник, № 11, 1927.

² Гиршфельд. Охотник, № 8, 1925.

Голубой песец на Гыданском полуострове встречается крайне редко и на многие сотни белых, пойманных самодедами, их попадает 1—2 шт. Указанная редкость голубого песца едва ли явилась в последнее время; еще и в 1843 г. Миддендорф (ч. II, стр. 163), говоря о малочисленности этой морфы указывал на опыт своего хозяина в Дудинке, который в числе нескольких тысяч белых песцов, не поймал ни одного голубого. Неоднократно слышал я от самоедов, что между белыми и голубыми песцами бывают помеси и изредка в помете бывают как те, так и другие (подобные сведения приводит и Миддендорф, ч. II, стр. 162).

Rangifer tarandus L.

Самоедское название дикого оленя — илепти, домашнего оленя — ты.

В пределах исследованной территории дикий северный олень встречается от лесной зоны до морского побережья, но заселяет ее в различных широтах далеко неравномерно. Изложенные ниже данные о распространении этого зверя, основаны главным образом на опросе самоедов, а также на наблюдениях как моих, так и других участников экспедиции (главным образом В. М. Бизина и Б. Н. Городкова), совершавших боковые разъезды и всегда с готовностью собиравших необходимые мне сведения.

Оставляя в стороне лесную зону, мало знакомую нам по условиям маршрута, значительное количество оленя мы находим в южных частях лесотундры на север приблизительно до 67° с. ш., т. е. до широты верховьев Турухана или незначительно севернее. В большом количестве в этих широтах он промышляется тунгусами и, отчасти, самоедами. Б. Н. Городков, приехавший к Богову озеру, передавал мне, что ему неоднократно приходилось во время пути видеть следы небольших стад до 30 штук оленей. Обычен олень близ Таза, по рассказам самоедов, на широте среднего течения р. Хай-яга (прибл. 67°). Далее к северу олень становится редок и, не доходя до северной границы лесной растительности исчезает совсем. Во всяком случае на р. Мудуй (68°20') и Месо (68°50'), а также и при обратном путешествии на Обско-Тазовском полуострове в среднем течении р. Поелова (около 68°) я не мог получить указаний на присутствие оленя в указанных широтах.

Севернее в южных участках тундры, как это не казалось бы с первого взгляда странным, оленя нет. На всем протяжении маршрута от низовьев Таза почти до р. Юрибея, а также и при втором обратном маршруте на Обдорск, не было ни малейших данных, заставивших бы предположить обратное. Многочисленные расспросы самоедов рисовали ту же картину. При продвижении на север первое указание на присутствие оленей в виде их следов (определение было сделано ехавшим с нами охотником-самоедом)

я встретил на берегу Гыдаямской губы несколько южнее устья Юрибея (71°). В первых числах августа В. М. Бизин наблюдал у устья Юрибея стадо в 15—20 голов, пасшееся на берегу губы. В этих же районах в конце октября у самоедских чумов я находил головы свежес убитых оленей, и по расспросам было видно, что зверь этот здесь не представляет редкости. Значительное количество оленей, державшихся небольшими, голов по 5—10), стадами наблюдал во время поездки на Мочуй-сале Б. Н. Городков, проследивший их до побережья моря.

Приблизительно аналогичные указания о распространении северного оленя в арктических широтах Сибири находим у Житкова для полуострова Ямала (1913) и Миддендорфа (1869, ч. II) для Таймыра; правда, в последнем случае картина распространения рисуется в несколько ином виде. Автор хотя и делит оленей на „тундренских“ и „таежных“, но указывает, что первые зимой спускаются до северной границы лесов, и таким образом перерыва в распространении, наблюдаемого в Гыданской тундре, на Таймыре нет. В Ямальской тундре по данным Житкова олень встречается в большом количестве лишь в северных частях полуострова, не спускаясь ниже р. Морды и вновь появляется близ отрогов Урала и Пай-хой. Указанный перерыв без сомнения — вторичное явление, произошедшее под влиянием человека и его стад и лишь в незначительной степени диктуемое естественными обстоятельствами. Все самые лучшие в пастбищном отношении места занимают стадами домашних оленей, сопровождаемые чумами пастухов, соседство с которыми вряд ли желательно для „дикого“. Такую картину наблюдаем в южных частях тундры, которая, по исследованию Городкова (Оленьи пастбища на севере Уральской обл.),¹ в отношении зимних пастбищ стоит значительно выше более северных тундр. Крайний север по указанной причине значительно меньше посещается оленеводами и сюда оттесняется дикий олень, принужденный пользоваться пастбищами весьма низкого качества. Этими же причинами объясняет Житков распространение северного оленя на Ямале.

Помимо указанного обстоятельства, являющегося по существу отрицательным, в современном распространении оленя есть причины с положительной стороны объясняющие положение оленя лишь в северных частях полуострова. Причины эти заключаются в малокомарности указанных районов, а местами и в полном отсутствии комаров и слепней, что конечно не может не отозваться на существовании оленей в положительную сторону. С другой стороны некоторое значение имеет характер снегового покрова. Таковой в равнинных северных частях полуострова распределяется более равномерно, не образуя больших снеговых забоев, затрудняющих добывание ягеля зимой, что нередко бывает в южных частях тундры. Конечно, эти

¹ Б. Н. Городков. Сборник „Урал“, № 8, 1926.

причины одни едва ли могли обусловить современное прерывистое распространение северного оленя, но некоторое способствующее значение они конечно имели.

Из рассказов самоедов видно, что в сравнительно недавнее время олень спускался значительно южнее и лишь вследствие все большего проникновения южных самоедов, оттесняемых тунгусами и зырянками в глубину тундры, в свою очередь оттеснялся к северу. Что касается северных частей лесотундры, то отсутствие здесь оленей зимой вполне понятно

Фиг. 1. Домашний северный олень, раскапывающий ягель.

если вспомнить, что сюда на зимовье стекаются все самоеды из тундры. Вместе с местными самоедами они составляют настолько густое население людей и стад домашних оленей, что существование дикого здесь крайне затруднено и он оттесняется в обратном, чем в первом случае, направлении, именно к югу.

В настоящее время, когда, как мы видели, первоначальный ареал дикого оленя, значительно изменился под влиянием человека и его стад в пределах изученной территории нельзя говорить и о правильных сезонных перекочевках, отмечаемых, напр., Миддендорфом. Затрудненный в своем существовании зверь этот, нарушив целостность территории обитания принужден был нарушить и некоторые черты своей биологии. Олени, обитающие летом на северных оконечностях полуострова, не имеют возможности по причине многолюдности северного предела лесной растительности перейти

зимой в более южные лесотундровые районы. Переход же в южные части тундры, не представляется выгодным, так как пастбища их были выбиты стоявшими здесь летом домашними стадами; кроме того более обильные снега, создающие местами значительные забои, делают добывание пищи значительно более сложным. Олени лесотундры, обитающие нормально в полосе «южной лесотундры» (см. вторую часть), летом лишь частично подвигаются к северу, не выходя все-таки за предел лесной растительности. Некоторая часть их все лето держится в южной лесотундре, и даже, наоборот, зимой при глубоких снегах иногда наблюдается пере-

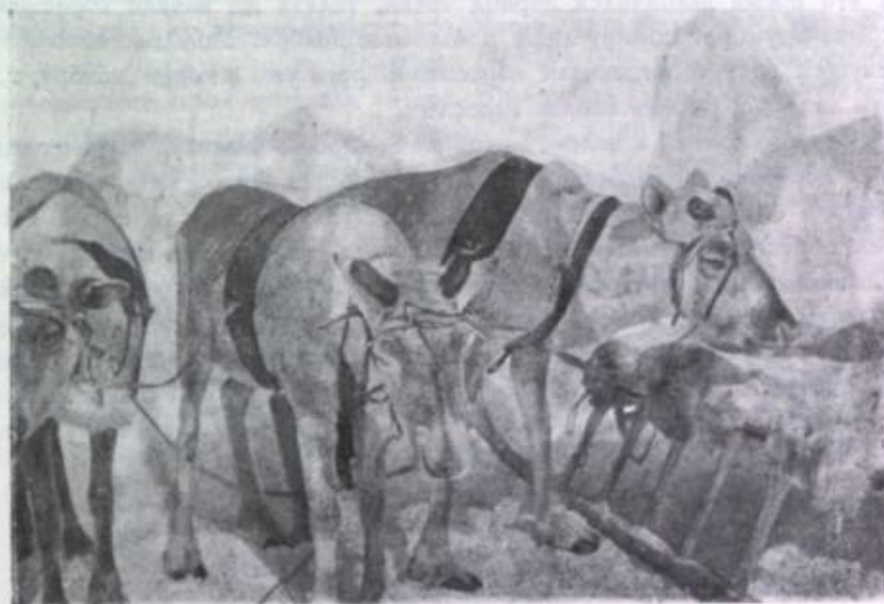
Фиг. 2. Начало роста новых рогов у северного оленя.

движение оленей в более северные и следовательно, малоснежные районы лесотундры.

Между указанными биологическими формами дикого северного оленя, есть, как я мог составить себе впечатление по немногим виденным черепам и рассказам самоедов, и морфологическая разница. Тундровый олень меньше ростом, имеет более слабые рога и более светлую окраску. По данным Миддендорфа, «таежные» олени значительно больше, чем «тундренские», и длина первых (от конца морды до корня хвоста) относится к длине вторых как, 6 к 5. Подобные отличия Миддендорф указывает как для Сибири и Урала, так и для Лапландии. Любопытен тот факт, что домашние олени лесных и тундровых оленеводов резко отличны между

собой как раз этими же качествами (ср., напр. Городков, 1926), и таким образом с большой вероятностью можно сказать, что причины, вызывающие эти морфологические отличия, суть причины экологические, в основе которых лежат различные условия питания.

Я не буду останавливаться на многих интересных биологических чертах северного оленя, а приведу лишь сроки некоторых периодических явлений его жизни. В начале февраля близ Янова-Стана быки домашних оленей начали сбрасывать рога, которые в это время во многих случаях

Фиг. 3. Новые отрастающие рога у северного оленя.

еще не успели очиститься от покрывающей их шкуры. Наоборот, рога хоров (нехолощенных самцов) и важенок (самок) нормально к этому времени лишены шкурки. К началу апреля у быков (в другом стаде тундрового самоеда) начали отрастать новые рога, и к концу месяца рога имели уже по два отростка. Время сбрасывания рогов у отдельных экземпляров сильно растягивается, что стоит, нало думать, в зависимости от степени упитанности зверя. Так, быки продолжали сбрасывать рога до десятых чисел мая, в то время когда у некоторых новые достигли уже значительного развития. Незначительно позднее сбрасывали рога хоры (племенные самцы) и неплодущие важеники, так называемые, хаптерки. Стельные важеники сбрасывают рога значительно позже, впервые в тундре это было замечено в начале мая. Весьма любопытно то обстоятельство, что период

сбрасывания рогов у важенок нормально происходит несколько позже отела, и таким образом во время беременности и в первое время после отела, т. е. в период, когда животному больше, чем когда-либо важна способность защищаться, важенки имеют орудия защиты в виде прошлогодних рогов.

Первые телята появились в начале мая, а к половине мая период отела был в разгаре. К сожалению, летнее время мы были почти оторваны от самоедов, и я не мог вести наблюдений за периодическими изменениями в жизни оленей. В конце сентября важенки и хоры почти очистили рога, и в это время закончился период течки, телята же начали сбрасывать покрывающую рог кожу лишь к половине ноября. Молодые холощенные в текущем году быки начали сбрасывать рога уже в конце ноября, т. е. почти на месяц раньше вполне взрослых.

Страсть оленей к человеческой моче хорошо известна всем исследователям севера, испытывающим от этого большие неудобства, но подобное стеснение олень доставляет лишь зимой. Летом, т. е. в то время, когда олени переходят с ягеля на зеленый корм, страсть эта пропадает, так как животное получает нужное ему количество солей и азотистых веществ в подножном корму. Любовь оленей к грибам иногда имеет весьма неприятные для пастухов последствия, так как олени в поисках их часто далеко разбегаются. Лишь когда засохнет трава и облетят листья кустарников, олени опять постепенно начинают охотиться за мочей. На Юрибее это было обнаружено впервые в начале октября.

Moschus moschiferus sibiricus Pall.¹

Один экземпляр молодого самца был случайно добыт на Енисее у Осиновских порогов (61,°30). В нескольких шагах от кабарги, которая с трудом тащиась по глубокому снегу, у подножия скалы находилась лисица. Лишь при моем приближении она бросила преследовать кабаргу и не спеша отбежала в сторону. При осмотре кабарги, которую без труда удалось поймать, у нее оказалась перегрызенной одна передняя нога и одна задняя. Зверек пробовал еще защищаться и несколько раз ударил по моей малице клыками, разорвав на ней рубашку (матерчатая покрывка).

В этих районах кабарга встречается редко и лишь некоторые подводчики-охотники знали этого зверя. Двигаясь далее к северу, последние достоверные сведения о нахождении кабарги в прибрежных енисейских

¹ Определение экземпляра было произведено К. К. Флеровым, занимающимся монографической обработкой коллекций Акад. Наук по семейству Cervidae.

районах я получил в дер. Алинской, где в 1924 г. кабарга была убита в двадцати верстах к западу от деревни.

Phoca foetida Fabr.¹

Самоедское название — няк

Нерпа с моря далеко поднимается вверх по рекам, впадающим в Гыдаямский и Енисейский заливы. Шмидт указывает ее для Толстого Носа (70°) и приводит рассказ местных жителей, по которому иногда нерпа поднимается даже до Верхне-Имбатского. Мною нерпа встречена в мае месяце на Енисее близ фактории Дерябино (70°43'), где она, по сообщениям, в течение всей зимы выходила на лед. В бассейне Гыдаямской губы нерпа была встречена неоднократно в самой губе, а по рассказам самоедов нередко заходит в оз. То-нгаева и по р. Хассейн-то-сё в оз. Ямбу-то. В оз. Хассейн-то, по уверению самоедов, нерпа войти не может по причине мелководности входа в озеро. Не раз встречал я нерпу летом на р. Юрибее верстах в 30 от устья. По Житкову нерпа также далеко заходит в озера полуострова Ямала.

В конце сентября, когда реки уже встали, самоеды передали мне, что в среднем течении (в 100 км от устья) Юрибее, в одной из стариц, прекращающей на зиму сообщение с рекой, они видели лежащую на льду нерпу. Осмотрев это место, я убедился в справедливости этого сообщения, найдя по льду с характерно обледеневшей площадкой — местом лежания нерпы. В эту по льду самоеды поставили связку осетровых самоловов (крючков), но уже на следующий день нерпа сделала новый выход, а старым уже более не пользовалась. Я ежедневно посещал это место и нередко по состоянию льда можно было установить, что нерпа по 2—3 дня не выходила на лед. Следить за нерпой я мог до начала ноября, когда отъезд заставил меня бросить эти наблюдения. Эту нерпу ожидала печальная участь, так как уйти в Юрибее она могла лишь в полную весеннюю воду, а старица, в которой она жила, зимой промерзает почти до дна.

Постоянного промысла на нерпу в Гыдаямской губе и на западном берегу Енисейского залива нет. Весной ее промышляют стрельбой из ружей сначала у полыней, а затем с лодки или берега в воде. В последнем случае стараются стрелять на мелком месте, так как убитая нерпа обычно тонет. В зимнее время ее ловят также на связки осетровых самоловов (крючков), настораживаемых в воду у полыней.

Нерпа, как это отмечалось ранее рядом исследователей, чрезвычайно любопытна, и мне не раз приходилось лично убедиться в том, как охотно подплывает она на стук или свист.

¹ Мною нерпа не добыта и к этому виду отнесена предположительно.

ТАБЛИЦЫ ПРОМЕРОВ

Sorex vir turuchanensis subsp. nov.

Промеры	Янов-Стан на р. Турухане. 1927 г. С. Наумов				
	15058 ♀	15061 0?	15059 ♀	15057 ♂	15060 ♂
Общая длина черепа	20.5	20	20.5	20.1	20.1
Ширина черепной капсулы	9.5	9.1	9.4	—	9.0
Высота черепа	5.1	5.1	5.2	—	5.0
Длина верхнего ряда зубов	9.1	9.0	9.1	9.1	8.9
Ширина между for. anteorbit.	2.5	2.7	2.6	2.6	2.5
Межглазничная ширина	3.7	3.6	3.7	3.7	3.7
От передн. края глазницы до incisivi	7.2	7.0	7.2	7.0	6.4
Длина тела	—	64	60	62	61
„ ступни задней ноги	—	14	13	13	14
„ хвоста	—	42	35	35	35

Mus musculus tomensis Kastsch.

Промеры	Н. Туруханск. 1927 г. С. Наумов							
	15054 ♂	15052 ♀	15050 ♀	15053 ♀	15056 ♂	15055 ♂	15049 ♀	15051 ♀
Кондио-базальная длина черепа	20.7	—	22.1	19.5	20.4	20.2	21.4	21.5
Общая длина черепа	—	—	23.0	21.0	21.7	21.4	22.3	22.7
Ширина черепной капсулы	—	—	10.3	9.8	9.7	9.8	9.8	10.2
Межглазничная ширина	3.9	3.7	3.8	3.6	3.7	3.8	3.7	3.8
Скуловая ширина	11.8	11.7	12.1	10.7	11.2	11.4	11.8	12.2
Длина nasalia	7.6	7.7	10.0	7.0	7.5	7.4	7.7	7.5
Длина верхнего ряда molares	3.1	3.2	3.3	3.1	3.1	3.2	3.2	3.4
Длина шва между теменными костями	4.5	—	4.2	4.8	4.0	4.5	4.6	4.6
Ширина между for. infraorbitalia	3.3	3.2	3.5	—	3.0	3.0	3.2	3.5
От заднего края frontale до protub. occipit. externa	—	—	8.3	—	7.5	7.8	8.3	8.8
Отношение длины хвоста к длине тела	3/4	5/6	> 3/4	5/6	5/6	5/6 < 6/7	3/4	3/4

Evotomys rutilus Pall.

Промеры	Янов-Стан — р. Мудуй, Гыданский полуостров, С. Наумов												
	15046	17476	15039	15037	15040	15043	15045	15035	17537	15041	15047	17474	15044
Кондио-базальная длина черепа	23.6	22.5	22.5	22.3	21.7	22.0	22.1	22.0	21.5	21.9	22.1	22.7	22.3
Скуловая ширина	13.5	12.9	13.1	—	12.6	—	12.9	12.8	12.5	—	12.6	—	13.0
Затылочная ширина	11.5	11.3	11.3	10.9	11.1	11.1	11.1	11.1	11.7	11.0	10.8	11.3	11.0
„ высота	6.6	6.4	—	6.1	—	6.2	6.2	6.3	6.2	6.0	6.2	6.2	6.2
Длина ossa nasalia	7.7	7.0	6.6	6.9	6.4	6.6	6.7	7.0	6.3	6.8	6.7	7.0	6.8
Диагностика	7.5	7.2	7.2	7.0	6.8	7.0	7.1	7.0	6.8	6.9	7.2	7.3	7.3
Длина верхнего ряда зубов	4.8	4.7	4.8	5.2	4.7	5.0	5.0	4.8	5.0	4.9	5.0	5.0	5.0
Межглазничная ширина	4	4.1	3.7	3.7	3.4	3.6	3.7	3.7	3.5	3.4	3.7	3.9	3.5
Длина тела	82	75	88	87	87	75	90	83	—	85	83	81	79
Высота уха	10	11	12	12	11	13	11	12	—	12	12	11	10
Длина ступени задней ноги	18	20	18	17	18	18	18	18	—	20	18	19	18
„ хвоста	31	31	34	25	31	28	31	30	—	31	30	31	23

Alourex lagopus lagopus L.

Промер	53 ♂, Верх. р. Турухана. Март 1927. С. Наумов	54 ♂, ibidem	56 ♂, ibidem	44 ♂, Сидоровская пристань на р. Таг. 8 III 1927. С. Наумов	80 ♂, Енисейск. залив Дерюгина. Май 1927. С. Наумов	92 ♂, оа. Хасейн-то. 6 VI 1927. С. Наумов	97 ♂, ibidem	93 ♂, ibidem	81 ♂, Енисейск. залив Дерюгина. Май 1927. С. Наумов	95 ♂, Хасейн-то. 8 V 1927. С. Наумов	106 ♂, Гыданская губа 21 VII 1927. С. Наумов	9252 ♀, Туруханск Островских
Основная длина черепа	111.4	106.5	112.0	111.0	115.3	116.5	111.2	114.8	112.5	110.0	103.2	104.0
Кондио-базальная длина черепа	120.0	116.0	121.0	119.5	125.0	125.2	120.5	123.7	120.5	118.0	111.3	113.2
Наибольшая длина черепа	125.7	120.0	127.0	123.5	130.4	129.3	124.5	130.0	125.6	123.2	117.0	117.0
Слуховая ширина	69.0	64.0	66.5	71.7	71.7	71.2	72.4	69.7	70.5	69.5	64.8	62.8
Длина nasalia	41.0	43.5	44.5	43.0	45.6	46.0	48.0	45.0	42.5	41.6	39.1	39.8
" maxilla	46.0	46.5	49.0	48.7	52.0	51.2	48.8	50.7	49.7	49.5	46.6	45.5
От переднего края глазницы до начала рого- maxillare (у зубного ряда)	52.5	51.7	55.0	53.5	58.0	56.0	53.8	56.8	53.6	53.3	49.5	49.6
Передняя межглазница	26.0	26.2	25.5	29.4	29.0	29.8	29.0	25.5	28.5	27.5	28.0	23.6
Задняя	22.3	23.5	21.0	25.3	22.4	23.0	23.8	20.5	21.5	23.5	23.6	22.8
Ширина между прос. postorbitales	30.5	32.3	30.7	36.2	34.7	34.2	35.0	29.0	30.7	35.2	33.3	29.0
Длина Frontale (от Nasalia)	42.5	43.0	43.4	43.7	45.0	44.8	40.2	45.8	43.0	45.5	42.7	40.7
Ширина мозговой капсулы	45.0	46.0	45.0	46.5	46.3	47.5	45.5	48.0	45.5	45.6	44.2	43.1
От конца nasalia до protuberantia occipitalis externa	73.5	69.5	75.3	71.7	76.0	74.8	68.2	75.7	73.8	74.3	71.0	67.5
Длина зубного ряда от С	53.5	51.5	53.5	54.2	58.3	56.0	52.7	56.7	55.5	55.7	51.8	51.7
" всего зубного ряда	65.5	62.5	65.2	65.0	70.0	68.0	64.5	67.4	66.5	64.3	61.7	62.4
От последнего коренного до condilus occi- pitalis	52.4	56.5	52.4	56.6	58.2	58.7	58.0	57.5	56.0	58.5	52.6	53.5

П р о м е р ы

Odobaenus rosmarus L.

По сообщениям самоедов, моржи весной заходят иногда в Гыдаямскую губу приблизительно до широты р. Ере-яга (70°50'), где их иногда промышляют. На Енисее, по Шмидту, заходят до Дудинки.

Delphinapterus leucas Pall.

Белуха не представляет собой редкости в низовьях Енисея, поднимаясь обычно до Толстого Носа (70°) реже выше этой широты. Миддендорф указывает на случай захода белухи в 1825 г. до 64° с. ш. Шмидт же, приводя нахождение белухи в 1826 г. у устья Подкаменной-Тунгузки, считает оба указания за один случай. Во время поездки по Енисею я слышал в г. Енисейске о молодой белухе, пойманной несколько лет назад близ города. На Хатанге, по Миддендорфу, белуха нередко поднимается до Хатангского (72°).

В Гыданской губе, по рассказам самоедов, она не часто встречается до устья Юрибея (71°), сведений о нахождении в более верхних частях губы у меня нет.

ПТИЦЫ — AVES

Saxicola oenanthe oenanthe L.

Самоедское название — мурзы-саук-лёмур.

Весьма обыкновенная в типичной тундре (на север приблизительно до 71° с. ш.), где гнездится по обрывистым берегам рек и материков. Станция этого вида весьма постоянна, и на всем протяжении летнего маршрута мне не пришлось наблюдать каменку, гнездившуюся в иной обстановке. По берегам губы, где указанная станция встречается и в более северных широтах, вид этот распространен несколько северней. На Енисейском заливе прослежена Тугариновым¹ за 72°, Житковым на Ямале наблюдалась у устья Морды (70° 30').

Первые чеканы были замечены у Хасейн-то 9 июня и наблюдались до 9 сентября. Значительное количество пролетных каменок появилось на Юрибее в конце августа: в это же время по наблюдению Тугаринова (1911) начинается отлет их с нижнего Енисея (Луковая протока).

Cyanecula suecica suecica L.

Собранные мною варакушки принадлежат к типичной, мелкой западной форме, заметно отличающейся от населяющих северовосточную Сибирь

¹ А. Я. Тугаринов. Птицы Енисейской губернии.
Труды Полярн. Ком., в. IV.

(Таймыр и далее до Аляски) *C. suecica robusta* But. Размеры крыла моих экземпляров следующие: № 97 ♂—72.5 мм; 95 ♂—72.8; 118 ♀—72; 136 ♂—72; 103 ♀—69; 96 ♀—72.7.

Встречена по всему маршруту гнездящейся обычно по кустам ивы на склонах материков; собственно низинных зарослей, по моим наблюдениям, варакушка избегает.

Первых птичек я заметил близ оз. Хассейн-то 18 июня. 27 июня в нижнем течении р. Хассейн-то-сё нашел гнездо с пятью яичками. Обе державшиеся около гнезда птички вели себя крайне доверчиво и подпускали на 2—3 м. Любопытно отметить, что поведение родителей у гнезда в иных случаях бывает совершенно противоположно. Близ оз. То-нгаева я, найдя гнездо, расположенное на обрывистом берегу протоки, решил убить птичку. Но последняя, слетев с гнезда, тотчас улетела далеко прочь. Только через пять-десять минут она возвратилась к гнезду, но увидав меня вновь стремительно улетела. Такой прием повторялся несколько раз, причем птичка все дольше не подлетала к гнезду и лишь после того как я тщательнее спрятался за обрывом, мне удалось убить подлетевшую варакушку.

27 июля на нижнем Юрибее наблюдал самочку, таскавшую в клюве насекомых. В это же время были наблюдаемы слабо перепархивающие молодые. К началу августа молодые уже хорошо летали, хотя держались стайками, семьями. Осенью в верхнем течении Юрибея, после хорошо выраженного в августе пролета, варакушки окончательно исчезли 4 сентября.

Anthus cervinus Pall.

Самоедское название — иеи́й-лёмур (настоящая птица, также вообще многие воробьиные)

Среди одиннадцати коньков, собранных мною по всему маршруту до 71° с. ш. десять бесспорно принадлежат к виду *Anthus cervinus* Pall. и лишь один (juv., Юрибей, август) вызывает некоторое сомнение и может быть отнесен к *Anthus pratensis* Briss.¹ Первые прилетные птички на Хассейн-то появились 11 июня и вскоре же начали вести себя по брачному. 10 июля близ оз. То-нгаева в ивовых низинных зарослях нашел расположенное на земле полузакрытое гнездо с двумя только что вылупившимися птенцами и тремя яйцами. Пение коньков в это время можно было слышать буквально полные сутки. Единичные попытки песни слышал еще 3 сентября в верховьях Юрибея, во время интенсивного пролета их на юг.

В середине августа на нижнем Юрибее были видны многочисленные летние выводки молодых, вскоре начавшие собираться в стайки. Последние стайки на верхнем Юрибее были видны 5 сентября.

¹ Дерюгиним и Шуховым этот вид встречен около Обдорска.

Mutacilla alba dukhunensis Sykes.

Самоедское название — ван-гуи-ча́да

Белая трясогузка встречена мною от оз. Хоссейн-то до нижнего течения р. Хассейн-то-сё. Далее к северо-западу она не встречалась и вновь появилась на среднем течении Юрибея (70° 30'). Житковым на Ямале встречена до устья Морды (70° 30'). По всей вероятности северная граница распространения этого вида совпадает с границей между типичной и арктической тундрой. Тугаринов и Бутурлин указывают границу *M. a. dukhunensis* на правом берегу Енисейского залива по 73° с. ш. Эта граница не является неожиданной, так как вдоль долины Енисея все зоны спускаются значительно севернее.

Первые птички появились у Хассейн-то 8 июня, а 16 июня уже было найдено гнездо, помещавшееся на берегу озера в земляной трещине. Позже мне неоднократно приходилось наблюдать эту птичку, гнездящуюся в таких же местах в непосредственной близости от сапсана. Иногда гнезда их находились на расстоянии 2—3 м друг от друга и несмотря на опасное соседство я ни разу не обнаружил каких-либо следов разорения гнезда трясогузки. Мне не пришлось найти ни одного гнезда, расположенного не на яру: станция этой птички весьма определена. И даже на пролете, который я наблюдал в начале сентября, они редко держались по ивовым зарослям, предпочитая посещать обрывистые яры. Последних птичек видел в конце сентября на среднем течении Юрибея.

Budytes citreola citreola Pall.

Желтоголовые трясогузки с Гыданского полуострова принадлежат к типичной восточной форме *B. citreola citreola* Pall., а не к западной *B. citreola werae* But. Указанные автором для последней формы диагностические признаки, как величина, сильно перекрываются у обоих подвидов, так что на основании этих признаков их не всегда легко различить. Действительно надежным признаком, как указал Сушкин,¹ является окраска подмышечных и боков.

Распространение подвидов *Budytes citreola* представляет некоторый интерес, так как указывает нам на значительное распространение в северных широтах Сибири восточных форм на запад. Мелкие *B. c. werae* в южных частях западной Сибири распространены на восток почти до Красноярска. Во всяком случае, по свидетельству Залесского,² под Томском они

¹ P. P. Sushkin. Notes on Systematics and Distribution of certain Palearctic Birds. Proc. Boston Soc. Nat. Hist., vol. 38, № 1, p. 37—38.

² К географическому распространению *B. c. citreola* и *B. c. werae*. Вести. Томск. орнит. о-ва, кн. I, 1921 г.

встречаются обычно. Но севернее, в полосе тундр, в соответствующих долготах и даже значительно западнее, напр. на р. Щучьей,¹ обитает *B. c. citreola*. Таким образом ареал типичной *B. citreola* Pall. на севере западной Сибири большим языком продвигается на запад. Крайне любопытно было бы выяснить, какая форма населяет западный склон северного Урала и Большеземельскую тундру.

Желтоголовая трясогузка весьма обыкновенна в южной полосе тундры, где гнездится по долинам рек и озер, обильно зарастающих ивой. В тех местах, где представлена подобная станция, эту птичку можно встретить наверняка и, наоборот, за все время путешествия мне не приходилось наблюдать ее гнездящейся в иных условиях. На подобную привязанность желтоголовой трясогузки к определенным станциям указывали Житков (Птицы Ямала) и Тугаринов (Материалы по птицам Енисейской губ.). Можно с уверенностью сказать, что северная граница распространения этого вида совпадает с границей значительной кустарниковой растительности, т. е. с северной границей типичной тундры. В Гыданской тундре, следовательно, эта граница начинается на Енисее немного севернее 71°, тянется по полуострову по 71 параллели и на Ямале спускается до 70° 30' (Житков).

Прилет этого вида трясогузки у Хассейн-то был замечен 12 июня и через месяц в окрестностях оз. То-нгаева наблюдались небольшие гнездящиеся колонии. Хорошо летные молодые на Юрибее показались 16 августа, а в первых числах сентября трясогузки уже исчезли совсем.

Acantis linaria exilipes Coues.

Собранные мною пять экземпляров чечоток, из которых два молодых, находятся в поношенном оперении, вследствие чего определение их представило некоторое затруднение. При определении, чечотки моих сборов с первого взгляда казались более схожими с *Acantis linaria linaria* L., чем с *Acantis linaria exilipes* Coues. Так общий тон верха гыданских птичек значительно темнее такового у *A. l. exilipes* из Архангельской губ. Но наблюдая этот признак на сериях, собранных в разное время года, видно постепенное потемнение верха в течение лета. Между экземплярами, добытыми в мае и сентябре, будет значительная разница, обусловленная не переменой собственно окраски, а вытиранием и исчезновением светлых краев пера, вследствие чего показывается ранее скрытая нижележащая темная часть соседнего пера. Таким образом темный цвет чечоток моих сборов я в значительной степени склонен объяснить именно этой причиной (птички добыты в середине августа), хотя все же надо отметить, что перо

¹ Шухов. Птицы Обдорского края, и собственное определение его экземпляров хранящихся в Зоол. музее Акад. Наук.

у *A. l. linaria* окрашено более интенсивно и с ржавым оттенком. Грудь и брюшко у гыданских чечоток окрашены значительно бледнее большинства типичных *A. l. linaria*. По длине клюва они не превышают измерений, указанных Бутурлиным¹ для *A. l. exilipes* (№ 194—7, № 198—6.7, № 148—6.7) и далеко не доходят до максимума *A. l. linaria*—8. Надхвостье пятнисто лишь у одного экземпляра (№ 194); таким образом большинство признаков говорит за отнесение моих экземпляров к пепельной чечотке.

Впервые очевидно гнездящуюся парочку я встретил 21 июля близ Гыдаямской губы (под 71° с. ш.) в небольших ивовых кустах. Далее по губе они не встречались мне до устья Юрибея, хотя я внимательно выискивал их среди прочих мелких воробьиных птиц. 4 августа в густых зарослях ивы, в долине Юрибея, я нашел несколько гнездящихся птичек. Одно найденное гнездо помещалось в верхней трети куста, снаружи оно было сплетено из сухой травы, внутри же искусно выложено перьями совы (*N. nyctea*). Несмотря на позднее время в нем находилось 4 насиженных яйца, с которых я неоднократно сгонял высидивающую их самочку. В то же время я наблюдал уже летних молодых. Птички вели себя осторожно и убить их представляло некоторый труд. Поднявшись с гнезда или из кустов, птичка пролетала небольшое расстояние (2-3 м) и быстро садилась между кустами. Мне неоднократно пришлось наблюдать, как севшая в куст птичка спускалась почти до земли и по нижним веткам заросли быстро начинала убегать в сторону.

После этого второго случая чечотки не встречались до наступления осеннего пролета, когда в начале сентября они появились в значительном количестве на верхнем течении Юрибея. Последних птичек я видал в верховьях Юрибея 10 сентября. Бутурлин и Тугаринов на Енисее встречали эту птичку до 72°; Шухов (1915 г.) нашел один экземпляр пепельной чечотки у устья Щучьей. Житков встретил ее до границы ольхи, но надо думать, что она на Ямале идет и севернее.

Pinicola enucleator pacata Bangs.

Щуры, добытые в бассейне нижнего Таза, неотличимы от алтайских *P. e. pacata* Bangs (-*altaicus* But) и наглядно отделяются от европейских *P. enucleator enucleator* L. и *P. enucleator kamtschaticus* Durb. По сравнению с первыми клюв *P. e. pacata* короче (длина его от ноздрей 10.5—12.5 мм), слабее, высота клюва меньше, дугообразный выгиб верхней половины клюва слабее. У *P. e. kamtschaticus* длина клюва еще меньше (от ноздрей 10—10.7 мм), но профиль клюва значительно сильнее, клюв выше, наружный изгиб верхней половины клюва круто дугообразно спускается вниз. Кроме того общий тон окраски как-будто несколько светлее.

¹ С. А. Бутурлин. Материалы по птицам Енисейской губ. 1911 г.

Указание Бутурина (l. c., 1911, стр. 104) о принадлежности птиц, собранных в долине Енисея, к европейской форме явно ошибочно и основано очевидно на немногочисленности коллекционного и сравнительного материала. Также ошибочно обозначил щуров с р. Казыма как *P. e. enucleator* L. Шухов.¹ Посмотрев его экземпляры я убедился в принадлежности их к *P. e. pacata* Bangs. Последний подвид на севере Сибири, насколько я мог выяснить, распространен от долины Оби на восток почти до Лены. Во всяком случае, экземпляры Чекановского с Оленька принадлежат еще к *P. e. pacata* Bangs.

По Бутурлину (l. c. 1911) щур в долине Енисея представляет довольно редкое явление. Очевидно так же редок он и в окрестных районах, так как на водорозделе между Тазом и Енисеем щур встречен мною только в одном месте, на р. Удер-яга (67°30'). 24 марта проезжая по небольшому слово-лиственничному леску, неширокой полосой окаймляющему речку, я услышал тихое мелодичное пение. После недолгих поисков заметил щура, сидевшего на самой вершине ели и певшего свою прекрасную песенку. Через некоторое время птичка перелетела вглубь леса, откуда вновь послышалась ее песня. День стоял морозный, солнечный, и хотя температура спустилась ниже — 26° С, но пение щура дало почувствовать приближающуюся и даже уже наступившую отчасти весну. На другой день в этом же леске нашел несколько щуров, хлопотливо перелетающих с дерева на дерево в поисках корма. Птицы посещали как ели, так и лиственницы. Погода стояла сумрачная, начинал раздуваться ветер и песни щуров почти не было слышно.

Севернее этого пункта *P. enucleator* мною не встречен, хотя я тщательно осматривал все попадавшиеся лески. Таким образом зимняя граница распространения щура совпадает с границей ели.

Emberiza pusilla Pall.

Летом на гнездовьях я не нашел эту овсянку и лишь в конце августа и начале сентября встретил несколько одиночно державшихся, очевидно, пролетных экземпляров в верхнем течении Юрибея.

На Ямале этот вид Житковым не встречен. Бианки (Еж. Зоол. муз., XIV, 1909, стр. V) указывает на нахождение овсянки-крошки Вардроппером на мысе Ям-сале. В долине Енисея прослежена Тугариновым и Бутурлиным до 72° с. ш.

Calcarius lapponicus lapponicus L.

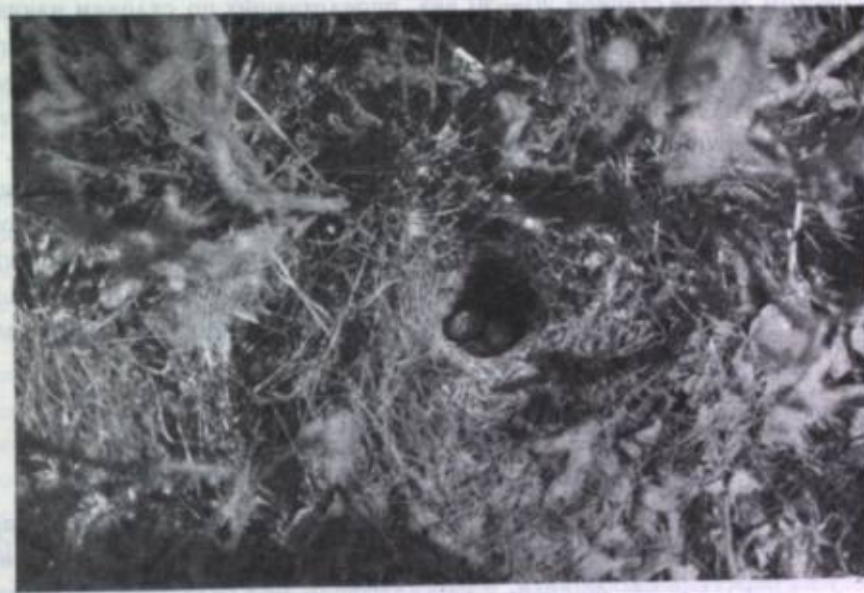
Самоедское название — и е р у - л ё м у р, кустарниковая птичка.

Лапландский подорожник самый распространенный вид в Гыданской тундре, встреченный мною до наиболее северной точки летнего маршрута

¹ Шухов. Птицы Обдорского края. 1915.

экспедиции — р. Нейте (71°30'). Житковым на Ямале и Бутурлиным на Енисее встречен до Карского моря.

В самых разнообразных станциях, как заросли ивы и березки (*Betula nana*), по склонам и вершинам материков как типичной, так и арктической тундры, везде встречается эта неприхотливая птичка, с тихим попискиванием перелетающая с кочки на кочку. Первых прилетных птичек я заметил 21 мая недалеко от берега Енисейского залива (71°). В это время я встречал только одиночных самцов, державшихся по прогалинам. В глубине тундры они появились позже; так на Хассейн-то я наблюдал первых лишь

Фиг. 4. Гнездо лапландского подорожника *Calcarius lapponicus* Lin.

10 июня. Вскоре по прилете самцы начинают петь, держа себя при этом подобно конькам (*Anthus*). Взлетев в воздух, птичка тихо опускается с песней, распустив при этом крылья и поставив перпендикулярно хвост.

19 июня на Хассейн-то я нашел первое гнездо, устроенное в материковой тундре под кочкой *Eriophorum vaginatum*. Гнездо сделанное из стеблей *Eriophorum* и злаков, удачно маскировалось свесившимися былинками. В нем было 5 яиц. Около гнезда держались и самка и самец. 3 июля были обнаружены только что выведшиеся молодые. Первые летные появились на нижнем Юрибее в начале августа. Перепархивающие птички держались небольшими, очевидно семейными стайками по склонам материков. В то же время старые птицы начали линять. Экземпляр от 1 августа ♂ (№ 145) находится еще в почти полном весеннем наряде, лишь в нижней части черного ошейника появляются перья с палевыми окончаниями; такие же перья

заметны и у основания клюва. Экземпляр от 6 августа ♂ (№ 151) почти вполне перелинял в осенний наряд.

В середине августа птички собираются в стаи по 30—40 шт., и начинаются кочевки. По моим наблюдениям, взрослые самцы улетают несколько ранее (также как и прилетают весной), последних я наблюдал в самом конце августа. Окончательно птички исчезли в середине сентября.

Plectrophenax nivalis nivalis L.

Впервые пуночек я встретил 15 мая близ фактории Дерябино на Енисейском заливе стайкой 20—30 экз., перелетавших по склонам начинавшей оттаивать тундры. В Дерябине мне передавали, что „снигири“ прилетели сюда в первых числах мая, но мною там они встречены не были. В глубине тундры я вовсе не нашел этого вида и лишь 23 сентября в среднем течении Юрибея убил одиночного самца в осеннем наряде. Не встретил пуночек на гнездовьях в глубине Ямала и Житков, наблюдавший их лишь по берегу моря и на острове Белом. Финш¹ встретил пуночек на р. Щучьей. Надо думать, что вид этот летит на север по долинам больших рек (Обь, Енисей), не расселяясь далеко в тундру, а гнездится в долине и по берегам соответствующих заливов. По долине Енисея прослежен до 72° (Тугаринов).

Otocoris alpestris flava Gmel.

Самоедское название — сыры-лёмур, снежная птичка

16 апреля, когда в тундре еще стояла полная зима, самоеды принесли мне хорошо сохранившийся трупик этого жаворонка, найденный в снегу на берегу р. Сыгдар-яга, и рассказывали между прочим, что птички эти держатся в тундре иногда всю зиму (? С. Н.). Позже мне то же рассказывали русские на факториях. Первых, несомненно прилетевших, птиц я наблюдал на берегу Енисейского залива близ фактории Дерябино 18 мая. Несколькими днями позже они появились в большом количестве и держались стайками 15—20 шт. В это время попадались почти исключительно самцы. Перелетая по оттаявшим холмам, они напевали два-три колена своей песни. В конце мая я наблюдал первую, ведущую себя по брачному, птицу. Поднявшись высоко в воздух, распутив крылья жаворонка стал с песней спускаться вниз, но пропев не более полминуты, вдруг как бы смутился, замолчал и камнем спустился вниз. Тщетно позже я дожидался полной законченной песни жаворонка, мне так и не удалось ее услышать. Все пение ограничивалось двумя тремя коленами, пропетыми или при подъеме вверх, чаще же при горизонтальном полете. Вначале я думал, что причина

¹ Finsch. Reise nach West-Sibirien. 1876.

этому явлению — ранняя весна и плохая погода, но и позже песня осталась такой же незаконченной.

К десятым числам июня жаворонки, державшиеся доселе стайками, разбились на парочки. В середине июня несколько дней бушевала снежная метель, птички исчезли и появились вновь лишь после того как вышли из под снега первые проталины. От оз. Хассейн-то жаворонки встречались в значительном количестве по всему маршруту, придерживаясь преимущественно сухой песчаной, местами сильно выдутой тундры. В болотистых низинах в это время я не встречал их вовсе.

21 июля нашел первых слаболетних молодых, а к концу месяца они все поднялись на крыло. Вскоре начали замечаться небольшие стайки (10—15 шт.), составленные преимущественно из молодых в типичном пятнистом наряде. В конце августа молодые уже перелиняли во взрослое перо, и стайки увеличились до 20—30 шт.

Любопытно отметить то обстоятельство, что осенью рогатые жаворонки резко меняют свою станцию. В летнее время любимым местом их были высокие сухие материки, лишь незначительно заростающие лишайником и немногими злаками. В конце сентября на таком материке нельзя было встретить ни одной стайки, все они перебрались в низины, держась главным образом по заплескам рек и озер. Сюда их привлекали травянистые плавниковые наносы, состоящие главным образом из колосков и семян различных злаков. Все питательные для жаворонка вещества (главным образом семена злаков) осенью сильными ветрами сносятся с материковых бугров в долины и попадая в озера, откладываются волнами в виде травянистой плавниковой гряды. Анализ желудков показал, что пища состоит на 90% из семян злаков и других растений.

С конца октября жаворонков стало заметно меньше, хотя первый выпавший 30 октября снег не прогнал птичек, продолжавших небольшими стайками держаться по берегам Юрибея и озер его долины. Последние пролетные экземпляры наблюдались 10 октября, когда температура доходила до —8°С. Самоеды говорили мне, что видели их на Юрибее еще 13 октября.

Nucifraga caryocatactes macrorhynchus Brehm.

В небольшом количестве я встретил кедровку в феврале по дороге от Туруханска до Янова-Стана, причем все виденные птицы держались в кедроволиственничной тайге. Последние птицы были встречены незначительно севернее Янова-Стана и здесь, повидимому, и проходит северная граница их распространения. Любопытно отметить, что граница распространения плодоносящего кедра проходит несколько южнее, а граница распространения кедровки совпадает с границей кедра вообще (66°40').

Perisoreus infaustus. (subsp.).

На Енисее Бутурли указывает на многочисленность кукши на широте полярного круга и считает, что она распространена и севернее. Мною кукша была встречена лишь дважды: в окрестностях Янова-Стана и близ оз. Момчик (66°33'), где птица была найдена замерзшей на снегу.

Собранные экземпляры прекрасно отличимы от европейской *Perisoreus infaustus ruthenus* But. и от сибирских *P. inf. opicus* Bangs, *P. inf. sibiricus* Bodd. и *P. inf. jakutensis* But. и представляют хорошо выраженный новый подвид, описание которого должно скоро появиться в посмертной работе П. П. Сушкина, сделанной им совместно с Б. К. Штегманом и представляющей монографию *Perisoreus infaustus* L.

Picoides tridactylus crissoleucus Вр.

По Бутурлину (Мат. птиц. Енисейской губ.) весь западносибирский север на восток до Енисея населяет *Picoides tridactylus uralensis* But., отличающийся от европейского *P. t. tridactylus* L. большим развитием белого цвета на спине и на внешних опахалах первостепенных махов. Нижние кроющие крыла незначительно помечены черным. От восточносибирского *P. t. crissoleucus* Вр. уральский трехпалый дятел отличен меньшим развитием белого на внешних опахалах первостепенных. Таким образом уральская форма по развитию белого занимает промежуточное положение между восточносибирским *P. t. crissoleucus* Вр. и европейским *P. t. tridactylus* L. Сравнивая шведские экземпляры с восточносибирскими, я мог констатировать лишь весьма слабую разницу в указанных признаках. Среди первых мне попадались некоторые птицы, у которых белый цвет в указанных местах был развит значительно сильнее, чем у восточносибирских, хотя в массе последние все же с большим развитием указанного признака. Что же касается западносибирских дятлов, которые по Бутурлину должны быть отнесены к *P. t. uralensis* But., т. е. к форме, занимающей промежуточное положение между двумя указанными выше, то я не мог найти у них никакого отличия от восточных *P. t. crissoleucus*, к которому я и отношу своих птиц.

Этого дятла я изредка встречал по дороге от Н. Туруханска до Янова-Стана и далее к р. Тазу. Птицы встречались мне как в хвойном лесу так и в большой болотистой ольховой уреме р. Таза, где дятлы охотно занимались долблением сухостойных деревьев. Здесь же я нашел и несколько кузниц. С переходом на лесотундру дятел встречался исключительно в долинных еловолиственничных лесах, не выходя в разреженные чисто лиственничные рощи водоразделов. Последних дятлов и следы их работы я наблюдал на р. Удер-яга. Считаю не лишним отметить, что по моим наблюдениям, что подтвердилось и при обратном движении на юг в 1928 г.,

зимний предел распространения трехпалого дятла совпадает так же, как и у *Pinicola enucleator* с северной границей ели.

На Енисее этого дятла Seebohm¹ встретил до Курейки. В Обском бассейне указывается Дерюгиным до села Обдорского, но без сомнения идет и севернее, так как на Обско-Тазовском полуострове встречен мною.

Nyctea nyctea L.

Самоедское название — ханюпчи.

В зимнее время (февраль—апрель) в полосе лесотундры полярная сова встречалась изредка. Но уже в начале мая, когда в тундре стояла еще полная зима, сова начала попадаться значительно чаще. В это время, повидимому, уже начался ее пролет на север. В это же время наблюдал появление сов в тундрах Ямала и Житков (l. c.). В первых числах июня в окрестностях Хассейн-то наблюдался интенсивный пролет, длившийся до середины месяца, после чего совы попадались крайне редко. Двигаясь в течение всего июля, я встретил сову лишь один раз близ оз. То-игаева, где в холмистой тундре было повидимому ее гнездо, о чем я заключил из поведения птицы. Возможно, что малое количество сов, встреченных мною, объяснялось почти полным отсутствием леммингов летом 1927 г.

Обратный пролет на юг наблюдался в среднем течении Юрибея в начале сентября. Особенно часто можно было видеть их по обрывистым берегам рек, куда они привлекались очевидно отсталыми и больными водоплавающими птицами и, отчасти, селящимися в трещинах берега леммингами. В двадцатых числах сентября валовой пролет кончился и изредка наблюдались одиночные экземпляры, которые окончательно исчезли в среднем течении Юрибея 20 октября.

Archibuteo lagopus pallidus Menz.

Самоедское название — ньерра.

Канюки Гыданской тундры без сомнения принадлежат к светлой тундровой форме, *A. lagopus pallidus* Menz., которому совершенно несомненно Бутурли (l. c., 1911) отказывает в самостоятельном таксономическом положении. Сравнивая серии европейских и сибирских птиц нетрудно убедиться в наличии диагностических признаков у второй группы, как напр., общее посветление окраски, значительная ширина белых каемок перьев, слабое развитие темных штрихов на кроющих головы. Конечно,

¹ По Тугаринову и Бутурлину, l. c., 1911.

нужно иметь материал однообразный по времени добычи, так как наружная часть пера со временем быстро изнашивается. Даже в первом пере, который подробно описывает Бутурлин, критикуя *A. l. pallidus*, отличия видны достаточно ясно. Определение мое любезно проверено Л. А. Портенко, монографически обрабатывающим канюков по коллекциям Зоологического музея Академии Наук.

Мохноногий канюк — первая прилетная птица, замеченная мною весной 1927 г. 13 мая близ р. Танам я видел канюка, пролетевшего над замерзшим еще озером. Вскоре после этого случая канюки стали попадаться часто, и ежедневно мы видели их по нескольку штук; начался валовой пролет.

В пределах полуострова канюк распространен до самых северных оконечностей его, но значительно преобладает в полосе типичной тундры (на север до 71°), где находит наиболее удобные для гнездовья места. Такую же закономерность в широтном распределении канюка отмечает Житков для Ямала.

В первые же дни прилета на Дерябинской протоке Енисея канюки приступили к постройке на высоком обрывистом берегу своего гнезда, что наблюдал я 16 и 17 мая. 29 мая у Хассейн-то нашел первое гнездо с одним яйцом. 2 июня в нем находилось уже два яйца, 4-го — 3 яйца, 9-го — 4 яйца. 14 июня в гнезде нашел только три яйца, остатки 4-го валялись в 10—15 м от гнезда; очевидно песец, несмотря на бдительный надзор родителей, все же сумел украсть одно яйцо. Все найденные мною гнезда были весьма однотипны как по местоположению, так и по устройству. Обычно гнездо, представляющее собою круглую площадку, сплетенную из ветвей ивы и *Betula nana*, располагалось на высоком берегу озера, реки или же просто на вершине одного из холмов размытого материка. Мне ни разу не пришлось найти гнездо, которое помещалось бы в низине, хотя Житков и пишет что находил такие гнезда в Ямальской тундре. Во всех найденных гнездах количество яиц и птенцов не превышало 4, вообще же их у этого вида бывает и больше. 10 июля у оз. То-нгаева нашел гнездо с 4 пуховыми птенцами, последние, как это часто бывает у хищников, были весьма различного возраста. Рядом с гнездом был устроен склад пищи, разбирая который я обнаружил: одного взрослого *Phalaropus lobatus*, одного *Otocoris alpestris* juv. и трех *Lemmus obensis*; 11-го в самом гнезде лежали один *Lemmus obensis* и один пуховой *Otocoris alpestris*. 12-го — один лемминг и один птенец *Anthus cervinus*; 13-го и 14-го запасов в гнезде не обнаружено. Как видно, в годы малого количества леммингов пищу птенцов канюка в значительной степени составляют мелкие птицы.

В начале сентября попадались вполне летные молодые в ярком первом наряде. Последних же пролетных канюков видал на Юрибее в 20-х числах сентября.

Haliaeetus albicilla Briss.

Самоедское название — лымбе

По свидетельству Житкова, орлан появляется в тундре рано; на Ямале первых птиц он наблюдал близ устья Щучьей 31 марта (ст. ст.). Мною же в глубине полуострова первые прилетные птицы замечены значительно позже — 6 июня (нов. ст.) близ Хассейн-то. В конце этого месяца нередко можно было наблюдать орланов по одиночке, тянувшихся вверх по р. Хассейн-то-сё. Долетев до озера, в то время еще покрытого льдом, птицы делали над ним круг и тем же спокойным полетом улетали обратно вниз по реке.

В пределах полуострова вид этот распространен широко; лично мною он прослежен до начала Гыдаямской губы (То-нгаева), на Енисее же Тугаринов наблюдал его у 72°.

В последних числах августа, во время интенсивного пролета гусей, часто приходилось наблюдать орланов, тянувших вслед за отлетными гусиными стаями. Осеннее исчезновение орлана совпало приблизительно с исчезновением гусей (*Melanonyx segetum*).

Astur palumbarius L.

Тетеревинок встречен мною лишь зимой в лесотундре и в ближайших прилежащих частях типичной тундры. Изредка я наблюдал его близ небольших речных лесков. Наиболее северный пункт встречи этого вида (где он был замечен Б. Н. Городковым 9 мая) — р. Салпода-яга 70°11'. Бутурлин указывает его границу на Енисее до широты с. Дудинки.

Falco peregrinus griseiventris Brehm

Самоедское название — ханновай

В моей коллекции имеются три экземпляра, добытые в тундрах полуострова, причем два из них, № 87 и 57, по слабому развитию сливочного оттенка на груди, широким пепельносерым каемкам кроющих верха и большим белым порциям на щеках должны быть отнесены к *F. per. griseiventris* Brehm. Третий экземпляр (№ 132, Гыдаямская губа ♀) резко отличен от перых значительно более темным верхом с буроватым оттенком, сильно пятнистым (хотя и не сливочным, как у европейских) брюхом и более схож с темными сапсанами восточной Сибири типа *F. per. callidus* Faht.

Сапсан встречен в пределах полуострова до устья Юрибее, но по опросным данным идет на север до берега моря при условии, если

встречаются его излюбленные для гнездовья места — высокие обрывистые яры.

Первого сапсана я наблюдал 18 мая на берегу Енисейского залива близ Дерябина ($70^{\circ}43'$), и уже через несколько дней птицы вели себя по гнездовому, т. е. при приближении начинали летать на кругах над человеком, издавая характерный, резкий крик. В этом месте, после недолгих поисков, я обнаружил прошлогоднее гнездо, которое птицы опять, видимо, собрались занять. Привязанность сапсана не только к определенной станции, но и к определенному месту, яру или скале, чрезвычайно велика. Из года в год гнездится он на одном яру, занимая старые прошлогодние гнезда или же делая новые, но не отходя от этого случая далее 2—3 м. Не раз мне приходилось на небольшом участке яра находить несколько (до 5) старых гнезд, отстоящих одно от другого не более указанного расстояния. Самоеды, отличные наблюдатели животной жизни, неоднократно рассказывали мне о подобной привязанности сапсана к определенному месту.

Первое гнездо, представляющее простое углубление в земле без всякого строительного материала, я нашел 21 июня на обрывистом размытом берегу р. Хассейн-то-сё. В нем было три яйца. Рядом с гнездом, а также и на некотором расстоянии, валялись перья и иные остатки птиц, среди которых чаще всего попадались головы турухтанов. У этого гнезда, как и у всех остальных, держались обе птицы. В непосредственной близости от гнезда сапсана, я обнаружил колонию *Branta ruficollis*, которых, по видимому, не смущало соседство столь опасного хищника. Подобный симбиоз мне пришлось наблюдать неоднократно. В гнезде, которое я нашел 24 июля на глинистых скалах берега Гыдаямского залива, было уже три пуховых птенца и одно яйцо. Вывод птенцов у сапсана иногда сильно задерживается, так 24 августа на среднем течении Юрибея я обнаружил в гнезде двух птенцов, один из которых уже начал распускать махи и рули; и на голове у него появились перья, другой же был весь пуховой. Большого я взял для коллекции и когда две недели спустя вновь посетил это гнездо, то ни птенца, ни родителей уже не было. Несомненно, что опериться и подняться на крылья оставшийся птенец за это время не мог, и очевидно, брошенный родителями, был съеден песцами.

Осенний слабо выраженный пролет сапсанов в верховья Юрибея происходил в конце августа — в начале сентября и окончился к 5 сентября.

Aesalon aesalon Tunst.

Этот вид сокола встречен мною лишь один раз 11 сентября на среднем течении Юрибея.

Фиг. 5. Гнездо сапсана *Falco peregrinus griseiventris* Brehm.

Фиг. 6. Птенцы *Falco peregrinus griseiventris* Brehm. в гнезде

Melanonyx fabalis fabalis Lath.(= *segetum* Gmel.)

Самоедское название — тиник-епту

Я не имею возможности остановиться подробно на сложном вопросе систематических взаимоотношений различных описанных форм гуменников. Отмечу только, что все привезенные мною птицы, добытые в тундрах Гыданского полуострова (от 70°30' до 71°10' с. ш.), сравнительно мало варьируют по величине клюва (culmen 52 — 62.3) и по признакам профиля клюва и форме ноготка и, без сомнения, должны быть отнесены к типичной расе гуменника (*Melanonyx segetum* Gmel). В моих сборах нет гусей, которые походили бы на *M. (fabalis) arvensis* Brehm или на *M. fabalis serirostris* Swinh. и *M. fabalis sibiricus* Alpher.

Первые прилетные гуменники были замечены мною у Дерябина 15 мая, жители же фактории передавали мне, что гуси появились у зимовки 13-го. Необходимо отметить, что весна 1927 г. наступила недели на две ранее обычного, и приводимые мною числа прилета, очевидно, несколько уклоняются от обычных сроков. Но вместе с тем указание Тугаринова и Бутурлина¹ на то, что „устья Енисея они достигают вероятно не ранее первых чисел июня“ (ст. ст.), конечно, несправедливо. Считая, что прилет гуменников в 1927 г. был на две недели ранее обычного, таковой при нормальной весне все же начинается в середине мая (ст. ст.). Приблизительно в это же время или даже немного ранее, по данным Житкова,² происходит прилет гуменников на Ямале.

27 мая большое количество гуменников видал в болотистой низине р. Сармик-яга (близ Хассейн-то), куда гуси были привлечены оттаявшей землей. Сильные метели со снегом, которые захватили последние числа мая и первые июня, заставили гусей временно откочевать к югу и лишь после 5 июня они вновь в большом количестве появились в окрестностях Хассейн-то.

Первое время после прилета гуси наиболее охотно держатся в высокой тундре и по склонам материков, наиболее рано освобождающихся от снега. Но быстро идет весна, сгоняя снег, и уже в первых числах июня гуси пасутся в низинах и по северным склонам. В это же время к стаям гуменников нередко примешиваются белолобые казарки. Неоднократно приходилось наблюдать в это время игры гусей в воздухе, когда три птицы (очевидно два самца и одна самка), поднявшись вверх, начинали гоняться друг за другом, то падая вниз, то вновь поднимаясь.

В половине июня прошел валовой пролет, гусей стало значительно меньше и 16 июня я нашел первое гнездо с 6 яйцами, (самоеды же переда-

¹ А. Я. Тугаринов и С. А. Бутурлин. Материалы по птицам Енисейской губ.

² Б. М. Житков. Птицы полуострова Ямала.

вали мне, что нашли гнездо несколькими днями ранее). Большинство найденных мною гнезд помещалось в высокой, но заболоченной тундре, и лишь небольшой процент их находился в низинах. Обычно гнездо довольно примитивно по устройству, с малым количеством материала (трава, собственный пух с брюха), но хорошо замаскировано соседними кустарниками и травой. Наибольшее количество виденных мною в гнезде яиц было шесть. У гнезда обычно (по крайней мере первое время) сидят обе птицы, причем у самца имеется специальное хорошо заметное место рядом с самкой, и он, насколько я мог заметить, садится лишь на него. При приближении к гнезду, особенно при внезапном появлении, обе птицы опускают голову к земле и распластываются по ней, стараясь быть незамеченными.

В конце июня гуси начали сбиваться в стаи по 20—30 шт., уже собиравшиеся для линьки. На нижнем течении Юрибея, где по сообщению самоедов гуси линяют каждый год, 27 июля мы застали лишь следы линьки, самих же гусей не было. Все отмели были испещрены их следами и усыпаны перьями (главным образом маховыми), тут же нередко были следы песцов, очевидно охотившихся за линяющими птицами. Надо думать, что гуси или уже перелиняли или, услышав нашу лодку, успели уйти выше по реке. 11 августа начали попадаться уже летные, перелинявшие птицы, но еще 21 августа в месте слияния Большого и Малого Юрибея мы застали большое количество линявших по отмелям гуменников. При приближении лодки, часть их снималась и улетала, большинство же старалось вылезти на берег и спрятаться в траве или среди глыб торфа, в беспорядке заваливающего оползавший берег. Большое количество гусей, как гуменников, так и линяющих вместе с ними белолобых казарок (*Ans. albifrons*) истребляются самоедами при помощи неводоуловов и ставных сетей, куда линные птицы загоняются по воде. Вместе с линными старыми гусями нередко попадались и нелетные молодые.

В первых числах сентября начали попадаться первые пролетные стаи, а около 15 сентября шел валовой пролет. В это время гуси были очень сторожки и, кормясь главным образом по болотистым низинам, не подпускали ближе 200 м. У молодых в это время клюв был еще одноцветный, коричневатомышной, без признаков перевязи. К концу месяца, после сильных, холодных дождей, пролет почти кончился, и попадались одиночные отсталые экземпляры окончательно исчезнувшие на среднем течении Юрибея 30 сентября.

Anser albifrons albifrons Scop.

Самоедское название — сэнгры-епту

Белолобые казарки прилетели несколько позже, чем предыдущий вид гусей. Первых птиц я наблюдал на Хассейн-то 1 июня; птицы нередко

держались вместе с гуменниками в одной стае, и я не заметил особой разницы в выборе мест для пастыбы у указанных видов. 17 июня у Хассейн-то нашел первое гнездо с одним яйцом, построенное в материковой тундре под кустом ивы. Для гнездовья белолобая казарка больше, чем гуменник, придерживается высокой тундры, при условии близкого присутствия воды. Так же как и у предыдущего вида у гнезда сидят обе птицы и, вообще, повадки их весьма схожи. Хотя у Бирули¹ есть указание, что гуменники на Таймыре начинают линять несколько раньше других видов гусей, но по моим наблюдениям, сроки линьки белолобого гуся совпадают с линькой других гусей, и нередко среди стай линных гуменников попадались белолобые казарки. Осенний пролет у казарки начался в верховьях Юрибея несколько ранее, чем у гуменников, именно с 20-х чисел августа, и к последним числам месяца уже закончился.

Я не мог подметить разницы в распределении казарок и гуменников в пределах полуострова, не могли ничего сообщить мне в этом отношении и самоеды. По данным же Житкова, на Ямале в северных частях полуострова белолобые гуси более многочисленны, чем гуменники.

Branta ruficollis Pall.

Самоедское название — сяку

Подобно двум предыдущим видам гусей краснозобая казарка не представляет редкости в Гыданской тундре, но распространена значительно более спорадично. Особенно много казарок было встречено в типичной тундре по течению рр. Хассейн-то-сё и Ямбу-сё, где изрезанный рельеф местности с присутствием обрывистых берегов создает наиболее благоприятные для гнездовья условия. Севернее То-нгаева по Гыдаямской губе вид этот встречался значительно реже и вновь чаще стал попадаться при дальнейшем продвижении экспедиции по р. Юрибею на юг.

Первые прилетные птицы на Хассейн-то были замечены значительно позже других видов гусей — 14 июня. В большом количестве в это время они держались парочками и тройками на р. Хассейн-то-сё и в прибрежной высокой тундре. Низины, служащие излюбленными местами пребывания других видов гусей, ими почти не посещались; не менее значительные биологические отличия этой казарки заключались еще в том, что, потревоженная, она, улетаая, охотно садилась на воду, что почти не делают другие гуси.

22 июня, после долгих поисков, я нашел наконец гнездовье этой казарки. Колония помещалась на высоком обрывистом и сильно размытом

¹ А. А. Бируля. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири. Записки Акад. Наук, 1907

поперечными к руслу, оврагами берегу Хассейн-то-сё. Первую казарку я выпугнул с самого края одного из таких перпендикулярных овражков; здесь и помещалось ее гнездо. Птица, вылетевшая из-под ног, с криком улетела на реку, где уже плавали несколько казарок, очевидно еще ранее слетевших с гнезд этой же колонии. На другом берегу оврага, также на краю склона, помещалось второе гнездо краснозобой казарки и в трех метрах от него на краю обрыва гнездо *Falco peregrinus* (с тремя яйцами). Обыскав этот яр, я на склоне его в тех местах, где оползавшая почва образовала уступы, нашел еще 4 гнезда *Branta ruficollis*. Вся, весьма компактная, колония занимала сравнительно небольшую площадь, линейное расстояние которой по берегу реки равнялось 60—70 м. Гнезда без определенного порядка размещались как на берегу оврага, так и по уступам склонов. Некоторые из них были сделаны из травы и обильно выстланы пухом, так что сверху казались кучей пуха, внутри которой лежали яйца. Другие же, наоборот представляли простую ямку в земле, лишь слегка выстланную травой, или даже вовсе без строительных материалов. Гнезда последнего типа чаще помещались на склонах яра. Почти во всех гнездах были уже яйца (4—5 шт.) и лишь в некоторых они были обнаружены через несколько дней после первоначального визита. Яйца грязнозеленоватого цвета, почти правильной продолговатой формы без резкой разницы на полюсах. Особой закономерности в размещении яиц в гнезде, столь характерной для некоторых видов птиц (кулики, ржанки), я подметить не мог. Хорошо заметного места самца рядом с гнездом у краснозобых казарок нет; из гнезда я спугивал лишь одиночных птиц (♂), самец же обычно или плавал на реке или пасся неподалеку от гнезда в прибрежной тундре. Поднятая с гнезда казарка обычно улетала на реку.

Наблюдая за колонией в течение недели, я был свидетелем любопытного случая с одним из гнезд. Придя к нему 25 июня, я увидел, что гнездо сверху забросано сухой прошлогодней травой, приподняв которую можно было видеть сохранные и в порядке лежащие яйца. При моем посещении гнезда на другой день, птица сидела в нем и травы не было. Гнездо это помещалось на голом выступе оползня, представляло простую ямку без всякого строительного материала, и яйца в нем были хорошо заметны. Возможно, что это обстоятельство заставляло казарку, подобно куропаткам *Perdix perdix*, маскировать его на время отсутствия. Подобное явление описывает Бируля для *Branta bernicla* на Таймырском полуострове.

Вторая найденная мною колония, мало отличная по своему устройству, помещалась на берегу р. Ямбу-сё и, как и в первом случае, наряду с гнездами краснозобой казарки в ней находилось одно гнездо сапсана.

Факты аналогичного симбиоза сапсана и других видов гусиных отмечены А. А. Бирулей в Прианской тундре. Упоминает о нем со слов самоедов на Ямале и Житков (л. с., стр. 325). Факт этот чрезвычайно любопытный

и мало понятный. Какие же причины заставляют казарку гнездиться рядом с таким опасным соседом, как сапсан? Бируля в указанном месте высказал мысль, по которой беззащитные пластинчатоклювые гнездятся рядом с сапсаном из расчета, что последний защищая от песцов и прочих хищников свое гнездо, тем самым защищает и соседние гнезда казарок и уток. Догадка на мой взгляд вполне справедливая, и замечание Бутурлина и Тугаринова (1911) о том, что если даже дело действительно обстоит так, то подобное безболезненное сожительство длится лишь до той поры,

Фиг. 7. Гнездо *Branta ruficollis* Pall. на краю материкового берега р. Хассейн-то-сё близ выхода ее у оз. Хассейн-то. 23 VI 1927.

пока у сапсана нет птенцов и ему не нужно большого количества корма, неосновательно, о чем сужу я по следующим наблюдениям. 30 июня в нижнем течении р. Хассейн-то-сё на одном из яров я нашел гнездо сапсана, внизу же яра на отмели реки сидела стая (15—20 шт.) *Branta ruficollis*. Думая, что, как и в предыдущих случаях, я имею дело с гнездовой колонией этой казарки, я тщательно обыскал весь яр, но ни одного гнезда не было обнаружено. Это обстоятельство заставило меня задуматься, и после долгого и внимательного наблюдения, по поведению казарок и нескольким брошенным маховым перьям, я убедился, что казарки собрались сюда на отмели не для гнездовья, а для линьки. Ища подтверждений своим догадкам у таких знатоков животной жизни тундры как самоеды, я узнал, что действительно у этого яра ежегодно линяют краснозобые казарки, отчего

и яр этот называется „Сяку-надо“, что значит „яр краснозобых казарок“. Не менее регулярно гнездится в этом месте и сапсан. Если принять во внимание, что линька казарок по срокам как раз совпадает с временем вывода птенцов у сапсана, то станет очевидным, что и в это время, когда сапсану нужен максимум корма, он не трогает, ищущих у его гнезда покровительства, беззащитных гусей. Это обстоятельство становится отчасти понятным, если вспомнить, как редко берет сапсан свою добычу с земли или воды, и что линные пластинчатоклювые таким образом в значительной степени гарантированы от сапсана, если бы последний даже и имел поползновение воспользоваться ими. Наблюдая за гнездами сапсанов, я неоднократно находил целые склады остатков пищи, состоявших главным образом из голов и крыльев турухтанов и других крупных куликов и куропаток, и ни разу не нашел ни малейшего следа убитой казарки.

Большое количество стай этой казарки, собравшихся для линьки, я видал 8 июля в дельте Хассейн-то-сё. В середине августа (18) в нижнем течении Юрибея встречались стаи хорошо летных, очевидно уже перелинявших казарок, но еще в конце августа наблюдались отдельные экземпляры в состоянии интенсивной линьки.

Осенний отлет начался в верховья Юрибея в 10-х числах сентября, когда часто можно было наблюдать стаи, сидящие на отмели реки, реже в болотистых низинах. Пролет длился до конца сентября, и последние стаи наблюдались в среднем течении Юрибея 26 сентября.

Branta bernicla L.

Мною не встречен этот вид, и лишь по рассказам самоедов я мог установить, что черная казарка изредка залетает летом к устью Юрибея. Коренная же область гнездовья ее лежит севернее 71° с. ш., уже в полосе арктической тундры, южную границу которой и можно считать южной границей гнездовья этого вида.

На Енисее Тугариновым и Бутурлиным найдена на реке Глубокой и островах Насоновских. На Ямале южная граница распространения этого вида проходит несколько южнее, по определению Житкова приблизительно по 70° с. ш.

Cygnus bewicki bewicki Jarr.

Первых прилетных лебедей мы наблюдали 22 мая в тундре неподалеку от фактории Дерябино. Парами и одиночными экземплярами птицы держались по небольшим озеркам, никогда не образуя даже маленьких стай. 14 июля самоеды близ Хассейн-то нашли гнездо этого лебедя с одним яйцом.

Далее к северу лебеди в ограниченном количестве встречались до устья Юрибея, где 2 августа на озере долины реки были обнаружены уже

летные молодые, державшиеся со стариками. Интенсивного осеннего пролета на Юрибее заметно не было. Единственную и последнюю стаю в 5 штук видал на среднем течении этой реки 26 сентября.

Dafila acuta L.

На гнездовьях этот вид в Гыданской тундре не найден, на пролете же в небольшом количестве шилохвостка наблюдалась в первых числах июня на Хассейн-то. В окрестностях Гыдаямской губы шилохвостка была встречена у устья Нейте-яга ($71^{\circ} 30'$ с. ш.) 9 августа. Интенсивный осенний пролет наблюдался в верховьях Юрибея с 20-х чисел августа до половины сентября.

На Енисее она гнездится до $72^{\circ} 30'$ (Тугаринов), западнее исследуемого района, на Ямале, (Житков) до 71 параллели. Более обыкновенен этот вид в лесотундре, напр. у устья Тава (Кольс).

Marila marila L.

Самоедское название — ня'бы

Ни на Енисейском заливе, ни на Хассейн-то во время пролета этот вид не встречен. Впервые морскую чернеть я нашел 9 июля близ То-нгаева, где парочка (♂ и ♀) держалась на небольшом озерке. Севернее одиночные экземпляры очевидно гнездящихся уток я встретил на р. Ёре-яга. Осенний пролет на Юрибее наблюдался в половине сентября.

Clangula clangula L.

Мною не добыт этот вид, и внести его определенно в список встреченных птиц не могу. 13 июля на одном из протоков оз. То-нгаева видел стайку в 10—15 шт. уток, принятых мною издали за гоголей. На Енисее найден до полярного круга (Тугаринов), но вероятно гнездится и севернее.

Harelda glacialis L.

Самоедское название — игангу

Авлейка самая обыкновенная из уток, встречающихся на Гыданском полуострове, мною она встречена на протяжении всего летнего маршрута гнездящейся по болотистым низинам.

Первые авлейки появились на Хассейн-то 9 июня, на Енисейском же заливе у Дерябино были замечены неделей ранее. К середине июня авлеек стало так много, что на каждой небольшой лужице-озерке можно было встретить эту утку и услышать ее своеобразный заунывный крик. На

оз. То-нгаева, куда мы приехали 13 июля, количество селезней заметно уменьшилось; очевидно у них началась линька. Линные самки начали мне попадаться на нижнем Юрибее с 10-х чисел августа. Утки линяли в долине реки на малодоступных озерах с заболоченными берегами и значительно реже на самой реке. В конце августа начали попадаться уже перелинявшие птицы и в первых числах сентября начался пролет, длившийся до конца месяца, хотя отдельные, очевидно отставшие экземпляры были видимы изредка до первых чисел октября.

За время пребывания авлеек в тундре мне ни разу не пришлось видеть самцов в белом наряде, и перелинявшие осенью птицы также имели темное перо. Не знают белого наряда у авлеек и самоеды. Все это говорит за то, что белый наряд селезни этого вида несут не в гнездовый и брачный период, а очевидно во время зимовки.

Somateria spectabilis L.

Самоедское название — и'армоты

Первые гаги были замечены 19 июня у выхода р. Хассейн-то-сё из озера, где они держались небольшими стайками по 4—5 шт.; обычно в стайке было 1—2 самки, а остальные селезни. На губе гаг я не встретил, и лишь при повороте на Юрибей они вновь начали попадаться, хотя, без сомнения, вид этот в пределах полуострова распространен и севернее.

Не раз мне приходилось слышать от самоедов, что гаги на зиму остаются в прибрежных районах Ледовитого моря в тех местах, где есть свободные незамерзающие пространства.

Mergus serrator L.

Самоедское название — х'алынгат

Каких-то крохалей видал я в середине мая близ Хассейн-то, но добыть их мне не удалось. В нижнем течении Хассейн-то-сё я вновь встретил этих птиц, принятых мною за указанный вид. По рассказам самоедов, оба вида [*M. serrator* и *M. merganser* (?)] — встречаются в окрестностях р. Юрибея.

Lagopus lagopus koreni Thayer et Bangs

Самоедское название — неру-хонче

Белые куропатки Гыданского полуострова и прилегающих частей лесной области не несут сколько-нибудь заметных отличий от *Lagopus lagopus* L. из других районов северной Сибири (за исключением Камчатки и Сахалина). При определении этого вида я пользовался недавно вышедшей

работой Серебровского,¹ посвященной систематическому обзору *L. lagopus*. Считаю нужным указать, что основной диагностический признак, указанный авторами этого подвида, как показали исследования Серебровского (в чем я убедился, просмотрев коллекции Зоологического музея Академии Наук и сравнив с ними свои сборы), величина клюва у *L. lagopus koreni* большая, чем у *L. l. lagopus*, не соответствует действительности. Из 27 куропаток из районов низовьев Оби, Таза и Енисея длина клюва (в мм) от позрею колеблется от 10 до 13 (лишь у одного экземпляра № 140 ♂, устье Юрибея 29 VII 1927 она равняется 14), у типичных *L. lagopus* и лапландских *L. l. kapustini* Sserebr. — 10—12.9. Действительным же отличительным признаком этого подвида является: по сравнению с *L. lagopus rossicus* Sserebr. более темная с меньшим присутствием желтых тонов окраска верха; по сравнению с лапландскими и шведскими — более сильное развитие наружных каемок верхних кроющих спины, у этого подвида почти белых, и значительно более светлая окраска головы и шеи у ♂ в брачном наряде.

Белые куропатки наиболее обычный и широко распространенный вид, встреченный мною во время путешествия. В большом количестве попадались они от лесной полосы до северной границы типичной тундры (71°). Северней указанной широты *Lagopus lagopus*, хотя и есть, но встречается крайне редко, а в местах, лишенных кустарника, что весьма характерно для арктической тундры, отсутствует почти вовсе. Приблизительно аналогичное указание о распространении этого вида делают Бутурлин и Тугаринов для Приенисейской тундры и Житков для Ямала. На Таймыре Миддендорфом прослежена несколько севернее, именно до 72°30'.

В лесной полосе куропатка наиболее часто попадалась по сфагновым болотам и смешанным лесам, избегая чисто хвойной тяги. После морозов и, особенно, снежных бурянов нередко в таких местах приходилось поднимать большие стаи, сидевшие в снежных норах, причем таковые зачастую с поверхности бывают вовсе незаметны или же имеют маленькие (5—10 см в диаметре) отдушины. В тундре распространение этого вида более спорадично, и на некоторых водораздельных пространствах пустынного характера почти лишенных кустарников (напр., Сыгдар-яга — Луцымпя-яга) куропатки отсутствуют.

С конца апреля у верхнего течения р. Танам начали попадаться самцы с первыми признаками весенней линьки в виде отдельных темных перьев на шее и голове. В это же время самцы начали токовать; спугнутые они прежде чем сесть, поднимались высоко в воздух и, подняв и распушив хвост, с характерным криком отвесно спускались на снег. В начале мая

¹ P. Sserebrovsky. Neue Formen des Moorschneehuhnes. Journal für Ornithologie, LXXIV, Heft 3, 1926.

ток шел полным ходом и круглые сутки был слышен крик самцов, ухаживающих за самками. Подлетев, обычно с характерным взлетом вверх, к одиночной сидящей самке метров на 10, распушив несколько хвост и опустив крылья (как это делает тетерев), самец начинал медленно подходить к ней, раскачивая в это время головой. Больших сборищ *Lagopus lagopus* на току я в тундре не наблюдал, и обычно к самочке подлетало 2—3 петуха.

9 мая на р. Салпода-яга (70°11') у убитой самочки среди верхних кроющих крыла обнаружено одно темное перо. Самцы же в это время

Фиг. 8. Гнездо белой куропатки *Lagopus lagopus koreni* Tayer et Bangs.

имели полный брачный наряд, и testicula их достигали величины 10—15 мм (в длину). К середине мая близ Дерябина куропатки разбились на пары, и самочки в это время ходили в пегом наряде. В этот период самец чрезвычайно привязан к самке. На Хассейн-то, подходя к сидящей парочке, я поднял первым самца, который, отлетев шагов на 20, опустился на землю; через несколько минут, видя, что самочка продолжает сидеть, он забеспокоился и стал подбегать обратно к ней, т. е. навстречу мне, и только тогда, когда снялась самочка, улетел вместе с ней. Долгое время, когда самочка сядет на яйца, самец еще держится вместе с ней около гнезда, щеголяя своим нелепым белым нарядом. Только с начала июля самцы начали линять в летний наряд, уединившись для этого в густые ивовые заросли.

Гнезда куропаток встречались в самых разнообразных условиях, в кустарниковых зарослях низины, в голой материковой тундре, и одно

гнездо было найдено 14 июля близ То-нгаева в мокром заросшем осокой болоте. Самочка очень крепко сидит на гнезде; однажды подойдя к уже известному мне гнезду я наблюдал как птица, подпустившая меня буквально на 0.5 м, вся распластавшись по земле, настолько хорошо маскировалась окружающим тоном местности, что некоторое время я не был уверен, что действительно вижу ее.

Пуховые птенцы впервые были найдены у берега Гыдаямской губы под широтой 70° с. ш. 18 июля; таких же птенцов я находил и до конца месяца. В это время у самцов, а также и у самок, начали постепенно появляться новые зимние, белые перья, правда, долгое время скрытые старым, летним нарядом.

Выводки держались исключительно по долинным зарослям ивы и березки, не спускаясь в заболоченные низины. К концу августа молодые достигли величины матки, самцы же в это время держались отдельно, собираясь в небольшие, штук по 5—8 стайки, среди которых маток я не заметил. К началу сентября выводки еще не разбились, но изменили место своего обитания. Главная масса их теперь держалась в болотистых низинах, подчас значительно увлажненных, наоборот, в материковых кустарниках и в сухих оврагах куропаток почти не было. Интересуясь причиной такой перемены, я обратился к анализу желудков, которые показали, что в летнее время пищу куропаток составляют главным образом луковички *Polygonum viviparum*, отчасти листья *Salix lanata*, *S. taimyrensis*, *S. reptans*. К указанному времени, как луковички *Polygonum*, так и листья ивы на материках облетели, в низинных же ассоциациях, которые имеют более длинный вегетационный период, они сохраняются значительно дольше. Это обстоятельство надо думать и привлекает сюда куропаток. И действительно в это время в желудках я не находил луковичек *Polygonum viviparum*, бывших в летнее время излюбленной пищей, а таковая состояла почти исключительно из листьев *Salix reptans*, *S. glauca*, *S. taimyrensis*, почек тех же видов и луковичек *Saxifraga cernua*.

На Юрибее в середине сентября птицы уже значительно побелели, но продолжали держаться выводками, и лишь к началу октября начали попадаться стаи по 30—40 штук. Птиц с отдельными темными перьями я встречал на Юрибее до конца ноября. Через некоторое время после выпадения снега куропатки опять переместились из болотистых низин на материк в большие кустарниковые заросли. Пищу их в это время составляли почки *S. taimyrensis*, *S. reptans* и теперь толстый местами снеговой покров, закрывавший в низинах кусты, заставил птиц перебраться к материкам, где при снеге они имели возможность доставать почки и с высоких кустов, ранее им менее доступных.

Южнее Юрибея на водораздельных пространствах между бассейнами Гыдаямской губы и Енисея (р. Танам), вследствие бедности раститель-

ности, белых куропаток почти не было, и вновь они начали попадаться лишь у р. Янгюра-яга, где появились высокие поросли ивы.

Lagopus mutus pleskei Sserebr.

Самоедское название — хóлу-хóиче

Тундряных куропаток, населяющих север Сибири, до сего времени гадательно, и как оказалось, совершенно неосновательно относили (Бутурлин, 1911, Шостак, 1921)¹ к американскому подвиду *rupestris* Gm. По последним изысканиям Серебровского² оказалось, что *L. mutus*, населяющие всю северную тундряную зону Сибири, заметно отличаются, с одной стороны, от *L. m. rupestris* Gm., с другой — не менее резко и от *L. mutus mutus* Mont. населяющих Швецию, Норвегию и Лапландию. Северносибирские *L. mutus*, населяющие пространство от Енисея на восток до Чукотского полуострова, выделяются им в новый подвид *L. mutus pleskei*, характеризующийся почти полным отсутствием желтых тонов, характерных для *L. m. rupestris*, и значительной редукцией черных пятен на спине.

Единственный летний экземпляр моих сборов обладает указанными признаками, на основании чего я и отношу его к этому подвиду. Нахождение *L. mutus pleskei* в западной Сибири представляет некоторый интерес в связи с тем обстоятельством, что на северном Урале обитает *L. m. rupestris*, неотличимая от тундряных куропаток с Аляски (Серебровский, 1. с. стр. 694), и таким образом у последнего подвида получается разорванный ареал.

Распространение тундряной куропатки в пределах полуострова весьма отлично от предыдущего вида. Зимой первых птиц я встретил 4 апреля на р. Пято-яга (68°), самоеды же передавали мне, что в снежные зимы этот вид спускается на юг до Сидоровской пристани на Тазу. В зимнее время разницы в местах обитания у обоих видов куропаток нет, и севернее указанного места в этот период из одних и тех же кустов я поднимал обычно как белых куропаток, так и тундряных. Многочисленен был этот вид в начале мая близ р. Танам, где птицы интенсивно токовали.

Последних куропаток я наблюдал весной близ оз. Хассейн-то 13 мая. Приехав же туда вновь через две недели, я не мог их обнаружить несмотря на тщательные поиски в течение месяца весенней стоянки. Не было тундряных куропаток далее по маршруту до устья Юрибея, где 7 августа в кустарниковых зарослях долины вновь, впервые после летнего перерыва я поднял двух птиц. Севернее указанного места, следовательно

¹ Шостак, Вестн. Томск. Орнит. о-ва, кн. I, 1922.

² P. Sserebrovsky. Uebersicht der in Russland vorkommenden Formen von *Lagopus mutus*. Mont. Journal für Ornithologie, LXXIV, Heft 4, S. 696, 1926.

в полосе арктической тундры, этот вид куропатки, как удалось выяснить опросом самоедов и наблюдениями топографа экспедиции В. М. Бизина, встречается обыкновенно и численно доминирует над куропаткой белой. По моему мнению, 71 параллель в Гыданской тундре и нужно считать южной границей летнего ареала его обитания. В зимнее же время и в периоды переходные к нему вид этот, как мы видели, спускается до лесной полосы. Так осенью уже 13 ноября небольшую стайку тундряных куропаток мы встретили близ р. Пекланто-сё (70°30').

Что касается сроков весенней линьки, то по моим наблюдениям у самочки тундряной куропатки она начинается несколько ранее белой; так у птицы, убитой 24 апреля на р. Месо, среди перьев боков шеи наблюдались несколько темных летних; у белой же куропатки первые подобные признаки были замечены лишь 9 мая. За все время мне не удалось видеть весной самца *L. mutus* в наряде аналогичном брачному перу *L. lagopus*. Самец лишь очень долго ходит в чисто белом оперении; еще 13 мая у убитой птицы не было никаких следов весенней линьки. Это явление было также отмечено Миддендорфом для куропаток Таймыра и Житковым для куропаток Ямала.

Charadrius dominicus fulvus Gmel.

Самоедское название — явы-тюлисёй (низинный тулес)

Один из обыкновенных видов ржанок, встреченных на полуострове. Первые птицы появились на Хассейн-то 13 июня, и вскоре же после прилета можно было наблюдать токовавших на полете самцов. 4 июля в нижнем течении Хассейн-то-сё было найдено гнездо с четырьмя яйцами. Обе державшиеся у гнезда птицы, с жалобным криком перелетая с кочки на кочку и порой весьма искусно имитируя раненую, старались отвести человека от гнезда.

В половине августа на Юрибее наблюдались летные молодые, а в конце месяца ржанки уже отлетели к югу.

Charadrius squatarola squatarola L.

Самоедское название — хой-тюлисёй

В отличие от предыдущего вида, держащегося и гнездящегося обычно в низинной тундре, тулес предпочтительно выбирает высокие сухие участки, хотя в незначительном количестве держится и в низинах. Недаром и самоеды зовут его „хой-тюлисёй“ (хой — высокое место, водораздел), что значит „тулес высоких, сухих мест“.

На Хассейн-то этот вид появился несколькими днями позже предыдущего; численностью и распространением заметно от него не отличался.

Фиг. 9. Гнездо рисанки *Charadrius dominicus fulvus* Gmel.

Фиг. 10. Гнездо тулеса *Charadrius squatarola* L.

Charadrius hiaticula tundrae Lowe.

Самоедское название — хайвó-сармик.

Встречен реже предыдущих видов ржанок. Спорадически я находил его гнездящимся на вершинах материков до устья Юрибея. Первые галстучники появились у Хассейн-то 9 июня, где держались обычно парами;

Фиг. 11. Гнездо галстучника *Charadrius hiaticula tundrae* Lowe.

10 июля близ То-нгаева было найдено гнездо с четырьмя насиженными яйцами, около которого держались обе птицы.

Tringa alpina alpina L.

Самоедское название — ййвары

Чернозобик сразу в большом количестве появился у оз. Хассейн-то 3 июня; приблизительно в это же время он прилетает и на Ямал (Житков). Первое время небольшими стайками совместно с другими куликами он держался по оттаявшим болотистым материкам, но уже через несколько дней после прилета разбился на пары. В окрестностях лагеря почти круглые сутки были слышны его мелодичные трели и нередко можно было видеть и самую птичку, сидящую где-либо на кочке или поднимающуюся вверх с своей песней.

20 июня у Хассейн-то было найдено первое гнездо с пятью насиженными яйцами. Гнезда обычно помещались в высокой тундре под кустиком *Betula nana* или под кочкой *Eriophorum vaginatum*. Птички очень привязчивы к гнезду и, зачастую комично подражая раненой, они усиленно стараются отвести человека от своих гнезд или выводков. Последние появились в окрестностях губы под 70°30' с. ш. 16 июля.

Осенний пролет наблюдался на Юрибее в половине сентября и окончился к 20-му числу.

Tringa minuta Leisl.

Самоедское название — сяг-чаку.

Кулик воробей один из наиболее обыкновенных видов куликов, встреченных в Гыданской тундре по всему летнему маршруту. Первые появились у Хассейн-то 7 июня и спустя несколько дней начали токовать, поразительно напоминая при этом порхающую бабочку. Характерно трепетать крыльшками этот куличек не перестает и в момент совокупления с самкой.

Оживленный ток наблюдался на р. Хассейн-то-сё до первых чисел июля. Гнездится куличек воробей, как справедливо указали Тугаринов и Бутурлин,¹ на сухих местах, нередко устраивая гнезда среди кустиков *Betula nana*. В найденных мною гнездах, первое из которых я обнаружил близ Хассейн-то 16 июня, в постройке их, помимо мха, в значительном количестве участвовала сухая трава (стебли *Eriophorum* и некоторых злаков), что противоречит наблюдению названных авторов, указывающих, что гнездо куличка воробья представляет лишь простое углубление во мху.

Одна из наиболее характерных черт этой птички — это сильная привязанность к гнезду и почти полная безбоязненность человека в гнездовой период. Часто при приближении к гнезду птичка вылетала буквально из под ног и, отбежав на несколько шагов, начинала затем, комично распутив хвост и крылья, наскакивать на человека, желая очевидно отпугнуть его от гнезда. Поплясав так несколько минут, при условии если человек стоит неподвижно, она вновь садилась на гнездо, все время поглядывая на него одним глазом.

В половине августа наблюдался пролет этих куликов на Юрибее, откуда последние птицы исчезли 17 сентября.

Tringa temmincki Leisl.

Встречен лишь по берегу Гыдаямской губы под 71° и севернее, в значительно меньшем количестве, чем предыдущий вид. Хотя Житков (Птицы

¹ L., 1911.

Ямала) и пишет, что кулика воробья и белохвостого песочника трудно отличить по повадкам, но мне кажется, что даже по одному крику, который у *T. temmincki* значительно нежнее и выше, по более осторожным повадкам последнего, они достаточно наглядно даже на значительном расстоянии отличаются друг от друга.

Осенний пролет их на Юрибее совпал с таковым же у куличка воробья.

Tringa ferruginea Brün.

Самоедское название — яй-(в)о-тáк

Единственный встреченный экземпляр этого вида был добыт 9 июля на болоте близ оз. То-нгаева. Нигде в других местах мне не приходилось видеть куликов, которых я мог бы принять за краснозобика.

Западнее исследованного мною района этот кулик был найден Шостаком¹ на мысе Круглом Обско-Тазовского полуострова, Житковым же на Ямале не обнаружен.

Phalaropus lobatus L.

Первые плавунчики появились у Хассейн-то 10 июня и в короткое время в большом количестве наводнили мелкие озера окрестностей лагеря. По всему летнему маршруту этот вид встречался обычно и по своим повадкам был одной из наиболее доверчивых птиц. 13 июля на низинном болоте, в значительном расстоянии от воды, был найден выводок, состоящий из четырех пуховых птенцов. Мать, с беспокойным криком вертевшаяся около них, через некоторое время опустила почти буквально около наших ног, где сидели два птенца. Последние, попискивая, полезли под нее и заботливая мамаша, нервничая и все время зорко наблюдая за нами, прикрыла их собой, немного распутив для этого крылья. Вскоре на писк подковыляли и два других птенца, также убравшиеся под прикрытые родительницы.

Далее по маршруту этот кулик встречен был в ограниченном количестве, и лишь в начале августа большие стаи пролетных плавунчиков наблюдались на Юрибее, откуда окончательно они исчезли 27 августа.

Machetes pugnax L.

Самоедское название — лурце

5 мая на Хассейн-то впервые появились небольшие стаи турухтана, а 5 июля в долине Хассейн-то-сё была встречена гнездящаяся самка. 9 августа на нижнем Юрибее появились большие пролетные стаи, держав-

¹ Шостак, Вестник Томского Орнитологического о-ва, 1921, кн. 1.

шиеся до конца августа. На этот же срок, по наблюдению Тугаринова, приходится осенний пролет турухтанов на Енисее.

Gallinago gallinago L.

Северная граница распространения бекаса в центральной и западной Сибири до сего времени не может считаться выясненной. Наиболее северные пункты нахождения его, идя с запада на восток, будут следующие. На Ямале единственный экземпляр был добыт Житковым¹ в верховьях р. Хадыте (67°30') на северной границе древесной растительности. На Обско-Тазовском полуострове Шостак² нашел бекаса в небольшом количестве близ мыса Круглого (под 69°). Seebohm³ насиженную кладку яиц обнаружил на Енисее между 67 и 68° северной широты, Шмидтом⁴ же был застрелен очевидно гнездящийся бекас в окрестностях Толстого Носа на Енисее в начале июня (ст.ст.) приблизительно под 71°. Наконец, в наиболее восточной части интересующего нас района — на Таймыре — Миддендорфом⁵ этот вид был прослежен до Боганиды (70°). Таким образом лишь два указания говорят о нахождении бекаса в тундре, притом в наиболее южных частях ее.

Мною лично бекас не добыт, но 2 и 3 июля на вечерних зарях я и некоторые мои спутники в среднем течении Хассейн-то-сё (под 71°) несколько раз явственно слышали бляение бекаса. В других местах никаких признаков присутствия этого вида мною не обнаружено. Это указание, если бекас здесь будет добыт, явится наиболее северным не в смысле абсолютных цифр широты, а в смысле географических зон, так как последнее на Гыданском полуострове, по сравнению с Таймыром и даже с долиной Енисея, отодвигаются значительно к югу.

Larus affinis antelius Ired.

Самоедское название — халёу

По темной окраске верха и слабому развитию светлого на внутренних опахалах махов экземпляры, собранные мною в Гыданской тундре, должны быть отнесены к темной западносибирской форме *L. aff. antelius* Ired. Наиболее темный экземпляр *L. affinis taimyrensis* But. с Енисея

¹ Б. Житков. Птицы полуострова Ямала.

² Шостак. Материалы к изучению авифауны Обско-Тазовского полуострова. Вестн. Томск. орнит. о-ва, кн. 1, 1921 г.

³ А. Тугаринов и С. Бутурлин. Материалы по птицам Енисейской губ.

⁴ F. Schmidt. Resultate der Mamuthexpedition.

⁵ A. Middendorf. Sibirische Reise. Säugethiere, Vögel.

Труды Полярн. Ком., в. IV.

(21 VII 1928, уст. Глубокой, Тугаринов, колл. Зоол. Муз. Акад. Наук) все же светлее моих хохотуний.

Хохотунья обычная птица для всего полуострова, хотя держится предпочтительно в смежных с Гыдаямской губой местах. Первые птицы были замечены на Енисейском заливе у Дерябино 22 мая. В глубине тундры они появились несколько позже, и лишь 29 мая я видал первую одиночную птицу близ Хассейн-то. Весной чайки были обычными гостями нашего лагеря, привлеченные сюда выброшенными мною отпрепарированными тушами птиц и зверей.

Найти гнездовье этой чайки мне удалось лишь после вывода молодых именно в конце августа. В топкой низине нижнего Юрибея, на островах и берегах сети небольших озер, было обнаружено значительное количество свежих гнезд, птенцы из которых уже вылетели, и над колонией летало лишь несколько старых птиц. Вообще молодых в пятнистом переосенью встречалось мало, и я склонен допустить, что осенний отлет их или, возможно, частичное откочевывание, наступает несколько ранее, чем у старых птиц.

В начале сентября в верховьях Юрибея наблюдался интенсивный пролет, во время которого молодые попадались очень редко, за всю осень 4—5 экз. Птицы летели на восток, придерживаясь, очевидно, Юрибея. В середине сентября, когда они почти исчезали в верховьях этой реки, у устья наблюдались еще в значительном количестве. Последнюю хохотунью видел в среднем течении Юрибея 1 октября.

Larus glaucus Brün.

Самоедское название — яти-нён-ха́леу.

Лично мною этот вид не встречен; самоеды, которые хорошо знают бургомистра, сообщали, что в значительном количестве он встречается на побережье Ледовитого моря, редко залетая по губе на Юрибей.

Несколько раз слышал я, что бургомистр остается иногда на зиму в море, держась по свободным от льда поляньям.

Sterna paradisea Brün.

Первые птицы этого вида появились у Хассейн-то 13 июня. Далее по маршруту они встречались спорадически и обычно значительными колониями; так напр., большую колонию встретил я на одном из озер, близ Гыдаямской губы под 71°. Севернее они не встречались и лишь 21 августа, поднимаясь по Юрибею, мы встретили несколько одиночных птиц. После этого случая я уже вовсе не встречал их.

Stercorarius pomarinus Temm.

Самоедское название — та́ева-ло́нга-харюхо́

Прилет больших поморников начался на Хассейн-то с последних чисел мая; 30 мая видел стаю в 10—15 штук, летевшую с востока на запад. В начале июня неоднократно приходилось наблюдать стайки и одиночные экземпляры поморников, тянувшихся в этом же направлении. Очевидно пролетный путь этого вида на Гыданском полуострове, как и у некоторых других птиц (напр., *L. affinis*), идет вначале по долине Енисея и его залива, а затем поворачивает перпендикулярно вглубь тундры.

До 20-х чисел июня птиц в окрестностях лагеря было очень много, но вскоре они начали исчезать, очевидно отлетая для гнездовья в более северные районы. Надо полагать, что область гнездовья этого вида лежит в северных частях полуострова; на такую же закономерность в распределении большого поморника в тундрах Ямала указал Житков, встретивший их главным образом севернее 71°. Действительно, после пролетных экземпляров на Хассейн-то я не встретил ни одного поморника этого вида вплоть до устья Юрибея, где они вновь появились в незначительном количестве. Это представление о распространении *Stercorarius pomarinus* совпадает и со сведениями, полученными мною от самоедов.

Вместе с чайками хохотуньями и другими поморниками эта птица была обычной гостьей нашего лагеря, исполняя обязанности санитаров, уничтожавших выбрасываемые отпрепарированные тушки. Поморники вели себя настолько бесцеремонно, что, спугнутые с падали подошедшим вплотную человеком, взлетали, делали над головой круг и вновь садились на падали. В драках, которые нередко можно было наблюдать, сидя в палатке преимущественно всегда имели большие поморники, и лишь в том случае когда прилетали хохотуньи, первые вели себя менее нахально.

В тундре, помимо сотоварищей по пиршеству, от них нередко достается также гнездам и выводкам водоплавающих птиц, на что не раз указывали и другие исследователи севера.

В половине августа на Юрибее поморники, после весьма слабо выраженного пролета, исчезли.

Stercorarius parasiticus L.

Самоедское название — та́ева-я́пты-харюхо́

Этот вид поморника появился в тундрах у Хассейн-то на две недели позже предыдущего вида, именно 15 июня. Численно на пролете эти поморники значительно уступали большому поморнику. Небольшое коли-

чество, очевидно гнездящихся птиц, о чем я заключил по их поведению, было встречено 6 июля на Хассейн-то-сё. Поморники совершали правильные перелеты из тундры в кустарниковую низину, где, низко пролетая над кустами, они выскивали леммингов и гнезда мелких птиц. Через некоторое время, поймав что-то, птицы тем же путем возвращались обратно. Очевидно неподалеку было их гнездовье. К сожалению, кратковременность остановки не позволила мне найти таковое. Всюду к северу этот вид поморника попадался в небольшом количестве. 5 сентября у устья Юрибея наблюдались последние пролетные поморники этого вида.

Stercorarius crepidatus Bangs.

Самоедское название — сэнгу-харюхó

Короткохвостый поморник встречается наиболее редко из всех трех видов, обитающих в Гыданской тундре. У Хассейн-то первые одиночные пролетные экземпляры наблюдались 17 июня; далее они встречались редко и всюду в небольшом количестве.

Несмотря на свою маленькую величину, этот поморник, воспользовавшись случаем, нападает на гнезда таких крупных птиц, как гуси. Однажды я застрелил двух снявшихся с гнезда *Ans. albifrons*, из которых один упал в нескольких шагах, другой же успел отлететь метров на 40. Пока я ходил за последней птицей, откуда-то на выстрел прилетел поморник, который за время моего отсутствия (3—4 мин.) успел разбить и выпить находящиеся в гнезде яйца. Вспугнутый мною поморник все же не хотел расстаться с добычей и долгое время кружился над гнездом.

Осенью небольшое количество, надо думать, пролетных птиц, летевших из глубины тундры к губе (с З на В), наблюдалось на Юрибее в половине августа.

Urinator (Colymbus) arcticus suschkini Zar.

Самоедское название — партэ-нюни (гагара с полосатой шеей)

Еще в 1897 г. Сушкин (Птицы Уфимской губ., стр. 7) указал, что птицы, гнездящиеся в Уфимской губ., мельче, чем севернорусские и обладают более коротким клювом. Позже (Птицы Средне-Киргизской степи 1908, стр. 94) те же отличия Сушкин указал для птиц, пролетающих близ верхнего течения Иргиза.

В 1912 г. Зарудный¹ по пролетным в русском Туркестане экземплярам (главным образом с нижнего течения Сыр-Дарьи) описал новый подвид чернозобой гагары, назвав его *Urinator arcticus suschkini* subsp. nov.

¹ Н. Зарудный, Орнит. Вестн., 1912, кн. 2, стр. 111.

отличающийся от западной типичной гагары *Urinator arcticus arcticus* L. светлым верхом головы, более широкими белыми полосами на спине и плечах и менее ясным пурпуровым блеском передней части шейки. Размеры новоописанной формы и длина клюва ее меньше, чем у типичной. То обстоятельство, что послужившие Зарудному для описания птицы были пролетными, не давало возможности первое время судить сколько-нибудь подробно об ее ареале. Но вскоре чернозобые гагары, найденные Сушкиным в Минусинском крае (Die Vögel fauna des Minussinsk Gebietes) на гнездовьях, были на основании меньшей величины и светлой окраски верха шеи отнесены уже к описанному подвиду *Ur. arcticus suschkini* Zar., там же есть указание о принадлежности к указанному подвиду птиц из Центрально-Киргизской степи и Уфимской губ.; таким образом некоторый материал об ареале распространения этой гагары к этому времени начал накапливаться.

В числе подвидов *Ur. arcticus*, принимаемых Хартертом (Vögel d. Palearctischen Fauna) приводится и *Ur. arct. suschkini*, для которого указан следующий ареал: Монголия (Кобдо), Томск, Уфимская губ., Оренбургская губ., Киргизская степь, западная Сибирь до Енисея и, предположительно, Таймыр. Следовательно, определение собранных мною гагар представляло интерес в том отношении, что могло выяснить восточную границу распространения рассматриваемого подвида *Ur. arcticus*. Производя определение я попутно просмотрел всех гагар вида *Ur. arcticus* L., хранящихся в Зоологическом музее Академии Наук и в коллекции П. П. Сушкина, на основании чего пришел к следующему убеждению. В пределах Евразии обитают три ясно выраженных подвида.

Urinator arcticus arcticus L. (1758 Syst. Natur Ed. X, I, p. 135; terra tyrica — Швеция). Крупная форма, крыло 290—345, плюсна 73—88, клюв от ноздрей 44—52, клюв от оперения 58—68 (по Хартеру до 70); верх головы и шеи темный, пепельносерый, основание перьев в этих частях обычно с сильным коричневатым оттенком, плечевые белые полосы развиты слабо, длина их 72—104. Населяет западную Европу, север Европейской части Союза на восток до Урала, Московскую губ., Нижегородскую губ.; в Уфимской губ. встречаются формы переходные к следующему подвиду.

Urinator arcticus suschkini Zar. (1912. Орнит. Вестн., кн. 2, стр. 111. Пролетные экземпляры из русского Туркестана). Отлична от типичной мелкими размерами: крыло 292—325, плюсна 70—80, клюв от оперения 48—60, клюв от ноздрей 38—40; верх головы и шеи светлее, чем у типичной, хотя у некоторых птиц, напр., с нижней Оби, признак этот выражен недостаточно ясно: основание перьев в этих местах как правило без коричневатого оттенка, плечевые белые полосы развиты значительно сильнее, длина их 100—131, признак этот и без промеров виден достаточно наглядно.

Что касается приводимого Зарудным, Сушкиным и Хартертом признака, — пурпурового оттенка на шейке, то я не мог у названных форм подметить сколько-нибудь заметного отличия, и мне кажется, что он зависит от степени изношенности пера. Ареал этого подвида, начинаясь на юго-западе с Уфимской губ. (где, как сказано выше, встречается и *Ur. arcticus arcticus* L.) идет к югу, захватывая окрестности г. Тургая, далее к северу бассейн р. Тобола, западную Сибирь, Минусинский край, северозападную Монголию (Кобдо-Косогао), Иркутскую губ., Енисейскую губ., на восток почти до Лены. Наиболее восточное нахождение этого подвида на севере Сибири — р. Моньеро (Чекановский), а на северо-западе Сибири до Урала, Ямал (?) и Новая Земля, откуда в моем распоряжении было три экземпляра. Один экземпляр с Мурманского берега, добытый в мае (♂, Н. Смирнов), я склонен считать принадлежащим к subsp. *suschkini* добытому на пролете.

Urinator arcticus viridigularis Dwig. (1918 Auk. p. 198, terra typica — северовосточная Сибирь). Отлична от subsp. *arcticus* L. и *suschkini* Zar. ясным зеленым оттенком шейки; по величине клюва и прочим промерам тождественна с *Ur. arcticus arcticus* L. (по 6 экз., клюв от оперения 59—64, (по Хартерту до 69) клюв от ноздрей 42—50, плюс на 78—87 и крыло 300—325), плечевые полосы, выраженные хорошо, хотя в массе несколько слабее, чем у *Ur. arcticus suschkini* Zar. Наиболее западный известный мне пункт нахождения этого подвида — устье Лены (Романов), далее Колыма, Анадырь, где этот подвид встречается вместе с *Ur. pacificus* Lowe; по Хартерту — Камчатка, Сахалин и западная Аляска.

Таким образом чернозобая гагара Сушкина, ставшая впервые известна по пролетным в Туркестане экземплярам, как оказалось, занимает не только Киргизские степи, Алтай, северозападную Монголию и западную Сибирь, но и значительную часть центральной Сибири и Новую Землю. Упомянутая форма любопытна в том отношении, что лишний раз подтверждает положение о посветлении западносибирских подвигов по сравнению с европейскими и в некоторых случаях с восточносибирскими (Сушкин¹), причем в данном случае интересна следующая закономерность. Экземпляры с наиболее резко выраженными подвидовыми признаками *Ur. arcticus suschkini* находим в южной Сибири, Киргизских степях, Минусинском крае и на севере западной Сибири на восток до Енисея. Размеры этих птиц следующие: клюв от ноздрей 38—45, плюсна 70—80. На Енисее и далее на восток (включая и Иркутскую губ.) наблюдается постепенное изменение в сторону увеличения клюва и других промеров тела: клюв этих птиц от ноздрей 56—61, плюсна 73—80. По общей совокупности признаков

¹ П. П. Сушкин. Зоологические области средней Сибири. Бюл. Моск. о-ва испыт. природы, нов. сер., том XXXIV, 1925, стр. 59.

птицы эти все же принадлежат к подвиду *suschkini* Zar. Наконец, у птиц с Лены размеры клюва и тела возрастают до величины типичной *arcticus* L., с которой они сходны и темным верхом головы. Признак же сильно развитых плечевых белых полос остается как у западносибирского подвида. Кроме того появляется новый хорошо выраженный признак, отличающий эту гагару (*Ur. arct. viridigularis* Dwig.) от обоих предыдущих — ясный зеленый оттенок шейки.

Чернозобая гагара встречалась обыкновенно в типичной тундре, становясь значительно более редкой у 71°; подобное указание о широтном распространении этой гагары находим для Ямала (Житков) и для Енисея (Тугаринов и Бутурлин). Мне кажется, что северной границей массового распространения *Ur. arcticus* можно считать северную границу типичной тундры (на Гыданском полуострове приблизительно 71°), севернее которой она, если и заходит, то в весьма ограниченном количестве.

Весенние прилетные птицы появились у Хассейн-то в начале июня, приблизительно в одно время с *Ur. stellatus*. В окрестностях всего течения Хассейн-то-сё и То-нгаева гагары встречались в середине июля гнездящимися на озерах и старицах низинной тундры. В это время каждый вечер мы имели возможность слушать их концерты, которые лишь на большого любителя природы могут произвести положительное впечатление.

Осенью в середине августа гагары начали собираться в небольшие, штук по 6—7 стайки, готовясь к отлету. Одиночные пролетные экземпляры наблюдались на Юрибее до 23 сентября, приблизительно за неделю до замерзания озер.

Urinator (Colymbus) stellatus Pont.

Самоедское название — нюни

Встречена по всему летнему маршруту, причем более обыкновенна в северных частях полуострова. Весной на пролете в значительном количестве эта гагара встречена у Хассейн-то, где первые появились 9 июня. 19 июля близ Гыдаямской губы (под 71°) на берегу старицы было найдено гнездо с одним яйцом. Близ берега, но уже в воде возвышался небольшой искусно сделанный гагарой из водных растений и корней холмик, на вершину которого лежало яйцо. Птица (♀) была убита на гнезде, и когда часа через два я вновь вернулся к нему, то застал там самца, сидящего на яйце; надо думать, что высидывание яиц у этого вида производится совместно обеими птицами.

22 августа на Юрибее среди стаи линных гусей (*Melanonyx fabalis*, *Anser albifrons*) наблюдалось значительное количество этой гагары. Очевидно это были пролетные экземпляры, так как в начале сентября уже

наблюдался определенный пролет, длившийся на среднем течении Юрибея до 20 числа. Вскоре после нескольких дней холодных, дождливых бурь гагары почти исчезли, и последние экземпляры наблюдались 26 сентября за день до замерзания озер.

Urinator (Colymbus) adamsi Gr.

Самоедское название — (нг)о-сёр-нюни; (о-сёр называют отдельно плывущие льдины; буквально, белый остров)

Мною эта гагара встречена единственный раз 27 июня на оз. Хасейн-то, начавшем в то время освобождаться от льда. По сообщению самоедов, вид этот во внутренних частях полуострова встречается крайне редко, придерживаясь преимущественно Енисейского залива и Обской губы. Значительное количество белоклювой гагары, по словам самоеда Петра Ядни, держится летом в низовьях большой Хеты. Тугариновым и Бутурлиным наблюдалась на Енисее у Луковой протоки и близ песка „Красный Яр“. Для Таймыра эту гагару, под именем *Colymbus glacialis*, Миддендорф приводит редко гнездящейся по реке Таймыре. На побережье Таймыра наблюдалась также экспедицией „Зари“. Западнее исследованного мною района один раз наблюдалась Шостаком¹ на Обской губе близ мыса Круглого. Со слов А. А. Ширинского-Шахматова, Тугариновым (1911) приводится гнездящейся на Оби до Березова.

¹ Шостак, Вести. Томск. орнит. о-ва, кн. 1, 1921.

II. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОПЫТ ЗООГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФАУНЫ

Район, подвергшийся обследованию, условно обозначен „Гыданским полуостровом“. Такого названия в географической литературе не имеется и употребляется оно мною лишь для удобства обозначения этой территории (по имени губы „Гыда-ям“, делящей описываемый район в меридиональном направлении на два полуострова Мочуй-сале и Евай-сале). Мое исследование охватило территорию в виде неясно выраженного полуострова, лежащего к северу от полярного круга и омываемого с запада Тазовской и Обской губами, с севера Ледовитым морем и с востока Енисеем и Енисейским заливом.

Физико-географические условия названной страны весьма разнообразны и любопытны в том отношении, что в направлении с севера на юг представлены рядом закономерно чередующихся ботанико-географических подзон.

Считаю необходимым оговориться, что приводимые ниже подзоны установлены на основании многолетних исследований на западносибирском севере Б. Н. Городковым (Ежегодник Тобольского губернского музея, XXVII, 1916; Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований Академии Наук, 1929, № 11).

Мною не захватывается полоса сплошных лесов (слово-лиственничная подзона), и обзор касается лишь территории, лежащей к северу от нее, т. е. тундровой зоны.

Южная лесотундра. Южная граница этой подзоны начинается на реке Таз несколько севернее Сидоровской пристани (66°50'), пересекает верховье Турухана по 67 параллели и в непосредственной близости Енисея спускается почти до 68° (станок Плахино). Северная граница в бассейне Таза пересечена нами в среднем течении р. Удер-яга 67°30'), а на р. Русской под 68°. У Енисея граница эта (северная граница ели *Picea obovata*,¹ языком поднимается до 69°30', т. е. приблизи-

¹ А. Миддендорф. Путешествие на север Сибири, часть I, 1860, стр. 508.

тельно до широты Дудинки. На Ямале северный предел этой зоны Житковым пересечен в среднем течении р. Табан-тарка-яга, приблизительно на $67^{\circ}30'$ с. ш. Указанная полоса характеризуется отсутствием сплошных лесных массивов, появлением значительных, доминирующих по площади естественно безлесных пространств, занятых мохово-лишайниковой тундрой. Водораздельные пространства представляют слабо холмистую страну со средней высотой около 30—50 м,¹ сложенную преимущественно валунными суглинками. В некоторых случаях водоразделы лишены древесной растительности вовсе или несут небольшие разреженные рощи лиственниц (*Larix sibirica*). Нижний кустарниковый ярус в этих лесах обычно отсутствует. Низины зачастую заняты болотистыми пространствами, порастающими ольхой (*Alnus fruticosa*), белой березой (*Betula tortuosa*) и различными видами ив (*Salix lanata*, *S. phylicifolia*, *S. glauca*). Настоящая лесная растительность остается лишь в непосредственной близости рек, где узкой лентой (около 0,5 км шириной) тянется вдоль русла. Долинные лесные ассоциации составлены из лиственниц и ели с богатым подседом из ольхи и *Betula tortuosa*; кедр и прочие хвойные породы отсутствуют вовсе.

Северная лесотундра лежит к северу от предыдущей подзоны, достигая в глубине полуострова $68^{\circ}50'$ (верховья Месо); у Енисея она поднимается языком к северу приблизительно до $69^{\circ}30'$ (станок Селякино, Тугаринов 1911). Значительно южнее проходит северная граница этой зоны на Ямале, где она была пересечена Житковым у р. Порце-яга (приток Яды, приближ. $67^{\circ}50'$). Рельеф этой части лесотундры более ровен, чем у предыдущей. Тундра слагается то из совершенно ровных пространств, то из мягко очерченных небольших холмов, едва достигающих относительной высоты 15 м. Лишь близ русел рек рельеф становится более изрезанным. Древесная растительность в виде небольших редких рощ, исключительно из лиственницы, местами с густым кустарниковым подлеском, остается лишь в долинах рек. На северном пределе древесной растительности небольшие чахлые деревья, достигающие 4—5 м высоты, иногда тянутся лишь одним рядом с каждой стороны русла, образуя подобие аллей (Житков²). Для долин характерны кустарниковые поросли *Alnus fruticosa* нередко высотой более человеческого роста, занимающие местами обширные заливные пески. Водоразделы лишены древесной растительности совершенно и представлены по большей части песчанистой или суглинистой тундрой с значительно развитым лишайниковым и моховым покровом.

¹ Б. Городков. Работы Гыданской экспедиции Академии Наук. Доклады АН 1928, стр. 116.

² Житков. Полуостров Ямал, стр. 167.

Типичная тундра. Имея южной границей северную границу предыдущей подзоны, этот тип местности доходит в западных частях полуострова до $70^{\circ}50'$, т. е. несколько южнее устья Юрибея. Пересекая Гыдаемскую губу, граница спускается по восточному берегу ее до 71° , доходя у Енисейского залива языком приблизительно до 72° с. ш. По описанию Житкова (l. c.) северная граница типичной тундры („средняя“ или „озерная“ полоса) на Ямале проходит приблизительно по $70^{\circ}30'$ — к северу от течения р. Вануйта — Сё-яга и Сё-яга-Морды.

Южная часть описываемой территории близ низовьев р. Танам представляет слабо холмистую страну, отдельные бугры которой поднимаются всего на 15 м. Лишь близ реки местность становится более изрезанной, и появляются высокие обрывистые яры, сложенные обычно серыми, слоистыми суглинками с галькой. Иногда на ярах и вершинах материков появляются в небольшом количестве валуны, достигающие 1 м в диаметре. В окрестностях Дерябино и у оз. Хассейн-то местность приобретает значительно более разнообразный вид. Для этой местности чрезвычайно характерно большое количество озер, рек, стариц и прочих водоемов. Глубокие, хорошо выраженные долины окаймлены материковыми берегами, достигающими здесь значительной высоты. Отдельные же холмы доходят до 30 м. В тех случаях, когда коренные берега подходят к самому руслу реки или берегу озера, они зачастую находятся в состоянии интенсивного разрушения. Склоны материков, отдаленных от современного берега, нередко представлены рядом островершинных холмов, располагающихся нисходящими террасами. Нередко также берега материков изрезаны узкими, глубокими трещинами, разрушающими берег путем отмежевания будущих оползней. При этом последние увлекают за собой растущие на них кусты, и в таком случае земляной обрыв пестреет зелеными пятнами растительности оползней. Обилие разнообразных озер весьма характерно для этого района тундры. По большей части они располагаются в долинах, но нередко также в высокой материковой тундре разбросано значительное количество мелких озер.

Для южной части типичной тундры характерно присутствие *Alnus fruticosa*, но она вскоре исчезает и кустарниковые ассоциации слагаются из ивы (*Salix taimyrensis*, *S. glauca*, *S. reptans* и др.) и *Betula nana*. Особенно мощного развития достигают кустарниковые заросли в долинах и на склонах, где, нередко занимая значительное пространство, они подчас трудно проходимы. Материки также порастают кустарником, но в последнем случае они никогда не достигают такого мощного развития и среди них значительное место принадлежит *Betula nana*. В низинах тундра обычно сильно заболочена и порастает здесь различными видами *Carex* и кочками *Eriophorum vaginatum*. Лишайниковый покров не имеет преобладания и появляется лишь на сухих песчанистых буграх, моховые ассоциации наобо-

рот доминируют. Значительное развитие в материковой тундре и по ее склонам получают травянистые растения, из числа которых можно указать: *Carex rigida*, *Alsine arctica*, *Silene graminifolia*, *Eriophorum vaginatum*, *Dryas octopetala*, *Poa flexuosa*.

Указанные особенности типичной тундры: разнообразие рельефа, присутствие большого количества водоемов, обильное развитие кустарников, — создают весьма благоприятную среду для обитания звериного и пернатого населения.

Арктическая тундра. Наиболее северные части обследованной территории, лежащие к северу от типичной тундры и граничащие с морским побережьем, представляют тип тундры, по своему характеру весьма отличный от описанного выше. Район этот беден озерами и реками, в связи с чем рельеф местности значительно более сглаженный, и представляет почти равнину, отдельные холмы которой едва достигают 8—10 м. Лишь в редких случаях наблюдаются хорошо выраженные долины, чаще же холмы, постепенно понижаясь, сходят на нет или переходят один в другой. Кустарниковая растительность представлена мелкими, часто стелющимися кустиками ивы, сосредотачивающимися исключительно в долинах. В видовом составе кустарниковых сообществ происходят следующие изменения: исчезает *Betula nana*, уменьшается в количестве *Salix taimyrensis* и, наконец, остается одна *Salix reptans*.

Материки лишены кустарников совсем, и растительный покров их представлен лишь нижним напочвенным ярусом, состоящим из мхов, лишайников и немногих травянистых растений. Таким образом в указанных широтах, благодаря однообразию ландшафта и бедности растительности, местность несет особенно унылый пустынный характер. Такие же особенности ландшафта отмечены Житковым для северных частей полуострова Ямала (l. c., 1913, стр. 329; 1912, стр. 366).

Этим я заканчиваю обзор физико-географических условий исследованного мною района. Переходя к зоогеографическому анализу фауны посещенной местности я должен оговориться, что приведенный ниже обзор не претендует быть окончательным, и дальнейшие исследования в этой области могут пополнить и изменить выдвинутые мною положения.

К настоящему времени мы имеем несколько опытов зоогеографического деления севера Палеарктики. Из новейших делений нужно отметить Северную подобласть Сушкина,¹ подразделяющуюся на три провинции: Тундры, Тайги и Лесостепи; это деление дополнено Тугариновым,² дробящим интересующую нас провинцию Тундры на две подпровинции —

¹ П. Сушкин. Зоологические области средней Сибири и Нагорной Азии. Бюлл. Моск. о-ва исп. природы, Отдел биол., 1925.

² А. Тугаринов. Птицы Приенисейской Сибири. Зап. Среднесибирск. отд. РГО, сер. II, т. I, 1927 г.

Европейско-Сибирскую и Восточно-Сибирскую, граничащие в меридиональном направлении по Енисею. К сожалению, автор не указывает западной границы Европейско-Сибирской и восточной границы Восточно-Сибирской подпровинции. В первую в свою очередь входит Обь-Енисейский округ, занимающий пространство от Енисея (и одноименного залива) на запад до Оби и Обской губы, с участками Приморским и Тундровым; повторной подпровинции на енисейском севере Тугариновым выделяется Таймырский округ, лежащий от Енисея к востоку до Хатанги, с входящими в него участками Приморским, Тундровым и Лесотундровым. Широтные границы участков ясны из названий.

По Плеске¹ тундры Евразии в зоогеографическом отношении распадаются на следующие четыре провинции: 1) Атланти-Европейскую, занимающую восточную Гренландию, архипелаги Франца Иосифа и Шпицберген, западную половину Новой Земли и полосу тундр материка на восток до юговосточного угла Белого моря; 2) Европейско-Сибирскую, лежащую на восток от предыдущей и простирающуюся до устья реки Хатанги; 3) Сибиро-Американскую — от Хатанги на восток до Чаунской губы, сюда же входят Новосибирские острова, и 4) Северо-Тихоокеанскую — северо-восточные части Сибири к востоку от предыдущей провинции.

Таким образом интересующая нас территория входит в состав Европейско-Сибирской провинции Плеске, но последней (как и прочим провинциям Плеске), мне кажется, более естественно придавать значение лишь подпровинции, беря тундру Палеарктики в качестве единой провинции, как это делает Сушкин, и как позже принимал Тугаринов² (1927).

Я не буду в настоящей статье останавливаться на доказательстве целесообразности именно такого взгляда, уже разобранного, отчасти, Сушкиным (l. c.). Меня занимает вопрос о более дробных зоогеографических единицах, подчиненных тундровой полосе Западно-Сибирского севера вне зависимости от того, какое значение придавать этому району.

Анализируя списки высших позвоночных изученной местности, можно отметить в пределах ее следующие зоогеографические элементы.

Наиболее обширной группой будут формы широко распространенные, занимающие в направлении с запада на восток всю тундру Евразии (виды циркумполярные и полярные транспалеаркты); таковы из птиц: *Saxicla oenanthe oenanthe*, *Acantis linaria exilipes*, *Calcarius lapponicus lapponicus*, *Otocorys alpestris (flava)*, *Anthus cervinus*, *Nyctea nyctea*, *Haliaeetus albi-*

¹ Th. Pleske. Birds of the Eurasian Tundra. Memoir. Bost. Soc. Nat. Hist. V. 6, № 3, 1928.

² В дальнейшем изложении в качестве первостепенных единиц, подчиненных провинции Тундры, и иривоку территориальные зоогеографические единицы, установленные Плеске как провинции, придавая им значение лишь подпровинций.

cilla, *Anser albifrons albifrons*, *Mareca penelope*, *Dafila acuta*, *Nettion crecca*, *Marila marila*, *Harelda glacialis*, *Somateria spectabilis*, *Mergus serrator*, *Phalaropus lobatus*, *Sterna paradisea*, *Larus glaucus*, *Stercorarius pomarinus*, *Stercorarius parasiticus*, *Stercorarius crepidatus*, *Colymbus (Urinator) stellatus*; из млекопитающих: *Gulo gulo*, *Alopex lagopus lagopus*, *Lutra lutra*. К этому списку можно прибавить еще несколько форм, имеющих в северных частях Палеарктики широкое распространение, но не доходящих на восток до Берингова моря. К ним я причисляю: *Tringa temmincki* (на восток до Колымы), *Tringa minuta* (на восток до Индгирки) *Charadrius squatarola* (на восток до Колымы).

Указанная группа в свою очередь распадается на формы, свойственные лишь северным широтам Евразии — *Acantis linaria exilipes*, *Calcarius lapponicus lapponicus*, *Otocorys alpestris flava*, *Nyctea nyctea*, *Harelda glacialis*, *Somateria spectabilis*, *Anser albifrons*, *Sterna paradisea*, *Larus glaucus*, *Stercorarius pomarinus*, *Stercorarius parasiticus*, *Stercorarius crepidatus* и на формы широко распространенные в направлении с севера на юг: *Saxicola oenanthe*, *Anthus cervinus* (отчасти), *Haliaeetus albicilla*, *Mareca penelope*, *Dafila acuta* и некоторые другие. Перечисленные виды в силу широкого распространения в меридиональном направлении не являются элементами, характерными для описываемой территории.

Следующей группой, слагающей фауну исследованной местности, будут формы, свойственные лишь Европейско-Сибирской подпровинции, и не выходящие на восток и на запад из ее пределов, т. е. формы, при изучении изменений в направлении с запад на восток, условно могущие быть названными „эндемиком“. Таковы: из птиц — *Budytes citreola citreola*, *Motacilla alba dukhunensis*, *Falco peregrinus griseiventris*, *Melanonyx fabalis fabalis*, *Branta ruficollis*, *Cygnus bewicki bewicki*, *Larus affinis antelius*, *Larus affinis taimyrensis*, *Urinator arcticus suschkini*; из млекопитающих — *Sorex vir turuchanensis*, *Lemmus obensis obensis*, *Dicrostonyx torquatus torquatus*, *Evotomys rutilus*, subsp.¹ *Microtus aconomus*, *aconomus*, *Mustela erminea tobolica*, *Lepus timidus* subsp.² Из приведенных выше форм лишь одна *Branta ruficollis* является эндемиком в полном смысле слова и притом видовым. „Эндемичность“ же прочих форм сказывается лишь в отношении смежных западных и восточных подпровинций тундры, и при этом она подвигового характера.

Далее идет небольшая группа форм общих с Атланти-Европейской подпровинцией (западные палеаркты), не переходящих на восток за пределы Европейско-Сибирской подпровинции. Ими будут: *Cyanecula suecica*

¹ Б. С. Виноградов. Заметки о млекопитающих Якутии, род *Evotomys*. Мат. Комис. по изучению Як. АССР. Л., изд. Акад. Наук, 1927.

² См. систематическую часть настоящей работы.

suecica, *Branta bernicla bernicla*, *Tringa alpina alpina*, *Evotomys rutilus rutilus*, *Evotomys rufocanus rufocanus*, *Microtus agrestis*.

Также невелико число форм общих исследованной местности и Сибирско-Американской подпровинции (восточные палеаркты). К ним я отношу следующие формы: *Lagopus lagopus koreni*, *Lagopus mutus pleskei*, *Charadrius dominicus fulvus*, *Charadrius hiaticula tundrae*, *Tringa ferruginea*, *Urinator adamsi*, *Archibuteo lagopus pallidus*, *Sorex macropygmeus koreni*, *Talassarctos maritimus marinus*,¹ *Canis lupus albus*.

Из приведенного краткого анализа зоогеографических элементов, слагающих фауну Гыданского полуострова, явствует, что наиболее обширной группой (23 формы птиц и 4 млекопитающих) будут виды широко распространенные, следовательно, не характерные для данной территории. Далее по количеству форм (9 птиц и 7 млекопитающих) идет группа, представители которой из всей зоны тундры Старого Света свойственны лишь Европейско-Сибирской подпровинции. Приблизительно в равном количестве к фауне нашего района примешиваются формы Сибирско-Американской подпровинции (7 птиц и 3 млекопитающих) и формы Атланти-Европейской подпровинции (6 птиц и 3 млекопитающих).

Весьма любопытно отметить, что лишь первая группа, заключающая формы широко распространенные, представлена по большей части видами. Все же остальные группы, обнимающие как-раз формы в том или ином отношении характерные для нашего района, слагаются из географических рас. Наоборот, виды, за немногим исключением, ничего не дают для характеристики района по отношению к соседним тундрным районам.

При дальнейшем анализе фауны выясняются ее следующие дополнительные особенности. Оказывается, что часть форм из всей полосы тундры Старого Света свойственна лишь участку северных широт Западно-Сибирской низменности, обнимающему нижнее течение Оби, полуостров Ямал, Обско-Тазовский полуостров и территорию, именуемую мною Гыданским полуостровом, на восток до Енисейского залива и долины нижнего течения Енисея. Формы эти не переходят или почти не переходят на западе Урал, а на востоке — Енисей и его залив. К числу таких форм я отношу: *Motacilla alba dukhunensis*, *Perisoreus infaustus* subsp.² *Falco peregrinus griseiventris*; *Sorex vir turuchanensis* subsp. nov. *Microtus aconomus*, *Mustela erminea tobolica*.

Далее необходимо отметить, что ряд форм, имеющих более обширный ареал, в северных широтах Сибири западной границей своего распростра-

¹ В моих руках не было материала по этому виду и подвид обозначен предположительно на основании литературных данных. См. напр. С. И. Огнев. О медведях, водящихся в России. Природа и охота на Украине, кн. 1—2, 1924.

² См. систематическую часть настоящей работы.

нения совпадают с таковой намеченного района. Сюда принадлежат: *Archibuteo lagopus pallidus*, *Branta ruficollis*, *Lagopus lagopus koreni*, *Lagopus mutus pleskei*, *Charadrius dominicus fulvus*, *Picoides tridactylus crissoleucos*, *Pinicola enucleator pacata*, *Urinator arcticus suschkini*; *Sorex macropygmeus koreni*, *Talassarctos maritimus marinus*, *Canis lupus albus*. С другой стороны такие формы как напр., *Melanonyx fabalis fabalis*, *Larus affinis antelii*, *Evotomys rutilus rutilus*, и, возможно, *Evotomys rufocanus rufocanus*¹ не переходят или почти не переходят восточной границы намеченного района. Необходимо также отметить, что некоторые виды, напр. *Turdus fus-catus*, *Synchramus pallasii*, *Tringa ruficollis*, *Tringa maculata*, распространены лишь на восток от Енисея, характеризуют таким образом намеченный участок с отрицательной стороны.

Следовательно, северная полоса Западно-Сибирской низменности (от Урала до Енисейского залива) характеризуется присутствием известного числа форм, не проникающих в тундряные и лесотундряные зоны Европы и Таймыра, с одной стороны; с другой — восточная и западная границы рассматриваемого участка служат границами для ряда форм, имеющих более широкий ареал распространения. На этом основании я считаю, что означенный район, входящий в состав Европейско-Сибирской подпровинции (Плеске), заслуживает выделения в самостоятельный округ, который я предлагаю назвать Обско-Гыдаямским. Этот округ до некоторой степени совпадает с Обь-Енисейским округом, установленным Тугариновым (l. c., 1927), но мною он расширен и изменено его соотношение с соседними зоогеографическими районами. Я не удерживаю для выделенного округа названия данного Тугариновым из следующих соображений: мне кажется, что территорию лежащую между северной оконечностью Урала и Енисейским заливом (включая Ямал) называть Обь-Енисейской неправильно, так как последний залив является границей округа, где начинают появляться некоторые восточные формы (напр. *Larus affinis taimyrensis*), почему слово „Енисейский“ с одинаковым успехом может характеризовать и территории, лежащие на восток от этого залива. Обская же и Гыдаямская губы достаточно большие географические образования, лежащие полностью внутри описанной территории, и поэтому, оставляя первое слово „Обско“ (по Тугаринову „Обь“), я как дополнительное слово беру „Гыдаямский“, действительно характеризующее выделенный округ.

Состав фауны высших позвоночных Гыданского полуострова в различных частях его далеко не однообразен. В этом отношении достоин внимания факт, что основные изменения фауны, в смысле присутствия или

¹ Подсказка эта поставлена предположительно. О ее вост. границе см. отч. Виноградова: Заметки о млекопитающих Якутии. Мат. Комиссии по изучению Як. АССР, вып. 18, 1927, стр. 16.

отсутствия отдельных видов или же доминирования их по числу особей в основных чертах совпадают с разобранным выше изменением и чередованием ботанико-географических подзон. Мне кажется изменение фауны исследованной территории в направлении с севера на юг более удобно рассматривать не в виде определенных зоогеографических участков, как это делает Тугаринов (op. c., 1927), выделяя из Обь-Енисейского округа участки Приморский и Тундровой, а из Таймырского, кроме Приморского и Тундрового, еще Лесотундровой, а как закономерно чередующиеся ландшафтные зоны со всеми их характерными экологическими особенностями. Естественность именно такого порядка рассматривания видна из следующего. Фаунистическая разница между одноименными участками (экологическими зонами) Обско-Гыдаямского и Таймырского округов (по Тугаринову принадлежащих даже к разным подпровинциям) будет в основном та же, что и между округами (или подпровинциями) в целом. Отличие здесь заключается главным образом в различных подвидах, т. е. географически викарирующих формах. Отличие же между зонами (по Тугаринову участками) одного и того же округа в этом случае значительно больше и отличие это видовое, т. е. представляет биологический викариат. Поясним сказанное примерами. Если взять наиболее обширную группу транспалеарктов, то из числа их найдется целый ряд видов, свойственных лишь определенным широтным, экологическим зонам. Так напр., *Plectophenax nivalis*, *Dafila acuta*, *Mareca penelope*, *Nettion crecca*, *Larus glaucus*, *Stercorarius pomarinus* ничего не дают для характеристики различных подпровинций Палеарктической тундры. Вместе с тем указанные виды, а также ряд других видов, характерных для определенной или двух смежных подпровинций (*Budytes citreola citreola*, *Cyanecula suecica suecica*, *Branta bernicla bernicla*, *Lagopus metus pleskei*) позволяют достаточно наглядно, в пределах различных округов, выделить одноименные экологические зоны. Следовательно в нашей территории наблюдается два изменения фауны; одно в направлении с севера на юг, другое с запада на восток. Из приведенных примеров, а также из последующего разбора видна принципиальная разница указанных изменений. В первом случае изменения основного зоогеографического характера, имеющие несомненное историческое основание. Мы видели, что изменение заключается главным образом в замещении географических рас (подвидов), реже видов. Изменения эти в различных округах относительно невелики. Иная картина рисуется при изучении изменений фауны в различных широтах тундряной и лесотундряной зон. Параллельно с изменением физико-географических условий меняется состав фауны. Разница между различными экологическими зонами по сравнению с первым случаем несравненно больше. Отличие теперь заключается в видах и, как уже отмечено, викариат здесь биологического, а не географического характера. В данном случае современные экологические

условия играют несравненно большую роль, чем условия исторические и выступают на первый план. Этими обстоятельствами, на мой взгляд, объясняется различие между делением зоогеографическим и экологическим. Они и заставляют меня рассматривать выделенные Тугариновым участки — Приморский, Тундрный и Лесотундрный — как экологические зоны, т. е. единицы несколько иного характера, чем зоогеографические.

Таким образом, помимо основного зоогеографического деления, проходящего в данном случае по меридианам, район делится в направлении с севера на юг, на ряд экологических зон, свойственных не только данному округу, но в общих чертах и всей Европейско-Сибирской подпровинции. Надо думать, что при более подробном изучении арктической полосы восточной Сибири и для последнего района (Сибирско-Американская провинция Плеске) удастся установить аналогичные экологические зоны.

Приводимое ниже зональное распределение фауны обосновано мною главным образом на собственных наблюдениях, сделанных во время путешествия, опросном материале, полученном от самоедов, и сопоставлении указанных данных с уже имеющимися в зоологической литературе. Относительно южных районов обследованной местности мои сведения естественно страдают неполнотой, так как посещены они были мною лишь в зимнее время. Так, напр., в южных частях типичной тундры, не говоря уже о лесотундре, должны встречаться некоторые виды пеночек, например: *Phylloscopus trochilus*, *Ph. tristis*, *Ph. borealis*; из дроздов: *Turdus iliacus*, *T. pilaris*, возможно, *T. atrigularis* (Schmidt) и многие другие виды, найденные предшествующими исследователями в соответствующих широтах Обского и Енисейского севера.

I. ЮЖНАЯ ЛЕСОТУНДРА. По причине, указанной выше, я не смогу достаточно подробно охарактеризовать настоящую зону. Задачи будущих исследователей в этой области привести лишние подтверждающие данные из наблюдений над гнездовыми птицами. Но все же и материал, имеющийся в моем распоряжении, позволяет отметить основные черты, рисующие фаунистическую физиономию этой местности.

Настоящая полоса характеризуется отсутствием типично лесных птиц и млекопитающих, из числа которых можно указать: *Sciurus vulgaris*, *Pteromys volans*, *Eutamias asiaticus*, *Microtus agrestis*, *Mustela sibirica*, *Alces machlis*, *Tetrao tetrix*, *Tetrao urogallus*, *Tetrastes bonasia*, *Nucifraga caryocatactes*, *Pica pica* (отчасти). Но, с другой стороны, по узким ленточкам леса вдоль рек на север до границы рассматриваемой зоны идет ряд птиц и млекопитающих, которых также с правом можно назвать лесными, таковы напр.: *Sorex vir*, *Ursus arctos*, *Lutra lutra*, *Vulpes vulpes*, *Rangifer tarandus* (лесная морфа); *Pinicola enucleator*, *Perisoreus infaustus*, *Picoides tridactylus*, *Corvus corax*, *Astur palumbarius* (отчасти). Северная граница распространения этих форм совпадает с северной границей южной

лесотундры. Лишь некоторые виды, как напр. *Ursus arctos* и *Rangifer tarandus* временами незначительно заходят в полосу северной лесотундры, но редкие случаи эти не могут приниматься в расчет. Кукша же лишь незначительно не доходит до северной границы этой зоны. С другой стороны, в зоне южной лесотундры впервые начинают появляться представители фауны чистой тундры, напр. *Lemmus obensis*, а в зимнее время в большом количестве сюда спускается песец.

II. СЕВЕРНАЯ ЛЕСОТУНДРА. С последними признаками разнообразных лесных ассоциаций (ель, лиственница, береза *Betula tortuosa*) исчезают те немногие представители лесной фауны, которые наблюдались в предыдущих широтах, так что для настоящей зоны характерно отсутствие указанных выше форм. Лишь в небольшом количестве северной лесотундры достигает *Astur palumbarius*, дважды встреченный близ рек Мудуй и Сыгдар-яга. Из более широко расселенных (в направлении с севера на юг) птиц сюда доходят: *Turdus pilaris, **Phylloscopus trochilus*, **Ph. borealis*, **Emberiza schoeniclus*, *Nettion crecca*, *Oidemia fusca*, **Totanus glareola*¹ и некоторые другие. В зимнее время эту полосу можно считать границей нормального захода на юг *Lagopus mutus* (первые экземпляры встречены на р. Мудуй).

Для млекопитающих северной лесотундры характерно отсутствие *Sorex vir*, *Ursus arctos* (единичные случаи захождения), *Lutra lutra*, *Vulpes vulpes*, *Rangifer tarandus* (как лесной так и тундрной формы). Из тундры не доходит сюда *Dicrostonyx torquatus*. Обский лемминг здесь по сравнению с южной лесотундрой заметно увеличивается в количестве. С северной границей описываемой зоны совпадает граница массового распространения *Eutamias rutilus*, хотя в незначительном количестве она заходит и в южные части тундры (Толстый Нос на Енисее, — сборы Яковлева). Мною же она была найдена лишь до границы лиственницы, что совпадало при обоих маршрутах (1. Сыгдар-яга — 68°30' с.ш.; 2. Хадута-яга — 67°30' с.ш.). В единичном случае по р. Пято-яга (68°) встречена *Sorex macropygmaeus*, не найденная севернее.

III. ТИПИЧНАЯ ТУНДРА. Как видно из краткого ботанико-географического диагноза, эта полоса обладает разнообразными экологическими условиями; указанные особенности в свою очередь обуславливают относительно богатую фауну главным образом птиц. Из числа их мы находим известное количество форм, имеющих широкое распространение в направлении с севера на юг; таковы: *Urinator arcticus*, *Machetes pugnax*, *Charadrius hiaticula tundrae*, *Lagopus lagopus koreni*, *Mergus serrator*, *Nettion crecca*, *Dafila acuta*, *Mareca penelope*, *Melananynx fabalis*, *Anthus cervinus*,

¹ Отмеченные энтомологическими видами приводятся на основании данных Тугаринова и Пугуркина (1911), проследивших широкое распространение этих форм по берегу Енисейского залива.

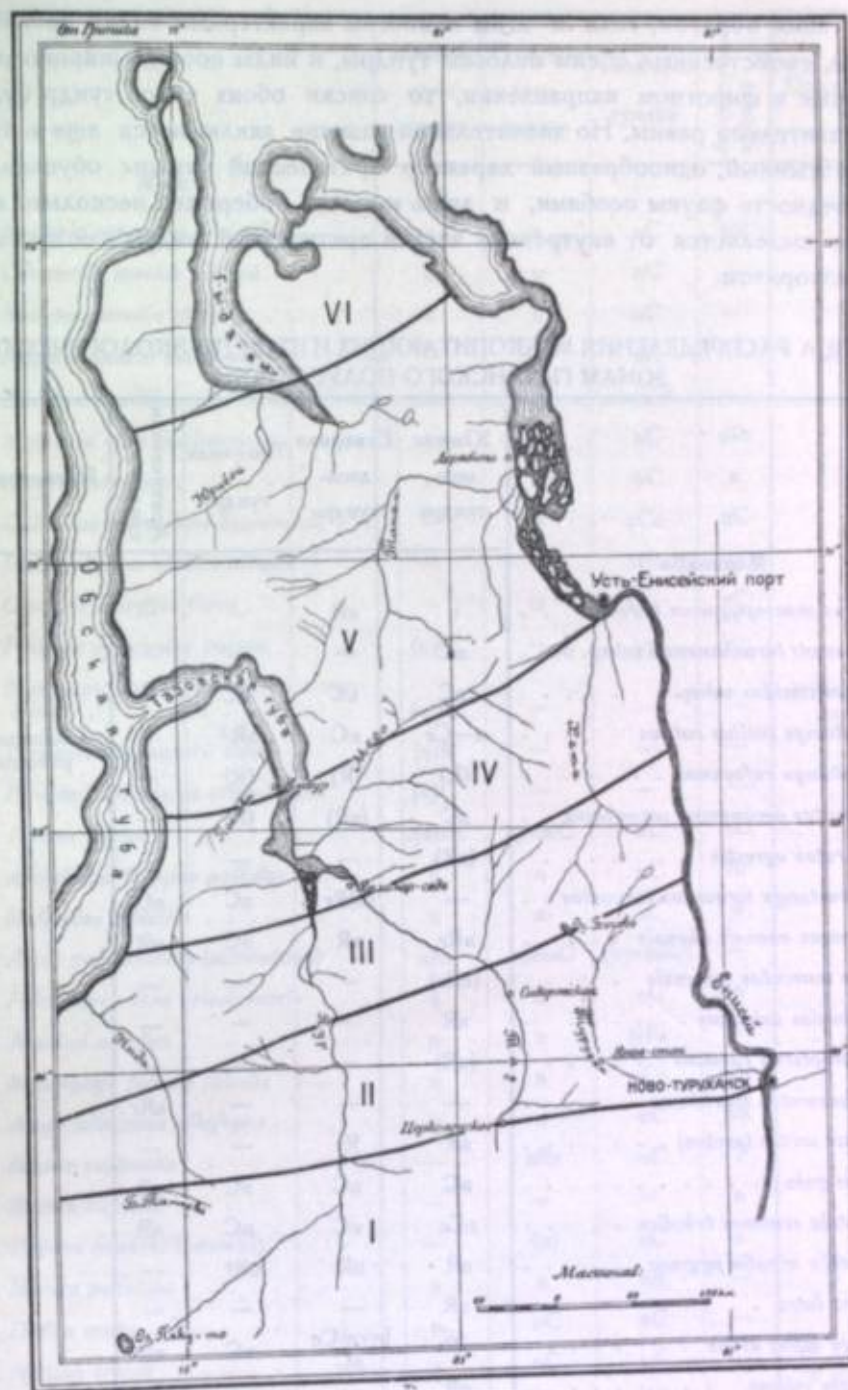
Motacilla alba dukhunensis, *Budytes citreola citreola*, *Cyanecula suecica suecica*, *Saxicola oenanthe*. Из числа свойственных типичной тундре млекопитающих такими формами будут: *Evotomys rutilus* (лишь в южной части типичной тундры), *Microtus oeconomus*, *Lepus timidus*, *Gulo gulo*, *Mustela erminea*, *Mustela nivalis*, *Canis lupus*. Перечисленные виды свойственны также и предыдущим зонам, здесь же они приводятся мною как представители фауны более южных областей. Некоторые находят в типичной тундре северный предел своего распространения (см. ниже), и, следовательно, присутствие их, наряду с отсутствием более южных видов, весьма характерно для этой зоны тундры.

Вторую группу составляют формы, характерные для тундры вообще и почти не заходящие на юг далее северной границы „Северной лесотундры“, таковы: *Otocorys alpestris flava*, *Nyctea nyctea*, *Branta ruficollis*, *Somateria spectabilis*, *Charadrius squatarola*, *Tringa alpina*, *T. minuta*, *T. ferruginea*, *Phalaropus lobatus*, *Stercorarius parasiticus*, *St. crepidatus* и отчасти *Urinator stellatus*, *Larus affinis*, *Sterna paradisea*, *Harelda glacialis*, *Cygnus bewicki*, *Calcarius lapponicus*, *Acantis linaria exilipes*; из млекопитающих — *Alopex lagopus*, *Dicrostonyx torquatus* и лишь отчасти *Lemmus obensis* (массовое распространение).

Наконец, третьей группой, характеризующей типичную тундру и отличающей ее от более северной полосы, будут, как уже отмечено выше, формы не переходящие на север в арктическую тундру; к ним я отношу: *Cyanecula suecica*, *Budytes citreola*, *Acantis linaria exilipes*, *Mareca penelope*, *Nettion crecca*, массовое распространение *Lagopus lagopus*; из млекопитающих — *Lepus timidus*, *Evotomys rutilus*, массовое распространение *Lemmus obensis*.

Отрицательная характеристика фаунистической физиономии типичной тундры будет видна в обзоре арктической тундры, здесь же я отмечу лишь отсутствие в большей части типичной тундры дикого оленя *Rangifer tarandus* как лесной, так и тундряной морфы.

IV. АРКТИЧЕСКАЯ ТУНДРА. Видовой состав фауны этого типа тундры отличен от предыдущего отсутствием указанных выше видов, не расселяющихся на север далее типичной тундры. Но наряду с такими отрицательными чертами здесь впервые появляются некоторые новые формы, не встреченные в более южных широтах. Таким образом, намеченная зона имеет и положительную фаунистическую характеристику. К таким формам, характерным для полосы арктической тундры, нужно причислить: *Lagopus mutus*, *Larus glaucus*, *Stercorarius pomarinus*, *Branta bernicla*, *Plectrophenax nivalis*; из млекопитающих — *Talassarctos maritimus* и тундряная морфа *Rangifer tarandus*. Лишь этой зоне, как я мог выяснить собственными наблюдениями и опросом, свойствен из класса рыб — *Thymalus arcticus* subsp.

Фиг. 12. Карта района исследований Гыданской экспедиции. Подзоны (по Б. Н. Городкову): I. Кедрово-болотистая. II. Елово-лиственничная. III. Южная лесотундра. IV. Северная лесотундра. V. Типичная тундра. VI. Арктическая тундра.

Таким образом, если к этим немногим характерным видам добавить формы, свойственные обеим полосам тундры, и виды вообще широко распространенные в широтном направлении, то списки обоих типов тундр будут приблизительно равны. Но значительная разница заключается еще в том, что пустынный, однообразный характер арктической тундры обуславливает бедность фауны особями, и лишь морское побережье несколько выгоднее выделяется от внутренних частей арктической тундры с ее пустынным колоритом.

ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ЗОНАМ ГЫДАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

	Южная лесо- тундра	Северная лесо- тундра	Типичная тундра	Арктическая тундра	Примечание
Mammalia					
1. <i>Sorex macropygmeus koreni</i>	n	nR	—	—	
2. <i>Sorex vir turuchanensis</i> subsp. nov.	nC	—	—	—	
3. <i>Lepus timidus</i> subsp.	nC	nC	nC	—	
4. <i>Evotomys rutilus rutilus</i>	n—Ce	nC	nR ¹	—	¹ Южные районы
5. <i>Evotomys rufocanus</i>	(R)	(R)	(R)	—	
6. <i>Microtus oeconomus oeconomus</i>	nC	(nR)	(R)	—	
7. <i>Microtus agrestis</i>	(nR)	—	—	—	
8. <i>Dicrostonyx torquatus torquatus</i>	—	(n)Rr	nC	nC	
9. <i>Lemmus obensis obensis</i>	nRr	nR	nC	nR	
10. <i>Mus musculus tomensis</i>	(nRr)	—	—	—	
11. <i>Eutamias asiaticus</i>	nR	—	—	—	
12. <i>Sciuropterus russicus</i>	(nR)	—	—	—	
13. <i>Talassarctos maritimus</i>	—	—	—	nRr	
14. <i>Ursus arctos (arctos)</i>	nR	Rr	—	—	
15. <i>Gulo gulo</i>	nC	nC	nC	nR	
16. <i>Mustela erminea tobolica</i>	nCe	nC	nC	nR	
17. <i>Mustela nivalis pygmaea</i>	nR	nR	nRr	—	
18. <i>Lutra lutra</i>	nR	—	—	—	
19. <i>Canis lupus albus</i>	nR	hyemCe nC	nC	nR	
20. <i>Vulpes vulpes</i>	nR	—	—	—	
21. <i>Alopex lagopus lagopus</i>	hyemC	hyemCe	nCe	nC	
22. <i>Rangifer tarandus</i>	nC	—	—	nC	

	Южная лесо- тундра	Северная лесо- тундра	Типичная тундра	Арктическая тундра	Примечание
Aves					
1. <i>Saxicola oenanthe oenanthe</i>	n	n	nC	nR	
2. <i>Cyanecula suecica suecica</i>	n	n	nC	—	
3. <i>Budytes citreola citreola</i>	n	n	nC	—	
4. <i>Acanthis linaria exilipes</i>	—	(n)	nR	—	
5. <i>Emberiza pusilla</i>	n	n	tr(n)R	—	
6. <i>Motacilla alba dukhunensis</i>	n	n	nC	nRr	
7. <i>Anthus cervinus</i>	n	n	nC	n	
8. <i>Calcarius lapponicus lapponicus</i>	—	n	nCe	nC	
9. <i>Plectrophenax nivalis nivalis</i>	—	—	trR	n	
10. <i>Otocoris alpestris flava</i>	—	tr	nCe	nC	
11. <i>Pinicola enucleator pacata</i>	(n)C	—	—	—	
12. <i>Nucifraga caryocotactes macrorhynchus</i>	(n)R ¹	—	—	—	¹ Южные части
13. <i>Perisoreus infaustus</i> , subsp.	(n)R	—	—	—	
14. <i>Picoides tridactylus crissoleucus</i>	(n)C	—	—	—	
15. <i>Nyctea nyctea</i>	hyemR	hyemC	nC	nC	
16. <i>Archibuteo lagopus pallidus</i>	n	n	nC	Rr	
17. <i>Haliaeetus albicilla</i>	n	n	n	n	
18. <i>Astur palumbarius (schwedowi)</i>	nRr	hyemC	(hyemRr)	—	
19. <i>Falco peregrinus griseiventris</i>	n	n	nC	n	
20. <i>Aesalon aesalon</i>	n	n	trRr	—	
21. <i>Melanonyx fabalis fabalis</i>	n	n	nCe	nR	
22. <i>Anser albifrons albifrons</i>	n	n	nC	nR	
23. <i>Branta ruficollis</i>	—	nRr	nC	?	
24. <i>Branta bernicla</i>	—	—	—	n	
25. <i>Cygnus bewicki (bewicki)</i>	—	(n)	nC	n	
26. <i>Mareca penelope</i>	n	n	nR	—	
27. <i>Dafila acuta</i>	n	nC	nC	—	
28. <i>Nettion crecca</i>	n	nC	n ²	—	² Только в южных районах тундры
29. <i>Marila marila</i>	—	n	nC	n	
30. <i>Clanquula clanquula</i>	n	(n)	Rr(n)(tr)	—	

	Южная лесо- тундра	Северная лесо- тундра	Типичная тундра	Арктическая тундра	Примечание
31. <i>Harelda glacialis</i>	n	n	nC	n	
32. <i>Merqus serrator</i>	n	n	nR	—	
33. <i>Somateria spectabilis</i>	—	—	trC(n)	n	
34. <i>Lagopus lagopus koreni</i>	nCe	nCe	nCe	nRr	
35. <i>Lagopus mutus pleskei</i>	hyemRr	hyemC	hyemC	nC	
36. <i>Charadrius dominicus fulvus</i>	tr	tr(n)	nC	n	
37. <i>Charadrius squatarola squatarola</i>	—	—	nC	n	
38. <i>Charadrius hiaticula tandrae</i>	n	n	nC	n	
39. <i>Gallinago gallinago</i>	n	n	(n)Rr	—	
40. <i>Tringa alpina</i>	—	—	nC	n	
41. <i>Tringa temmincki</i>	—	—	nC	n	
42. <i>Tringa minuta</i>	—	—	nCe	n	
43. <i>Tringa ferruginea</i>	—	—	aestRr	—	
44. <i>Machetes pugnax</i>	—	—	nC	n	
45. <i>Sterna paradisaea</i>	n	n	nC	n	
46. <i>Larus affinis antelius</i>	n	n	nC	n	
47. <i>Larus glaucus</i>	—	—	nRr	n	
48. <i>Stercorarius pomarinus</i>	—	—	trC	nC	
49. <i>Stercorarius parasiticus</i>	—	—	nC	n	
50. <i>Stercorarius crepidatus</i>	—	—	nC	n	
51. <i>Urinator arcticus suschkini</i>	n	n	nC	nR	
52. <i>Urinator stellatus</i>	n	n	nC	n(C)	
53. <i>Urinator adamsi</i>	—	(tr)	trRr	n	

Условные обозначения: n—выводящий (гнездящийся), hyem—зимующий, tr—пролетный, aest—встречена летом, но гнездовье не доказано, ( )—скобка—указание сомнительно; C—обычно, Ce—часто, R—редко, Rr—крайне редко. Указание о гнездовьи в лесотундре сделано на основании предыдущих исследований и опросных данных.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бианки В. А. К авиофауне устья р. Оби и прилегающей части Ямала, Еж. Зоол. муз. Акад. Наук, XIV, 1909.
2. Блямницкий-Бируля А. А. Очерк из жизни птиц полярного побережья Сибири. Зап. Акад. Наук, т. XVIII, 2, 1907.
3. Бутурлин С. А. Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 г. Дневн. Зоол. отдела ОЛЕ, нов. сер., т. 1, № 5, 1913.
4. Виноградов Б. С. Заметки о млекопитающих Якутии. Род *Eutamias*. Мат. Комиссии по изучению Якутской АССР, в. 18, изд. Акад. Наук, 1927.
5. Гиршфельд А. И. Охотничьи промыслы Новой Земли. Охотник, № 8, 1925.
6. Городков Б. Н. Оленьи пастбища на севере Уральской области. Сб. Урал, № 8, 1926.
7. — Работы Гыданской экспедиции Акад. Наук. Докл. Акад. Наук, 1928.
8. Дерюгин К. М. Путешествие в долину нижнего и среднего течения Оби. Труды Петерб. общ. ест., т. XXIX, в. 2, 1898.
9. Domapiewski. Neue Säugethiere aus Nordasien. Annal. Sool. Musei Polon. Hist. Natur., t. V, ser. 1, 1926.
10. Житков Б. М. Птицы полуострова Ямала. Еж. Зоол. муз. Акад. Наук, 1912.
11. — Полуостров Ямал. Зап. РГО, т. XLIX, 1913.
12. Залесский П. К географическому распространению *Budytes citreola citreola* Pall. и *Budytes citreola werae* But. Вести. Томск. орнит. об-ва, кн. 1, 1921.
13. Зарудный Н. А. Заметки по орнитологии Туркестана. Орнит. Вести., № 2, 1912.
14. Kerr. Animal Kingdom, 1791.
15. Лоренц Ф. К. Русский охотник, № 6, 1890.
16. Миддендорф А. А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, 1860.
17. — Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. Сибирская фауна, 1869.
18. Middendorf A. Sibirische Reise. Säugethiere, Vögel und Amphibien, 1867.
19. Огнев С. И. Фауна Mosquensis, т. I, ч. I, Москва, 1913.
20. — Заметки по систематике русских волков и лис с описанием новых форм. Бюл. известия, т. I, Москва, 1922.
21. — Грызуны Северного Кавказа (Ростов-на-Дону), 1924.
22. — Млекопитающие северо-восточной Сибири, Владивосток, 1926.
23. — Новые данные по систематике и географическому распространению семейства *Mustelidae*. Мемуары Зоол. отд. ОЛЕ, в. 2, 1928.
24. — Волки. Украинский мисливець та рибалка, 7—8, 1928.
25. — Звери восточной Европы и северной Азии, т. I, 1928.
26. Pallas P. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, 1773—1788.
27. Pleske Th. Birds of the Eurasian Tundra. Memoir. Bost. Soc. Nat. Hist., v. 6, 3, 1928.
28. Petrov B. Beitrag zur Systematik der Palearktischen Wölfe. Еж. Зоол. муз. Акад. Наук, 1927.

29. Поляков И. С. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции 1866 г. Зоол. наблюдения. Зап. Акад. Наук, т. III, 1873.
30. Ross A. Supplement to the Appendix of. Capt. Parry Voyage, 1824.
31. Skalon W. N. Über einige interessante Säugethiere des Narymgebietes. Zool. Anzeiger, B. 77, Heft 11—12, 1928.
32. Schmidt Fr. Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines angekünd. Mammuthkadavers an den Unter-Jenissei ausg. Expedition. Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersb., t. XVIII, I, 1872.
33. Serebrovsky P. Neue Formen des Moorschneehuhnes (*Lagopus lagopus* L.). Journal für Ornithologie, LXXIV, Heft 3, 1926.
34. — Übersicht der in Russland vorkommenden Formen von *Lagopus mutus* Mont. Journal für Ornithologie, LXXIV, Heft 4, 1926.
35. Суцкин П. П. Птицы Уфимской губернии. Мат. к познанию фауны и флоры Росс. империи, в. IV, 1897.
36. — Птицы Среднекиргизской степи. Мат. к познанию фауны и флоры Росс. империи, в. VIII, 1908.
37. — Зоологические области средней Сибири и нагорной Азии. Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, нов. сер., XXXIV, 1925.
38. Sushkin P. P. Notes on Systematics and Distribution of certain Palearctic Birds. Proc. of Boston Soc. of Natur. Hist., vol. 38, I.
39. — Die Vögelfauna des Minussinsk Gebietes. Bull. Soc. Imp. Natur, Moscou, XXVI, 1912—1913.
40. Тугаринов А. Я. и Бутурлин С. А. Материалы по птицам Енисейской губ. Записки Красноярского п/отд. РГО, т. I, 3—4, 1911.
41. — Птицы приенисейской Сибири. Записки Среднесиб. отд. РГО, т. I, в. I, 1927.
42. Finsch O. Reise nach West Sibirien. Wirbelthiere. Verhandl. d. Zool. Bot. Gesellsch., Wien, XXIX, 1880.
43. Формозов А. Н. Песцы острова Кильдина. Охотник, № 11, 1927.
44. Hartert Er. Die Vögel der Palearktischen Fauna, Band I, II, III und Nachtrag I, 1910—1923.
45. Шостак А. Материалы к изучению авиофауны Обско-Тазовского полуострова. Вестн. Томск. орнит. об-ва, кн. I, 1921.
46. Шухов И. Птицы Обдорского края. Еж. Зоол. муз. Акад. Наук, т. XX, № 2, 1915.

208

Цена 2 руб. 50 коп.